

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ТАТЬЯНА КОРОСТЫШЕВСКАЯ

МУМИЯ
В МЕДУ

Annotation

Череди загадочных событий потрясает провинциальный Славигорск: покушения на местного олигарха, убийства, оживление древних мумий, раскрытие инопланетных технологий. И в центре всего этого оказывается она – медовая девушка Таисия Вереск.

Говорят, время лечит. Это неправда. Время убивает.

Говорят, месть – это блюдо, которое подают холодным. Это правда лишь отчасти. Если времени нет, и «горячая» месть сойдет.

У Таи есть цель, но совсем нет времени. И уж совсем его нет для любви. Но, кажется, мнением самой Таи на этот счет забыли поинтересоваться.

-
- [Татьяна Коростышевская](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. Мышь обыкновенная](#)
 - [Глава 2. Тайны серой мыши](#)
 - [Глава 3. Мышь меняет масть](#)
 - [Глава 4. Мышь необыкновенная](#)
 - [Глава 5. Смертоносная змейка](#)
 - [Глава 6. Клубок влюбленных змей](#)
 - [Глава 7. Его медовое сердце. Петля замыкается](#)
-

Татьяна Коростышевская

Мумия в меду

© Т. Коростышевская, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Тимур

Сумерки вползают в комнату через приоткрытую дверь балкона. Легкий ветерок треплет шторы и позвякивает трубочками ветряных колокольчиков. Тимур приветливо улыбается сидящей напротив девушке. Та не замечает подкрадывающейся темноты, и эта ее доверчивость заводит Тимура даже больше, чем искушенность, которую демонстрировали его предыдущие жертвы. Улыбка молодого человека становится еще шире.

Девушка явно нервничает, сутулится, покусывает губы и пытается спрятать лицо за длинной растрепанной челкой. Не красавица, нет, но и не дурнушка. Как говорится, обычная твердая «пятерка» по пикаперской классификации. Тимур, не отводя взгляда, незаметно подстраивает свое дыхание. Торопиться сейчас не следует. Пусть расслабитесь, начнет ему доверять... Вдох-выдох, вдох...

– Так тебя зовут Таисия?

– Да, – легкое пожатие плеч. – Таисия Вереск.

Хорошая девочка, напуганная, но от этого еще более желанная. Губы хорошей формы – нижняя губа полнее, аккуратный прямой носик, зеленоватые глаза широко расставлены и смотрят из-под каштановой челки с абсолютно детским испугом. Сейчас главное – не смотреть ниже, на грудь, угадывающуюся под тонкой тканью светлого сарафана. Грудь там что надо, зачетная, только излишний интерес к этим частям тела может не понравиться ее владелице, спугнуть ее. Тая, Таечка, Таисия... Сейчас у нее откат – она сама не понимает, зачем пришла в его квартиру, зачем слушала все его хохмочки, подколки и анекдоты. Зачем? Зачем? Он же ее, если начистоту, без особого огонька и обрабатывал-то. На одной технике. Увидел это слегка нелепое создание у торгового центра и решил дальше не искать. Можно было бы, конечно, прогуляться до ближайшего клуба, половить рыбку там, но, во-первых, финансы пели романсы, маменька решила в эти выходные не спонсировать досуг отпрыска, а во-вторых, зачем напрягаться, если можно довольствоваться малым? А эта Таисия вообще-то не такая уж и страшная. До «шестерки», конечно, не дотягивает, но если ее причесать нормально и накрасить – то вполне сойдет.

– Вереск? Это фамилия?! Красиво... «А мне костер не страшен, пусть

вместе со мною умрет моя святая тайна, мой вересковый мед».

Девушка восхищенно смотрит исподлобья. Тимур доволен, что так удачно ввернул цитату из школьной программы, он протягивает руку и легко касается узкого запястья, ставит кинестетический якорь на жертву. Девушка не протестует, хотя и вздрагивает.

«Какая же она пластичная», – думает Тимур и отпускает руку, чуть позже он прикоснется к плечу, потом к шее. Жертва должна доверять его прикосновениям. Жертва...

– Помнишь? – с полуулыбкой спрашивает он, заполняя ненужную паузу. Пусть говорит, звук собственного голоса должен успокаивать.

– Пришел король шотландский
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

– Конечно. Но, если верить семейным преданиям, происхождение нашей фамилии менее эпично. Вереск по-украински – визг. Видимо, мои пращуры отличались повышенной визгливостью.

Тимур смеется над удачной шуткой, не отводя взгляда от порозовевших щек девушки. Миленькая. А ведь ему и в голову бы не пришло, что такая вот типичная училка младших классов сразу после знакомства согласится на продолжение общения дома. Правда, он включил обаяние на полную – повадки уверенного самца, настойчивое приглашение на чай. Хорошо еще было куда ее пригласить – мать загорает на пляжах Шарм-эль-Шейха, квартира свободна. Надо будет еще Эдику позвонить, сказать, что встреча отменяется. Братан поймет – по кодексу братанов секс с новой цыпочкой важнее запланированной пьянки. Интересно, сколько ей лет на самом деле? Она говорила – двадцать пять, а на вид больше двадцати не дашь, но это – потому что без макияжа и одета простовато.

Таисия одергивает на коленях юбку и смотрит вниз, на огромные клетчатые тапки, в которые ей было предложено переобуться. Кресло большое, глубокое, в нем непросто держать спину прямо.

– У тебя есть домашние животные? – краснеет, спрашивая невпопад. – Просто я собак люблю.

Тимур наслаждается происходящим, подбираясь все ближе к цели. Он всего-то чуть больше года занимается пикапом, и вот сегодня у него юбилей – сотая цыпочка, попавшая под его безусловное мужское обаяние.

Трепетная лань, сдавшаяся под яростным напором альфа-самца. Жертва и...

– Собака у тебя есть? – настойчивый вопрос диссонирует с общей расслабленностью атмосферы. – Здесь, в квартире?

– Нет, – очередное прикосновение к запястью.

А пальцы у нее тонкие, длинные, с розовыми детскими ноготками.

– У тебя красивые руки.

Тактильный контакт продолжается, ее ладони сухие и горячие.

– Ты любишь серебро?

– Что? – растерянно переспрашивает девушка. – Ах, это!

Она машинально заправляет браслет под манжету рубахи и прерывает контакт.

– Пожалуй, да, люблю...

Брови у нее гораздо светлее волос, а губы бледно-розовые, с четким рисунком.

Тимур тянется к пульту, выбирает нужный трек, и через мгновение из скрытых в стене колонок музыкального центра доносится негромкий гитарный перебор. Музыка преследует сразу две цели: во-первых, расслабить цыпочку – хотя, кажется, куда уж больше, Таисия и так уже полулежит в кресле, прикрыв глаза, а во-вторых... Тимур нажимает еще одну кнопку, активируя видеокамеру.

– Тебе, наверное, неудобно в кресле? Давай ко мне. Диван длинный, мы вдвоем поместимся.

Девушка открывает глаза. В их изумрудной глубине альфа-самцу чудится сомнение.

– Фильм какой-нибудь могу поставить, – дружески предлагает Тимур. – Ты что хочешь посмотреть?

– Сегодня, в двадцать два ноль-ноль... – Таисия бросает взгляд на часы. – Я хочу смотреть на пожар.

Девушка одним рывком поднимается, перешагивает кресло с изяществом гимнастки и резко задергивает шторы. Багровое зарево заполняет комнату, до слуха Тимура доносится взрыв, треск огня, сирены пожарных машин.

– Это торговый центр? – пугается парень.

– Он самый, – кивает девушка, сдергивая с головы каштановый парик. – ТЦ «Пирамида» – надежда и оплот городской экономики. Правда, красиво?

Тимур хочет спросить: «Ты что, пироманка?» или «Ты что, чокнутая?», а вместо этого бормочет:

– Ты блондинка!

– Иногда, – хохочет Таисия. – Если ситуация того требует.

И тогда Тимур становится очень-очень страшно. Потому что стоящая перед ним женщина вовсе не та, которую он склеил пару часов назад у полыхающего сейчас торгового центра. Та была овечкой, эта – хищная кошка.

– Что тебе от меня нужно? Денег?

– Денег всем нужно, – мурлычет кошка, мягко, на цыпочках подходя к нему. – Только твоих финансов мне для счастья не хватит.

– Тогда чего? – Тимур хнычет как обиженный ребенок, не замечая текущих по щекам слез.

Таисия приближает к нему свое лицо, будто принюхиваясь.

– Не бойся, мышонок. Я тебя не обижу.

Эдик

Тимур не выходил на связь. Эдик звонил ему раз сто – и на мобильный, и на домашний, оставлял сообщения в социалках, на форуме, строчил эсэмэски. Но братан, кажись, залег на дно, и это Эдику совсем не нравилось. Во-первых, Тим «торчал» ему три сотни еще с той памятной вечерухи в «Пирамиде». А во-вторых, Тимова родительница, Маргарита Александровна, собралась прожаривать свои телеса под солнцем Египта – Эдик подозревал, что жарить Маргариту Александровну будет еще и паратройка местных мачо, иначе зачем еще тетка за сорок каждый год в Египет летала бы, не на дохлых же фараонов смотреть? А раз маменька исчезла с горизонта, хата должна гулять.

Дом у Тимура был богатый, пафосный – свеженький новострой с расчерченной парковкой, нарядными клумбами и лавочками во дворе. И дверь подъезда заявленному пафосу соответствовала – железная, в кованных накладках.

Эдик вдавил кнопку домофона и прислушался к шороху в динамиках.

– Тим! Ты там?

Минуты три ничего не происходило, наконец до слуха Эдика донесся хриплый голос братана:

– Кто... Какого... За каким... Да пошел ты!

Так бы Эдик и стоял, вслушиваясь в предлагаемые адреса, но, к счастью, дверь открылась – хорошенькая соседка, «восьмерка» по международной пикаперской классификации, ухоженная самочка с

отпадными буферами, блондинистой гривой волос и белозубой улыбкой выходила на утреннюю пробежку.

Эдик на автомате выдал любимый шаблон:

– Девушка, а вы туфельку не потеряли?

Красотка опустила взгляд к своим ножкам, обутом в беговые кроссовки, и шагнула вперед.

– Тут я должна спросить – «какую?», а ты ответить – «хрустальную?».

– Ну да, – пробормотал Эдик, ощутив в груди непривычное стеснение. – А потом ты должна сказать, как тебя зовут, и дать номер телефона.

Сердце ускорило, перекачивая литры крови. «Восьмерка», вопросительно приподнявшая золотистые брови над изумрудно-зелеными глазами, плавно превращалась в «девятку». Такие женщины, наверное, только раз в жизни встречаются. Надо будет у Тима про нее расспросить. Не может быть, чтоб братан на это чудо, живущее по соседству, внимания не обратил. Какая талия! Ладонями обхватить можно. А ножки! Бесконечно длинные и запредельно стройные! И волосы – золото и мед.

Эдик потянул носом. Ему показалось, что в воздухе разливается сладкий аромат.

– Бог подаст! – В дверях появился смуглый бровастый пацаненок, волочащий за собой чемодан на колесиках. – А это, извини, мужик, не твоей лиги барышня.

В мальчишке было что-то неправильное, нелогичное, но что именно, Эдик так и не успел определить. Красотка рассмеялась, ухватила за ручку чемодана и подняла его без видимых усилий:

– Не злись, Рашук. Может, это любовь с первого взгляда.

Пацан пробормотал что-то неразборчивое и прикрикнул на Эдика:

– Иди, куда шел, рожа похотливая. Развелось вас тут, на квадратный метр... Или ускорение придать?

И имя у него было дурацкое, не местное, и одет он был как бомж, во что-то разношенное и бесформенное, похожее на полосатый махровый халат. По контрасту с ухоженной блондинкой пацан смотрелся как привокзальный попрошайка. Эдик при всей своей сообразительности не мог представить, что связывает двух настолько разных людей. Они родственники? Мать и сын? Не похоже – мальчишке лет двенадцать, красоте – чуть больше двадцати. Хотя с нынешним развитием пластической хирургии любая сорокалетняя тетка может себе юное личико заказать. Странная парочка удалялась в сторону парковки, а Эдик наконец решился:

– Ну хоть скажи, как тебя зовут, принцесса!

Блондинка обернулась через плечо и укоризненно покачала головой:

– Иногда важно вовремя остановиться.

Дверь за спиной захлопнулась с металлическим лязгом, но Эдик уже никуда не спешил. Для него вдруг стало исключительно важно продолжить общение – обаять, заговорить, соблазнить. Ему казалось, что, если сейчас рыбка сорвется, сладкий запах духов будет преследовать его всю жизнь.

– Тогда вот, – парень стал лихорадочно рыться в карманах джинсов в поисках визитки.

Карточки у него были зачетные – дорогая, приятная на ощупь бумага, четкий шрифт, только имя и номер телефона. Особы женского пола, ОЖП, как их называли пикаперы между собой, не должны были получать информации больше, чем ты готов им дать. Должность? Адрес? Домашний телефон? А если жертва окажется навязчивой или влюбленной без памяти, если решится потом преследовать? А кого интересует отработанный материал? Конечно, высшим пилотажем считалось оставить после себя приятные воспоминания без надежды на продолжения отношений. Но разумную предосторожность на заре общения никто не отменял.

– Возьми! – Эдик подбежал к красотке, протягивая свою визитку. – Если захочешь меня найти...

– Тоже мне, неразрешимая задача! – оборванец, оказавшийся нечеловечески проворным, заступил путь и слегка толкнул пикапера в грудь. – Тебя! Самца озабоченного! Найти!

Черные, как ночь, глаза затуманились.

– Эдуард Сидоренко, двадцати трех лет, проживающий с родителями по адресу: улица Индустриальная, пятнадцать, квартира три, временно безработный, вторая группа крови, плоскостопие...

– Рашук! – Блондинка даже злилась прекрасно. – Мы теряем время.

Мальчишка моргнул:

– Живи пока, Сидоренко, торопимся мы! – и смачно сплюнул себе под ноги.

Эдик приходил в себя минут двадцать. Выкурил сигаретку, чтобы табачный запах перебил сладкий цветочный шлейф ее духов, посидел на лавочке, любуясь, как дворник в оранжевом жилете поливает клумбы, и прошмыгнул в подъезд за работником метлы и лопаты, когда тот закончил работу.

Тимур выглядел как после недельного запоя – всклокоченный, с красными глазами.

Из одежды на братане был только шелковый халат родительницы –

алый в золотых лилиях, длиною едва до середины бедер. Декольтированная грудь Тима поражала мускулистостью, и полноватый Эдик в сотый раз пообещал себе записаться в качалку.

– Ночка, как я вижу, удалась? – решивший с сегодняшнего дня посвятить себя фитнесу Эдик бодро протопал на кухню и открыл дверцу холодильника – в отсутствие Тимовой маменьки можно было не церемониться.

– Чего это ты, Винни-Пухом заделался?

Все полки холодильника были забиты баночками с медом – пластиковыми бутылками, стеклянными пузырями разного литража. Даже молочники и супница из парадного сервиза Маргариты Александровны стояли здесь же, по венчик заполненные янтарным содержимым. Мед Эдик определял с полувзгляда – тяжелое детство в деревне у бабушки, знатной славигорской пасечницы, накладывает, знаете ли, отпечаток.

– Она сказала, это очень полезно, – рассеянно ответил Тимур, снимая с огня свистящий чайник и заливая кипятком заварку. – Для кожи там и для потенции.

Чаинки сразу распустились коричневыми щупальцами.

– Угумс, – Эдик вкусно запивал мед обжигающим чаем и активно поддерживать беседу не мог. – Че за цыпочка? Юбилейная? Как зовут?

Тим запустил пальцы в шевелюру. На запястье звякнули браслеты.

– Кого?

– Телку, которая тебе холодильник медом забила.

Тимур смотрел на приятеля абсолютно стеклянными глазами.

– Зовут... Кинестетический тест: руки – нейтралка, плечи – позитив. Раппорт слабый, доверия маловато... Тая, Таечка, Таисия...

«Скорая» приехала минут через десять. Толстая врачиха велела уложить Тимура на диван в гостиной, измерила давление, заставила высунуть язык. Укоризненно качала головой, выслушивая описание симптомов.

– Истощение у тебя, парниша. Жрал когда в последний раз?

– Не помню, – шепотом отвечал Тимур.

– Давно он в таком состоянии?

Тетка была хамоватая, но дело свое знала. Хрустнула ампула, пластиковая трубочка шприца заполнилась жидкостью.

– Мы с ним не виделись пару дней, – Эдик страшно хотел закурить, но при медработнице стеснялся. – Он с девушкой познакомился...

– Понятно, – игла вошла в руку Тимура повыше браслетов. – Молодозелено! На клофелин не похоже, но я бы проверила, все ли вещи на месте.

Глава 1. Мышь обыкновенная

Таусия

За окном выла собака. Тревожно, безостановочно. Я посмотрела на часы. Четыре тридцать. Будильник я накануне ставила на пять, так что поганая псина украла у меня полчаса самого сладкого утреннего сна.

Позевывая, я сползла с кровати, волоча за собой одеяло. За окном было свежо и пахло сиренью. Я с силой захлопнула створку. Вой не прекратился, но теперь хотя бы стал менее слышен. Частный сектор, господа, он такой – тишина, спокойствие, уют и домашние животные в ассортименте.

Кухонька встретила меня какой-то больничной чистотой. В детстве, когда мы с родителями приезжали сюда, кухня становилась средоточием дачной жизни. Здесь всегда вкусно пахло – булочками, киселем или запеченным мясом. На плите в медных погнутых тазах томилось варенье, а у большого, не по-дачному нарядного окна ждали своей очереди превратиться в закуску свежие огурцы, помидоры или осенние яблоки. Мама готовить умела и любила. Я не люблю.

На завтрак у меня планировались тосты и чай, но от недосыпа мутило, и я решила перехватить что-нибудь уже в городе. Пикнул таймер наручных часов, я выдавила из блистера горошину таблетки и запила ее водой из-под крана.

Утренняя рутина заняла минут пятнадцать – прохладный душ для бодрости, тщательное расчесывание непослушной гривы – по сто раз в каждую сторону, как еще бабушка учила, последующее затягивание потрескивающих под пальцами волос в тугий конский хвост. С внешним видом я особо не заморачивалась – люди не шарахаются и слава богу. Джинсы и свежая футболка ждали меня на спинке стула с вечера, я натянула их на еще влажное тело и подхватила с пола рюкзак.

– Прощай! – обернулась я от двери. – Сегодня буду поздно.

Дом тихонько мне ответил: скрипнула половица на втором этаже, заурчал холодильник, который я наконец накануне заполнила продуктами, воспользовавшись службой доставки супермаркета.

Я заперла дверь, ключ опустила в пустой цветочный горшок, именно для этих целей стоящий на веранде, и вывела из сарая велосипед.

– А ты чего коня своего на ночь не запираешь? – донеслось из-за

забора. – Тай, а Тай? Он же у тебя тыщи немереные небось стоит?

Я кивнула соседке: «Да, тысячи, да немереные», и застегнула под подбородком велосипедный шлем.

– А кастрюля тебе энта на голове зачем сдалася? – визгливо продолжала Васильевна. – Или боишься, что мозги утекут?!

Васильевна была старше меня всего лет на шесть-семь, я ее помнила еще с детства – визгливую голенастую девчонку, которая не давала мне житья, гоняя по всему дачному поселку подковыристыми вопросами и дурацкими шуточками. И говорок этот ее простоватый, будто слизанный из фильма про российскую глубинку, помнила. Никто в Славигорске так не говорил – энтот, сдалася, небоса.

– А вчерась люди из города приезжали твой дом смотреть, – продолжала меж тем Васильевна. – Я, главное, говорю: «Нету хозяйки, к вечеру с работы возвернется», а они: «Мы туточки оглядимся просто...»

– Как смотреть? – встревоженно переспросила я. – Что за люди? Документы какие-нибудь показывали?

– Солидные люди, стал быть, – обрадовалась моему интересу соседка. – На иномарке, здоровущей такой... Ну знаешь... «Гелендваген»! Во!

Я пожала плечами.

– Суровая тачка. Бандиты какие-то?

– Так кто ж их, Тайка, сейчас разберет...

Дальше Васильевна пустилась в кудахтающие рассуждения о всеобщем падении нравов, а я наконец закрыла калитку.

– У меня просьба будет, – в общении я старалась обходиться безличными оборотами, потому что как обращаться к соседке – на «ты» или на «вы», так для себя и не решила. – Если опять кто-нибудь придет дом смотреть...

– Сказать, чтоб с тобой договаривались?

– Нет, передать, что дачу я не продам. Никогда, ни за какие деньги.

Колеса мягко шуршали по грунтовке, когда я выезжала за территорию поселка. Шлагбаум, некогда преграждавший путь, был поднят, будочка сторожа пустовала. Когда я была маленькой, здесь постоянно дежурили сменные охранники, бдительно проверявшие документы приезжих и знавшие всех местных жителей в лицо и по фамилии. Но за прошедшие года поселок наш основательно захирел – реже приезжали отдыхающие, ветшали домишки. Из-за строительства новой кольцевой дороги и переноса автотрассы добраться в нашу глухомань на автомобиле стало делом сложным. Люди состоятельные предпочитали строить дачи в другом месте

– на берегу славигорского водохранилища, до свежего воздуха и прекрасных видов которого по новой дороге можно было домчаться меньше чем за час.

Электричка подошла к обшарпанному перрону минута в минуту. В тамбуре покуривал какой-то мужичок в резиновых тапках на босу ногу, он-то и помог затащить велосипед.

– Куда влечет столь прелестную особу в столь ранний час? – Попутчик видом своим и перрону, и электричке соответствовал, эдакий безобидный маргинал с дефицитом общения. Я холодно улыбнулась, одновременно демонстрируя приветливость и нежелание продолжать знакомство.

– Барышня рассчитывает успеть к открытию?

– К открытию чего? – Я поморщилась от крепкого табачного дыма. – Вы бы не могли в другую сторону дымить?

– Не нравится – не нюхайте, – отрезал собеседник. – Народное гулянье ознаменует сегодняшнее открытие торгового центра «Пирамида», а пришедшие к открытию оно одарены будут самыми приятными скидками.

На любителя шопинга мужик не тянул, а тянул он на обычного алкаша, влекомого в Славигорск жаждой халявной выпивки и закусок.

– Дегустацию ближе к вечеру планируют, – предупредила я.

Алкаш выдохнул столб вонючего дыма:

– Ваша, барышня, склонность навешивать ярлыки чести вам не делает.

Глаза у него были светло-карие, прозрачные, и читалась в них укоризна.

– Вот вы думаете, алкоголик дядя Витя, дурак дядя Витя... А он, между прочим, внимательно следит за новостями – как городскими, так и международными, и готов, не чинясь, дать совет или поделиться информацией.

«Значит, моего собеседника зовут Виктор», – подумала я, молча разглядывая проносящийся за окошком сельский пейзаж. Про открытие торгового центра я и без «дяди Вити» все знала. Мужичок все бубнил, я пыталась не слушать. «Раз ромашка, два ромашка, три ромашка... шесть...»

– ...раннединастические египетские некрополи – Абидос, Саккара, Тархан, они, конечно, дают нам представление о древних обрядах...

«Восемь галок, девять галок, десять галок, все...»

– ...конечно, они использовали натриевый щелок. Но существуют предания, что некоторых особо важных покойников бальзамировали в меду. Например, тело Александра Македонского было опущено в белый мед,

который никогда не таял...

«Вот оно как, – не отводя взгляда от окна, думала я. – Значит, вовсе не алкаш дядя Витя, а местный сумрачный гений, египтолог-любитель, спешащий своими глазами увидеть приуроченную к открытию торгового центра экспозицию».

Мысль рекламщиков, стремящихся обеспечить новую торговую точку большим вниманием СМИ, была проста как три копейки. Название «Пирамида» плюс настоящая египетская мумия равняются информационному поводу. Праздничный концерт с песнями и плясками в центральную прессу, не говоря уж о телевидении, не протолкнуть, а вот древнюю иностранную мумию – пожалуйста. И на канал «Культура» можно, и на исторический, и даже на детский, если ракурсы для съемки понаряднее подобрать.

Пейзаж за окном изменился – мы въехали в промзону. Скоро городской вокзал, и я смогу расстаться с начитанным, но очень нудным собеседником, не прибегая к физическому насилию. Врезать «дяде Вите» мне захотелось сразу после описания извлечения мозга покойника через нос, и желание это меня до сих пор не отпускало.

Я спрыгнула на платформу, попутчик галантно подал мне велик.

– Спасибо. Вы разве не выходите? Это конечная...

Мужичок достал из кармана потертых джинсов новую пачку сигарет и зажигалку, с шиком крутанул колесико о штанину, прикурил и затянулся:

– Вы ступайте, барышня, я, пожалуй, в отстойник прокачусь. Кое-какие дела у меня там.

Я пожала плечами.

– И уж простите меня, дурака старого, что всю дорогу на вас дымил. Эти сущности только табачного запаха и боятся, я уж иначе и отчаялся их отвадить.

Я снова пожала плечами.

– И собаки всю ночь выли, – уже в спину мне сообщил дядя Витя. – Не к добру это, барышня, ох, не к добру.

Я не обернулась.

К подножию «Пирамиды» я подъехала в семь тридцать, оставила велик на стоянке для персонала, показала пропуск сначала заспанному полицейскому, потом бодрому охраннику и через вертушку турникета просочилась в служебные помещения.

Торговый центр уже гудел, готовясь к первому рабочему дню. Шесть ярусов, десятки арендаторов, сотни торговых точек, персонал, точное количество которого мне неизвестно. В восемь часов для посетителей

откроют супермаркет на первом-втором этажах. В девять – начнут работу бутики и салоны на третьем. В десять включают эскалаторы на четвертый – фитнес-центр, развлекательный детский комплекс, каток с искусственным льдом, кинотеатр. Я воспользовалась служебным лифтом. Слава Гору, здесь обошлось без псевдодревнеегипетского дизайна, которым щеголяло убранство остальных помещений. Уж не знаю, сколько и кому наш господин и повелитель отвалил за этих жуков-скарабеев, барельефы с Анубисом и цыплячье-желтые драпировки на всех этажах, но сколько бы ни заплатил – все равно много. Цветовые решения будили агрессию, обилие насекомых – инсектофобию, а обнаженные женские фигуры со звериными головами – сомнения в адекватности художника.

Сам Барин, Баринов Аристарх Евгеньевич, владелец заводов, газет, пароходов, ну и счастливый обладатель почти всамделишной пирамиды, его же прихотью возведенной в Славигорске за каких-то полгода, занимал шестой этаж, самую вершину своего детища. Персонал торгового центра в гнездышко «самого» не допускался, особенно после последнего громкого покушения, но, по слухам, там был сплошной хай-тек, даже без намека на саркофаги, захороненьица и мумийки, а с террасы пентхауса можно было любоваться видом города с высоты птичьего полета.

Створки кабинки разъехались. Я ступила в темноту служебного холла. Это был пятый уровень – не святая святых, но и не место народных гуляний – скорее VIP-зона, включающая выставочный и концертный залы. Именно сюда, если я правильно расшифровала его бормотание, стремился мой утренний попутчик «дядя Витя» – посмотреть на мумию. Без шансов, надо сказать, стремился. Потому что Very Important Persons не любят смешиваться с чернью, а требуют особого отношения. И следуют особыми путями, для простых смертных не предназначенными. Попастись в выставочный зал можно было только от подземного паркинга, воспользовавшись стилизованными под папирусные нильские плоты тележками, ну или как я – перепутав кнопки в лифте для obsługi.

Шорох автоматических дверей за спиной заставил меня обернуться, я опоздала буквально на долю секунды: щель сомкнулась, отрезая меня от света. Наступила полная темнота. Я на ощупь искала кнопку вызова, не нашла, чертыхнулась и решила искать выход на служебную лестницу. Как только я отлипла от стены, сработали датчики движения, и пятачок холла залил искусственный свет. Тысяча чертей! Кнопка вызова лифта отсутствовала, значков пиктограммок с указанием направления к выходу, предписанных пожарной безопасностью, тоже не наблюдалось. А самое странное, что здесь не было ни одной двери. Вообще.

Я несколько раз глубоко вздохнула. Мои наручные часы показывали уже восемь – а это значило, что тот самый дедлайн настал и за каждую последующую минуту опоздания руководитель отдела вычтет из моей и без того небольшой зарплаты.

– Думай, тряпка! – громким шепотом скомандовала я себе. Команда не особо помогла, в глазах почему-то стало двоиться и мне показалось, что воздуха в моей гладкостенной камере поубавилось. Думай!

– Барин любит Египет, это понятно даже такой легкомысленной дуре, как ты, от этого и будем танцевать, – бормотала я, чуть не обнюхивая стены на предмет скрытых рычагов. – Ты тысячу раз такое в фильмах видела – отважные расхитители гробниц нажимают на какой-нибудь посторонний предмет типа подсвечника или дергают за бородку статую Осириса на каминной полке, в полу разверзается отверстие, и Лара Крофт, или Индиана Джонс, или... Должен быть знак, подсказка!

Я в поисках пресловутой подсказки обшаривала пространство взглядом, когда мне на лоб упала капля. Вздогнув от неожиданности, я отерла ее рукавом. Кап. Я увернулась, подняла голову и, прищурившись, попыталась разглядеть, откуда она сорвалась. До потолка было метра три, но вычурная люстра в виде клубка змей свисала довольно низко. Я подпрыгнула, пытаясь ухватить рукой одну из змеиных голов. Ладонь скользнула по чему-то слизкому и сорвалась. Подошвы кроссовок мягко спружинили от пола, и один из сегментов стенного покрытия ушел в сторону. «А вы говорите, каминны и статуэтки, – довольно размышляла я, протискиваясь в образовавшуюся щель. – Интересно, какой грязнуля пользовался потолочным рычагом до меня?»

Это были парадные залы. И мелкие сошки вроде меня могли насладиться их парадным великолепием, только разнося подносы с закусками. Сейчас обширное VIP-пространство было пустым, но при желании могло вместить человек двести, не меньше. Взгляд скользил по аркам, пилонам – и имелся в виду вовсе не шест для стриптиза, а древнеегипетская колонна, по статуям черного мрамора, изображавшим, казалось, весь известный древнеегипетский пантеон. Я увидела Гора, Озириса, кошкоголовую Бастет, повелителя «того света» Анубиса, какую-то тетку, косплеющую в беременного бегемота и, скорее всего, считавшуюся покровительницей рожениц. Нет, я, конечно, девушка начитанная, но не чрезмерно, поэтому на тот момент имя Таурт мне ни о чем не говорило, и даже крокодильих зубов в ее раскрытой пасти я не заметила.

Рука чесалась, я терла ее о штанину, но липкая гадость не желала оттираться. Понюхала ладонь – пахло медом, и я решила, что вполне

потерплю до ближайшего умывальника. Застывший хоровод статуй ослеплял чернотой по контрасту с белым мрамором пола. От ног Бастет едва заметными прожилками начиналась извилистая дорожка, уводящая в другой, смежный зал. И я пошла по ней, чувствуя себя не то Дороти в стране Оз, не то персонажем маньяко-триллера, одной из тех грудастых барышень второго плана, которые ходят в темные подвалы, заброшенные котельные, а потом очень удивляются, когда их таки настигает маньяк, или чудовище, или приведение (нужное подчеркнуть), ну или ожившая мумия, до безобразия макабрическая. К примеру, вот такая, которая лежала в золоченом саркофаге на мраморном столе, прикрытая лишь тонким стеклом. Я склонилась над саркофагом. Бурые бинты были намотаны небрежно, обнажая половину страшного лица, я видела впалую пустую глазницу, пучки ветхих лицевых мышц, челюсть, облепленную иссохшей плотью. Под потолком вспыхнул свет, я оттолкнулась от стекла, оставляя на нем липкий след, и юркнула в нишу за возвышением. В зал кто-то входил. И судя по тому, с какой готовностью зажигались лампы...

Неожиданно закружилась голова. Перед глазами как в замедленной съемке появилось страшное мумифицированное лицо, вот я прикасаюсь к стеклу, прозрачная поверхность дрожит, лицевые мышцы мумии приходят в движение и блестящий черный глаз...

Я тряхнула головой. Нет, показалось. И я еще сильнее вжалась в свой закуток. Если меня сейчас здесь обнаружат, работы я лишусь, это как пить дать. Спина не встретила опоры. Я провалилась в какую-то трубу, печально провожая взглядом удаляющееся пятно света. Лара, черт ее дери, Крофт недоделанная...

Аристарх Евгеньевич

Гость дымил не переставая. И Аристарх, с некоторых пор заботящийся о своем здоровье, внутренне содрогался, вспоминая о вреде пассивного курения. Сегодняшний сеанс в кислородной камере нужно будет увеличить хотя бы минут на пятнадцать. Кто знает, сколько канцерогенов и других вредных веществ осело в его легких за время этой беседы. Пассивное курение, по исследованиям британских ученых, приносит вред больший, чем активное.

Гость усмехнулся в желтые от табака усы и затушил сигарету в услужливо подставленной пепельнице. Сережа, правая рука Аристарха Евгеньевича, страдальчески поднимал брови и бросал на Барина

многозначительные взгляды, как бы уговаривая потерпеть еще немножечко. Потому что посетитель, несмотря на общую непрезентабельность, личностью был неоднозначной и, пожалуй, нужной.

Аристарх уже давно делил людей на две категории – тех, кому нужен он сам, Аристарх Баринов, и тех, кто нужен ему. Вторых с возрастом становилось все меньше. Потому что друзья, те самые, которых, в отличие от родственников, мы выбираем сами, остались там, в его бесшабашной, жадной, агрессивной молодости. Сейчас, когда Аристарх Евгеньевич, Арик, как ласково звала его новая любовница Лерочка, собирался разменять шестой десяток, то есть вошел в золотой век каждого мужчины, окружали его либо финансовые партнеры, либо лакеи, ну и такие вот «Лерочки», почти ежегодно заменявшиеся на улучшенные модели. Потому что запросы господина Баринова росли соответственно его благосостоянию, а мужчина определенного уровня не может пользоваться чем-то... некачественным.

Гость пробежал глазами последнюю страницу, захлопнул папку и потянулся за следующей сигаретой:

– Что ж, милостивый государь, ваша проблема мне понятна, – пальцы с плоскими желтоватыми ногтями крутанули колесико зажигалки, – и думаю, в ближайшее время мы сможем ее решить. Финансирование с вашей стороны, конечно, придется увеличить...

– Но позвольте, – встrepенулcя Аристарх. – В договоре четко указана сумма.

Гость осклабился, хищно сверкнув белоснежными клыками, и покачал головой:

– Полноте, батенька. Мы тут с вами не в фантики играем. По договору будете своим хмм... работникам платить, в вашем геронтологическом центре. Мы же... хмм... люди независимые, оттого обходимся дороже.

Сереза со своего места пытался подать какой-то знак – подмигивал, хмурил брови. Обслуга у Аристарха была высококлассная, чем он немало гордился. Помощник даже помыслить не мог, чтобы открыть рот без разрешения начальства.

– Ты хочешь что-то сказать, Сергей? – наконец смилостивился хозяин.

Парень кивнул:

– Виктор Иванович, мы беседовали с вашими клиентами, все они отмечают высокое качество вашей работы.

Гость благостно покивал, выпуская из-под усов дым:

– В нашем деле, юноша, главное – безупречная репутация.

– Конечно. Но нам бы хотелось получить от вас что-нибудь... – Сереза

сбился, подыскивая правильные слова. – В качестве аванса. Вы меня понимаете?

Аристарх ощутил нечто похожее на умиление. Парнишка отстаивал хозяйские интересы в любой ситуации.

– Конечно, молодой человек, – с хитринкой ответил гость. – Я понял вашу мысль. Давайте закончим сегодняшнюю беседу на мажорной ноте.

Виктор Иванович поднялся с кресла и протянул руку хозяину:

– Позвольте откланяться. Встретимся на вечернем торжестве, сударь мой, и в случае вашего положительного ответа... А впрочем, после поговорим, голуба моя.

Слегка растерянный Аристарх пожал протянутую ладонь. Рукопожатие было крепким и неожиданно весьма болезненным. Жжение распространялось от ладони к кончикам пальцев и становилось нестерпимым.

– Эффект проявится минут через двадцать, – улыбнулся гость. – Вы пока прилягте, с непривычки вам трудно будет стоять на ногах. Молодой человек, проводите меня.

Аристарху Евгеньевичу было так адски больно, что ни думать, ни говорить он не мог, только округлившимися от ужаса глазами смотрел на свою ладонь, на расплывающееся на ней бурое пятно, формой напоминающее кособокого скарабея.

– Идемте, идемте, – поторопил Сережу гость. – С вашим шефом все будет в порядке, не сомневайтесь. В противном случае вы всегда сможете меня найти и призвать к ответу.

Таисия

Это была какая-то вентиляционная шахта, или грузовой отсек самолета, или локация компьютерной игры. Я стояла на четвереньках, почти упираясь спиной в низкий потолок. На стенах, насколько хватало взгляда, inferнально мерцали красные люминесцентные лампочки. «Почему красные? Для кого здесь вообще освещение? Где отверстие, через которое я сюда провалилась?» Мысли тоже мерцали, на несколько страшных мгновений мне показалось, что в том же ритме пульсирует кишка коридора.

– Чего остановилась? Вперед ползи! – требовательный шепот с реальностью меня несколько не примирил. – Шевелись давай, скоро вытяжку закроют, и мы тут задохнемся к демонам!

Обернувшись через плечо, я заорала и лягнула воздух в лучших традициях пилатеса. Мертвенно-бледная рожа преследователя одарила меня кривой улыбкой:

– И поля камыша нам, как ты понимаешь, не светят.

– Изыди!

– Ты чего, женщина? – Рот чудища был измазан чем-то, что я с перепугу приняла за кровь. – Так славно ползли, в команде, можно сказать, работали...

Он задумчиво вытер подбородок, осмотрел ладонь, близоруко щурясь:

– Как, ты говоришь, тебя зовут?

Первый испуг прошел, дыхание начало успокаиваться, и я осознала, что в полутора метрах от меня, почавкивая, слизывает что-то с ладони обыкновенный ребенок. Мальчишка лет двенадцати, с резкими чертами лица, большими миндалевидными глазами, хищным длинным носом и тонкогубым ртом.

Что он там про вытяжку бормотал? И что вообще происходит? Последнее воспоминание – я лечу спиной вперед в какую-то дырищу. Кто этот мальчишка? И что он, черт дери, жрет?

– Давай сначала наружу выберемся, а потом я на все твои вопросы отвечу, – тоненький голосок, бровки домиком, умильная рожица. – Ну пожалуйста!

Я кивнула и двинулась дальше. Истерику я и на воле закатить успею. Красные лампочки, к моему удивлению, тоже зашевелились, перемещаясь по пути нашего следования.

Я, видимо, как-то неестественно вывернула шею, пытаюсь рассмотреть дивную помесь муравьев со светлячками, потому что спутник мой счел своим долгом сообщить:

– Ты начала задыхаться в темноте, пришлось быстро освещение организовать. Вот тут подождать надо. Стой! Замри!

Светляки очень быстро начали группироваться у левой стены, переползая через потолок и шурша суставчатыми лапками. Больше всего они сейчас напоминали осиный рой. Мальчишка протиснулся вперед, держа в протянутой руке что-то наподобие резиновой груши.

– Голову береги, сейчас рванет! – и брызнул какой-то жидкостью в самый центр шевелящегося красного пятна.

Рвануло знатно, но почти бесшумно, целый сегмент металлической стены исчез, вместе с ним испарились и насекомые. Подталкиваемая мальчишкой, я выбралась наружу.

Мы оказались в другом коридоре – на этот раз нормальных размеров.

– Еще минутку подожди, дыру заделать надо. – Мальчишка присел на корточки, рассматривая повреждения, потом сложил губы трубочкой и тихонько, почти неслышно засвистел.

Я с удивлением отметила, что одет ребенок в шикарную шелковую пижаму цвета бордо, правда, очень грязную и изрядно протертую на коленях.

Сначала ничего не происходило, потом я услышала далекий шум, какой-то нарастающий стрекот, все пространство коридора заполнилось летящей саранчой. К насекомым я относилась спокойно, но брезгливо передернула плечами, когда вся эта копошащаяся масса начала облеплять стены.

– Пошли! – скомандовал мальчишка и властно взял меня за руку, ладонь у него была липкой. – Считаю, следы замели, через двадцать минут тут чистота и порядок будут. У тебя никакого коммуникатора при себе нет? Мне бы план поэтажный глянуть.

Кончик длинного носа шевелился, будто парень к чему-то принюхивался:

– Вай-фай тут точно есть, можно в Сеть выйти...

Я молча выдернула руку.

– Ты чего? Опять повело? Тогда давай кухню найдем, быстрыми углеводами закинемся. А пока – на, пожуй.

– Ты вообще кто? – выбила я из его руки обмусоленный шоколадный батончик. – И какой наркотой ты меня накачал?

– Ничем я тебя не накачивал, – ответил пацан, осторожно поднимая с пола лакомство и пряча его в карман. – Ты, тетенька, сама ко мне пришла, сама кодовый замок вскрыла, сама в вентиляцию потащила... Да вот же он, план!

Мальчишка подскочил к пожарному щитку, рядом с которым в прозрачном плексигласовом окошечке висело изображение ТЦ «Пирамида» в разрезе.

Я тоже приблизилась.

– Куда я за тобой пришла?

– Сюда! – длинный палец ткнул в самую верхушку пирамиды. – Точно, сюда. Потом мы прошли здесь, свернули направо. Правильно? Я еще хотел налево пойти, через холл, а ты запретила, сказала, что там широкий обзор у камер наблюдения...

– Это я тебе сказала?

– А кто же еще? – Мальчишка запустил руки в спутанную шевелюру, волосы у него были черные, давно не стриженные, поэтому доходящие

почти до острых мальчишеских лопаток, угадывающихся под тканью пижамы. – Но тогда ты на автомате была и толку от тебя было побольше. Вот ты помнишь, как ты кодовый замок вскрывала или как детектор сетчатки глаза обманула?

– А может, он на меня настроен был? – с сарказмом переспросила я. – Может, это именно я тебя в темнице держала? Что ты на это скажешь, а, Рапунцель?

А как вам такой вариант – я лунатичка? И именно в трансе отправилась пленного ребенка вызволять. Или кто-то очень ловко мною в этом деле управлял?

Я взглянула на часы. Десять. Черт! Мало того что на работу я опоздала – неприлично и непростительно, как обязательно объяснит мне непосредственное начальство, – так еще и два часа моей жизни просто испарились.

– Что последнее ты помнишь?

– Мумию, – уверенно ответила я. – Точно. Я на пятом этаже... случайно туда попала, лифт почему-то... мне на четвертый надо было...

– погоди, – мальчишка, все это время уверенно куда-то шедший, остановился и прислушался. – Прощай, здесь наши пути разойдутся.

Черные как маслины глаза остановили свой взгляд в районе моей груди. Там, где в прозрачном пластиковом окошечке красовался мой пропуск:

– Спасибо тебе... Таисия? Хм... Мне казалось, ты иначе мне представлялась, ну да ладно. Ра-Шу-и-Ки, управляющий колесницами, страж врат и хранитель ключей, благодарит Таисию Вереск и обещает ей исполнение одного желания, если они встретятся вновь.

Юное чудовище оттарабанило эту фразу на одном дыхании и, развернувшись на босых пятках, попыталось гордо удалиться. Я ухватила за шелковый воротник:

– Стоять, хранитель чепуховин! Ты никуда не уйдешь!

Он не сопротивлялся. Длинные, будто нарисованные брови сложились домиком:

– Я ведь хотел как лучше, женщина. Я даже пообещал исполнить твое желание в следующий раз. Только его не будет, этого следующего раза. Тебе лучше забыть обо всем, что ты видела или слышала сегодня. Про мумию тебе тоже лучше забыть.

Мальчишка – как там его зовут, Рашук? – осторожно попытался ослабить хватку, обхватив мои запястья. Я была гораздо выше ростом, поэтому за спутанной шевелюрой не могла рассмотреть выражения его

лица.

– Прощай, Таисия. Возвращайся... Ну, туда, куда ты шла, когда тебя отвлекли. Куда ты шла?

Коже рук стало прохладно.

– На работу, – пробормотала я. – Таисия Вереск шла на работу. Четвертый этаж, офис бухгалтерии, должность – специалист, обязанности...

Неожиданно прямо перед моим носом открылись двери лифта. Монотонный голос звучал уже за спиной:

– Ты пойдешь на работу, женщина, и сочинишь для начальства такую правдоподобную причину опоздания, что все поверят и тебя простят. Эту же причину ты расскажешь каждому, кто будет тебя спрашивать о том, как ты провела утро. И... ты никогда меня не видела.

– Хорошо, – кивнула я, рассматривая широкие серебряные браслеты, будто по волшебству оказавшиеся на моих запястьях, – кованые ленты, украшенные черненными надписями.

Человечек, имя которого я уже забыла, подтолкнул меня в кабину лифта:

– Вот и хорошо, иди, Тая-Таечка-Таисия. Сейчас нажми на кнопку четвертого этажа... И не забудь плотно позавтракать.

В себя я пришла уже в кабинете. Вкусно пахло кофе и свежими пончиками, тарелка с которыми обнаружилась на письменном столе прямо перед монитором. Часы показывали половину одиннадцатого, а остальные сотрудники поглядывали в мою сторону с таким благожелательным сочувствием, что мне было слегка неловко оттого, что причину его я не помнила. Пикнул таймер, я запила таблетку остывшим кофе.

Аристарх Евгеньевич

Господин Баринов спал, и снилось ему приятное – босоногое детство в дачном поселке под Славигорском, друг Алешка Берг, с которым они играли в казаки-разбойники, сладкая рассыпчатая картоха, которую с тем же Лешей они запекали в углях костра. Картошка добывалась на соседском участке, и хотя точно такую же можно было выпросить у родителей, стыренная была не в пример вкуснее.

В тот день их было ровно семь – продолговатых тонкокожих картофелин. Нескладный десятилетний Арик, в которого превратился в своем сне Аристарх Евгеньевич, ворошил прутиком серые прогоревшие

уголья, выкатывая их одну за одной. Две, три, четыре... Покореженные от жара, слегка подгоревшие, от одного взгляда на них рот наполнялся слюной. Шесть, семь...

– Семь на два не делится! – Леша грустно покачал лобастой головой. – Одна лишняя.

– Это на целое не делится, – успокоил Арик младшего друга. Алексей, только закончивший первый класс, еще ничего не знал ни о дробях, ни о процентах, поэтому важничать перед ним было одно удовольствие. – Седьмую мы можем разрезать на две части и поделиться по-братски.

Они кромсали ее прутиком, дую на обожженные пальцы, и эта поделенная картофелина оказалась самой вкусной.

– Ты все правильно придумал, брат, – серые глаза Алексея улыбались из-под русой челки. – Ты из нас самый умный.

Проснувшись, Аристарх Евгеньевич долго рассматривал потолок. Голова была тяжелой, как с похмелья. Покойный Алексей, являясь в снах, обычно предвещал события глобального масштаба.

Звякнул зуммер внутреннего вызова, с секундной задержкой в прохладную полутьму спальни просочился Сергей:

– Вы просили разбудить вас в двадцать ноль-ноль. Прием начинается через час, Лера ждет в гостиной и...

Барин, не слушая, потянулся к изголовью, нащупывая кнопку коммуникатора.

– Кофе и сок, – велел появившейся на зов горничной.

Сергей почтительно молчал, дожидаясь, пока начальство одним глотком выпьет чашечку эспрессо и пригубит апельсиновый фреш.

– Ну чего там, какие еще «и»? – Аристарх Евгеньевич сидел, опираясь на подушки, как какой-нибудь король-солнце. – Случилось что?

– Ничего критичного, – малоподвижное лицо Сергея выразило озабоченность. – Наш утренний гость связывался со мной, интересовался вашим решением.

Барин неторопливо допил сок, промокнул губы льняной салфеткой и поднялся с постели.

– Смотри!

Пижаменная сорочка упала на пол, обнаженный по пояс Аристарх Евгеньевич вытянул вперед руки, будто собираясь исполнить простейшую асану хатха-йоги.

– Замечаешь разницу? На руки смотри!

Сережа удивленно приподнял брови.

Левая рука Аристарха Евгеньевича была обычной рукой

пятидесятилетнего мужчины, ухоженного, посещающего массажиста, косметолога, занимающегося с личным тренером несколько часов в неделю, но все же пятидесятилетнего – с дрябловатой в светло-коричневых пигментных пятнах кожей. Зато правая...

Аристарх хихикнул, наблюдая, как холодное лицо Сережи меняет выражение за выражением – от равнодушного интереса к удивлению и даже шоку. Правая рука Барина, та самая, которую пожал, прощаясь, геронтолог Виктор Иванович, была моложе своего владельца как минимум вдвое. От ключицы до ладони под гладкой кожей прорисовывались мышцы, пальцы стали длинными, исчезли неприятные возрастные уплотнения суставов, даже ногти порозовели.

– Ну, что скажешь? – рассмеялся Барин. – Стоит заключать договор или не стоит?

Сергей отвел взгляд и легким прикосновением активировал планшет-органайзер:

– Тогда кроме денег нам понадобится обеспечить геронтологов исследовательским материалом. Переговоры с мальчиком ничего не дали, а юридически мумия принадлежит ему.

– Он всего лишь ребенок...

Аристарх Евгеньевич пожал плечами, направляясь в гардеробную. Стенная панель отъехала в сторону, являя взорам ряды белых крахмальных сорочек, строгих костюмов, туфель тонкой кожи, стойки с запонками, часами, галстуками и другими мелочами, без которых имидж современного состоятельного мужчины не мог считаться завершенным.

– Наши юристы изучили все возможные варианты – этот, как вы говорите, ребенок обеспечен такой международной адвокатской поддержкой, что если мы попытаемся давить...

Силуэт Аристарха скрылся за дверью, а Сергей топтался у входа, не решаясь последовать за Бариним в гардеробную.

– К тому же за последние сутки в саркофаге дважды зафиксированы скачки температуры. Специалисты-египтологи, у которых я сегодня дистанционно консультировался, предупредили, что это может служить признаком распада тканей. Если мумия испортится, даже страшно представить, в какую сумму нам это обойдется...

Аристарх Евгеньевич так резко подскочил к помощнику, что тот смешался и умолк, удивленно глядя на раздраженное начальство.

– Ты, Серый, не бойся, – шипел Барин, разбрызгивая слюну. – Глаза боятся, а руки делают. Если с моей мумией что-нибудь случится, голубок, я тебя первого выпотрошу и вместо нее в саркофаг уложу. Денег ему моих

жалко! Не можешь заставить мальчишку – обаяй, уговори. Предложи что-нибудь, от чего он не сможет отказаться.

Побледневший Сергей замер, в ухе ожила горошина наушника – видимо, возникли какие-то вопросы у начальника охраны, но парень опасался ответить на вызов. Господин Баринов обладал холерическим темпераментом – заводился с полоборота, но и успокаивался тоже быстро. Сейчас главное было не спровоцировать вспышку агрессии, за которую потом было бы стыдно обоим – и агрессору, и пострадавшему. Поэтому Сергей просто молчал, избегая прямого взгляда, и считал про себя. На «три тысячи пятнадцать» Барин фыркнул и отвернулся:

– Проваливай! В гостиной меня подождешь, заодно с Леркой поболтаешь.

Сергей

Уже оказавшись за дверью, он позволил себе недовольную гримасу. Буря прошла стороной, но бдительность терять не следовало – Аристарх Евгеньевич держал свой персонал в состоянии нервного напряжения, не позволяя расслабиться ни на минуту.

Лера, которую положено было развлекать в ожидании Барина, обнаружилась в гостиной. Девушка полулежала в низком уютном кресле, расслабленно глядя на синий, как вечернее небо Каира, потолок.

– Вечер добрый, – прошептала она вошедшему Сергею.

Тренога с курильницей стояла у камина, от нее поднимался дымок.

– Какой волшебный аромат, – повел носом помощник. – Позволите предложить вам напиток?

Лера рассеянно повела рукой, что можно было счесть согласием, и, кажется, задремала. Сергей, смешивая напитки у бара, краем глаза наблюдал за ней. По мнению немногочисленных подружек, Лерочка Козлова была «свинюшкой», которая незаслуженно сорвала джекпот. По крайней мере, именно это емкое выражение применил начальник службы безопасности, когда составлял отчет. Лерочка, отличающаяся повышенной «попастостью» и «грудастостью», была действительно далека от строгих стандартов современной красоты, которые диктует нам глянец. Но Аристарх Евгеньевич презирал глянцевого журналы и еще с юности западал именно на таких нимф – с прозрачной молочной кожей, с каштановыми кудряшками на голове, с влажными глазами испуганного олененка. Сколько их уже было на жизненном пути удачливого бизнесмена, знал только

Сергей, в рабочем компьютере которого в отдельной папке хранились досье на всех барышень, которых его шеф одаривал своим вниманием. Ольга, Марина, Жанна... От предшественниц Леру выгодно отличало хорошее происхождение. Родители: мама – преподаватель университета и отец – научный сотрудник одного из столичных институтов, души в доченьке не чаяли. Дополнительную пикантность новой связи придавала немалая разница в возрасте. Лерочка через месяц собиралась отмечать свое девятнадцатилетие, а господин Баринов... В конце концов, мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует.

– Прошу, – Сергей подал девушке высокий бокал. – Лайм, мята, ключевая вода – никакого алкоголя.

Лера сморщила аккуратный носик:

– Какая гадость! Ты заботишься о моем здоровье?

Помощник отошел к барной стойке и пожал плечами. Опасаясь помять надетый в честь торжественного приема смокинг, Сергей не решался присесть.

– Мне было видение. Оракул поведал мне, что три дня и три ночи будет густая тьма по всей земле, и день станет как ночь, и...

Сергей нажал кнопку вызова прислуги и велел вынести жаровню.

– Вам не стоит так часто заниматься прорицаниями, – пожурил он девушку, увеличивая мощность кондиционера. – Постоянные воскурения могут плохо отразиться на вашем здоровье...

Собеседница тепло улыбнулась:

– Ах, Сереженька, ты должен понять – это сильнее меня.

Сергей ответил ласковым всепонимающим взглядом. Они оба притворялись, и оба об этом знали. Лера играла роль верной подруги, разделяющей увлечения любовника, а Сергей делал вид, что не догадывается об этом. Лерочка, несмотря на юный возраст, вовсе не была глупа и знала, что в каждой женщине должна быть изюминка, а если ее нет – надо что-то придумать, какую-нибудь начинку. Поэтому были воскурения, гадания на кофейной гуще, определение будущего по форме облаков и полетам птиц и даже – о ужас! – по внутренностям жертвенных куриц. И была любовь – та самая, воспетая поэтами и предрешенная судьбой.

Сергей после продолжительного совещания с Никитой Петровичем, начальником службы безопасности, счел умственные завихрения барышни неопасными и о том, чем она занимается, дабы сбросить эмоциональное напряжение, начальству не сообщал. Ах да, официально Лерочка была студенткой. Исторический факультет, первый курс. А на втором курсе, как

сообщала девушка всем желающим послушать, когда будет распределение на специализации, она займется именно Древним Египтом, а если конкретнее – периодом великих храмовых строителей фараона Рамзеса Третьего. Родители будущего историка были счастливы.

– Воркуете, голубки? – Аристарх Евгеньевич появился неожиданно, отодвинув драпировку. «Пирамида» кишела потайными переходами: полые стены с отверстиями для подглядывания и подслушивания, замаскированные люки, приводящиеся в движение тайными рычагами, двери, которые вели в никуда или, напротив, дверями вовсе не являлись. Казалось, в проекте своего детища господин Баринов воплотил все детские мечты. Сергей, предпочитавший в своей работе опираться на современные технические разработки, к игрушкам начальства относился скептически. Но подыгрывал, чего уж там. Должность обязывала.

Шеф был в смокинге, а в отведенной правой руке держал маску. Многослойное золототканое одеяние фараона, которое доставили начальству сегодня утром, после примерок было решено не надевать.

– Засмеют меня, Сереженька, – сокрушался Аристарх, вертясь перед зеркалом. – Дурачье необразованное, как были мелкими бандюками, так и остались...

Помощник, в сути славигорского истеблишмента разбирающийся не понаслышке, согласно кивал.

Лерочка вскочила с кресла и захлопала в ладошки:

– Арик! А мы тебя заждались. Идем же, идем скорее, я хочу танцевать.

Девушка закружилась по комнате, прозрачный шифон юбки взметнулся над круглыми коленками. Коротковатый лиф платья открывал нежный животик и Сережа чуть больше, чем это было прилично, задержался взглядом на темной впадинке пупка. Конечно, лет через десять Лерочке предстоят нешуточные сражения с лишним весом, но сейчас девичьи прелести были восхитительны.

Барин восторга помощника не разделил.

В бальный зал спускались по лестнице. Крошечная Лерочка держала своего господина и повелителя под руку, ее кудрявая головка была где-то на уровне Аристархова плеча. Сережа едва плелся в арьергарде, чтоб не привлекать внимания. Поправив в ухе горошинку наушника, он внимательно вслушивался в комментарии начальника охраны. Никита Петрович черно-костюмной громадой маячил на заднем плане помещения, зорко осматривая зал. А прием был поистине королевским. Присутствовали «король выпечки» – владелец самой крупной в Славигорске пекарни и кондитерских цехов господин Крутиков, владелец конкурирующей сети

супермаркетов «Завалинка» – господин Аврамов, несколько депутатов городского совета, помощник мэра Элеонора Заваящева – дама, приятная во всех отношениях, и оба заместителя губернатора – молодые люди с оксфордскими дипломами и надменными, видимо, по причине заморского образования, лицами. Остальная публика была рангом пониже. Ни мэр, ни губернатор на праздник не явились, и Сергей сделал мысленную заметку – с утра устроить разгон в PR-отделе и пресс-службе. Денежки работникам «пера и топора» платились немалые, а отдача оставляла желать лучшего.

Появление хозяина было встречено аплодисментами. Аристарх Евгеньевич с лучезарной улыбкой поклонился.

– Дамы и господа, рад приветствовать вас в моем новом доме! Добро пожаловать!

Барин взмахнул рукой, свет потускнел, в полумраке ярко вспыхнули настенные факелы. Грянула музыка. От приглашения аутентичного струнно-дудочного квартета пришлось отказаться ввиду несовременности исполняемых им композиций. Поэтому оркестр славигорской филармонии радовал гостей некими стилизованными попури по мотивам. В ритмичный бой барабанов вплелись звуки струнных инструментов, и Аристарх Евгеньевич, подавая пример гостям, подхватил Леру и сделал несколько танцевальных па. Приглашенные журналисты защелкали фотоаппаратами. Несколько пар присоединились к танцу, и господин Барин отпустил партнершу:

– Развлекайся, красавица.

Девушка послала любовнику воздушный поцелуй и упорхнула к группе своих подруг. Барышни все были приличными, неоднократно проверенными службой безопасности и приглашались исключительно, чтобы юная Лера не чувствовала себя одинокой. Щебечущие девушки быстро организовали в центре зала некий томный хоровод, привлекая добродушный интерес гостей и завладев вниманием фотографов. Египетский дресс-код вечеринки с готовностью поддержали только женщины: длинные разрезы платьев, открывающие бедра, массивные браслеты на руках, драгоценные диадемы шли не всем, но каждая из приглашенных дам чувствовала себя настоящей Клеопатрой. Лерочка танцевала, томно прикрыв глаза и подняв руки, подобно изображениям на египетских фресках. От любования ее плавными движениями Сергея оторвал раздавшийся в ухе голос начальника охраны:

– Я во втором секторе, поговорить надо.

Помощник вызвал в памяти секторальный план зала и отправился в указанное место. В толпе гостей сновали официанты. Обслуга сегодня была

одета в темные балахоны с капюшонами и маски из птичьих перьев. Костюмы шились специально для торжества и должны были, с одной стороны, привлечь внимание, с другой – обезличить. С первого взгляда невозможно было определить даже пол спрятанного под балахоном человека. Сергей взял с ближайшего подноса бокал с соком, отпил и поискал глазами ожидающего начальника охраны.

Никита Петрович Кузьмин потел. Это было не следствием жары или физической нагрузки, а просто неприятной особенностью организма. Сергей маленькими глотками допил сок и слегка поморщился, глядя на бисеринки пота, выступившие на лбу Никиты Петровича.

– Где мальчишка?

Опустевший бокал предупредительно забрал официант.

– Сергей Николаевич, именно о нем я и хотел вам доложить.

– С ребенком что-то случилось?

– Нет, ребята за ним присматривают... – большая рука начальника охраны описала полукруг. – Вон там, у левого столика.

Восточный принц Ра-Шу-и-Ки в костюме скромного египетского писца, с гладко зачесанными за уши волосами целеустремленно поглощал пирожные.

– Как он жрет! Нет, вы только посмотрите на это! – восхищенно протянул Кузьмин. – В молодости все что угодно в себя запихивать можно – метаболизм позволяет.

– Так в чем проблема? – перебил начальника охраны Сергей.

– Мальчик куда-то уходил, – опустил глаза собеседник. – Никто не знает куда, и, самое главное, как. Горничная приходила в его комнаты около одиннадцати – мальчика на месте не было. Девушка сразу связалась со мной, ребята обыскали помещение. Никаких следов взлома, файлы видеокамер подчищены. Мы прочесали все этажи – беглеца не обнаружили.

– Почему вы сразу мне не сообщили? – Сергей мог быть очень неприятен. – Желаете на пенсию? Или по статье уволить?

– Ну, так он сам вернулся, – залепетал огромный Кузьмин. – После очередного рейда ребята решили еще раз комнаты осмотреть, а он на месте. Сидит за компьютером как ни в чем не бывало...

– И как он сам объяснил свое отсутствие?

– А никак! Сказал, что ни перед кем отчитываться не обязан.

Сергей кивнул. Высокомерие господина Ра-Шу-и-Ки ни его росту, ни юному возрасту не соответствовали. Никита Петрович дышал через раз, ожидая решения.

– Хорошо, – сказал наконец Сергей. – Файлы видеонаблюдения

скиньте мне на почту, горничную – завтра с утра в мой кабинет, сразу за ней – ваших охранников. Я хочу побеседовать с каждым из участников. Шефу пока говорить не будем, сами разберемся.

Кузьмин кивал, соглашаясь с каждым словом.

– И еще. Немедленно отправьте пару сотрудников обыскать комнату нашего юного гостя. Если он что-то к нам притащил, спрятать это он мог только у себя. Свободны, Никита Петрович, работайте!

И уверенный в том, что его указания будут исполнены, Сергей направился к столику, за которым сидел мальчишка.

– Добрый вечер. Все в порядке?

Один из охранников подал стул, и Сергей в первый раз за вечер присел.

Юный хам смерил собеседника презрительным взглядом и цапнул с блюда очередной кремово-ореховый шарик:

– Повар в вашей богадельне так себе, – сообщил с набитым ртом. – В привокзальной булочной «Три с половиной поросенка» выпечка гораздо нежнее.

«Мальш желает со мной поиграть? – подумал Сергей, никак не отразив лицом возникшее раздражение. – Какое самомнение! Значит, знает, гаденыш, что про его побег уже все известно, и на эмоции меня развести пытается? Когда я его из трущоб вытаскивал, он поскромнее был»

– Позвольте полюбопытствовать, господин Ра-Шу-и-Ки, какими деньгами вы расплачивались за нежную выпечку? Насколько я знаю, наличности у вас с собой не было.

– Славигорские женщины жалостливы, – пожал плечами мальчик. – А я чертовски обаятелен.

Густые брови сложились домиком.

– Дайте попробовать, тетенька, оно та-ак вкусно пахнет! У вас золотые руки, хозяйюшка, – дурашливая нежность в голосе ребенка могла растопить Антарктиду.

Помощник кивнул:

– Что ж, я оплачу вашу трапезу в заведении «Три с половиной поросенка».

– Ты все правильно понял, Ищук, – величественно кивнул ребенок. – Если вопросов больше нет, исчезни, мне к выступлению готовиться надо.

Сережа очень не любил, когда его называли по фамилии, но снова раздражения не показал.

– Завтра в первой половине дня мне бы хотелось с вами побеседовать, найдите для меня время в своем плотном расписании...

«...между компьютерными играми и бесцельным разглядыванием потолка», – это Сергей додумал про себя.

– И какова будет тема нашей беседы?

– Нужно уточнить кое-какие юридические вопросы. По законам нашей страны вы, принц, не можете выступать лицом юридическим, так что оформление опеки – для нас сейчас первоочередной вопрос.

Ра-Шу-и-Ки скептически поднял густые брови:

– Тогда, Ищук, озаботься приглашением моих адвокатов. С мутным типом вроде тебя по-другому я разговаривать отказываюсь.

Улыбка у него была жесткой – тонкие яркие губы растянулись, обнажив острые мелкие зубы, и мальчишка стал похож на крысу – сообразительного смуглого крысеныша.

– Я посмотрю, что можно сделать, – ровно ответил Сергей. – Приятного вечера, принц. До встречи.

– О да, вечер будет приятным, – пробормотал мальчишка и, подождав к себе одного из охранников, начал что-то ему объяснять.

Аристарх Евгеньевич заскучал, наметанный взгляд Сергея отметил недовольную гримасу Барина. Шеф поигрывал золотой маской, исподтишка рассматривая свою правую руку:

– Сережа, ты Виктора Ивановича приглашал? Я хотел бы с ним парой слов переброситься.

– Это было бы опрометчивым решением, – возразил помощник. – Поступила информация, что наши конкуренты заинтересовались геронтологическими исследованиями. Если Виктора попытаются перекупить...

– Понятно, – Аристарх примерил маску, его серые глаза теперь смотрели сквозь золотые прорези. – Надо будет охрану в лаборатории усилить и, вообще, организуй для ученых удобную опытную площадку.

Сергей кивал, запоминая указания.

– И да, вот еще что... Лерку домой потом отвези. Не хочу, чтобы она на ночь оставалась. Она, конечно, дурочка, но вот это вот, – шеф приподнял руку, – не заметить не может.

– Будет исполнено.

Аристарх руку не опустил:

– Знаешь, мне кажется, что она постарела. Да не Лера, болван, – кожа. Прямо на глазах опадает. Надо поближе рассмотреть.

Помощник бросил взгляд на часы:

– После торжественной части можно будет уходить. Может, вызвать медиков?

– Потом сам их в целях сохранения конспирации в бетон закатаешь? Я никому не доверяю, Сереженька, а уж врачам тем более.

Шеф вдохнул:

– Что-то мне невесело, думал, «Пирамиду» открою – до потолка скакать буду, как мальчишка. А ничего, кроме усталости, не ощущаю.

Сергей молчал – в монологи начальства встречать не рекомендовалось.

– На рожи эти уже смотреть не могу, – распаялся Аристарх. – Аристократы, едрить твою налево! А то я не знаю, из каких чуланов они на свет повылазили. Вот этот вот – банкир Толоконников, валютой на рынке в лихие годы торговал, с лохов стружку снимал, а сейчас – чистый тебе английский лорд, или вот...

Помощник молчал, исподволь поглядывая по сторонам, не прислушивается ли кто к начальственным откровениям. Сережа работал на господина Барина уже семь лет и выступал благодарным слушателем не в первый и даже не в пятьсот первый раз. Однако разговор надо было сворачивать. Судя по многозначительным жестам начальника охраны, присутствие помощника требовалось в другом месте.

Разгоряченная танцами и коктейлями Лерочка оказалась весьма кстати.

– Арик, любовь моя, девчонки спрашивают, когда мы покажем им мумию. Скоро, да?

Шеф взглянул на помощника, Сергей молниеносно извлек свой органайзер:

– Буквально через несколько минут. Аристарх Евгеньевич, пришло время представить публике нашего восточного принца?

Но принц ждать отмашки не стал. Музыка смолкла, погасло верхнее освещение, в неровном факельном свете в центр залы вышел юный Ра-Шу-и-Ки. Мальчик держался с такой уверенностью, что танцующие расступились, освобождая ему место. Черные глаза обвели приглашенных тяжелым взглядом:

– Дамы и господа! Задумывались ли вы, что такое жизнь и для чего мы живем?

Одинокий прожектор осветил лицо мальчишки. Зрители замерли. Сергей невольно восхитился организаторскими способностями маленького обжоры. Всех этих постановочных изысков на репетиции не было.

– Древний египтянин ответил бы на этот вопрос так: я живу для того, чтобы умереть, чтобы через смерть познать новую вечную жизнь.

Тихо, очень тихо вступил барабан. Гулкое «бум-бум» подстраивалось, казалось, под сердцебиение каждого из присутствующих в зале. Мальчишка взмахнул рукой, барабанный бой участился, паркетное солнце,

украшающее пол, медленно повернулось, сложило лучи и разъехалось в стороны. Из образовавшегося отверстия величественно поднялся черный помост. Зрители ахнули. Возвышение было похоже на алтарь какого-то древнего божества. Мальчишка в своей долгополой рубахе приблизился к помосту и взошел на первую ступень. Проектор послушно следовал за ним.

– Слава тебе, сиятельный самодержец, правящий миром Дух беспредельной власти! Атум-Хармахис, жаркий исток восторга в душах людских, Когда в небеса восходишь. Дивная Сущность, склонная к обновленью яркого Диска в лоне твоей Атирис.

В пульсацию барабана вплелась нежная скрипичная мелодия.

Сергею не нужно было заглядывать в органайзер, он и так помнил, что текст, составленный для мальчишки пресс-службой, был совсем другим. Юное дарование должно было поведать об истории Древнего Египта, рассказать несколько расхожих баек про жуков-скарабеев и Анубиса, бога загробного мира. И саркофаг из-за кулис должны были вынести бронзовокожие мускулистые атлеты, заодно прорекламировав услуги «Фитнес-центра», расположенного этажом выше. Но Ра-Шу-и-Ки каким-то образом обставил организаторов и все переиграл, и Сергею это совсем не нравилось. Восточный, черт его дери, принц! Три раза «ха»! Смуглый оборвыш подвизался со своей мумией в соседней губернии, за гроши демонстрируя свою «реликвию» посетителям парка аттракционов. Черт!

Сергей до скрипа сжал челюсти.

Мальчик с радостью согласился на подработку, выдал на-гора жалостливую историю о революционном перевороте в маленькой африканской стране и о том, что является единственным прямым потомком свергнутой королевской династии, вынужденным теперь скитаться вдали от дома, попрощался с коллегами и с улыбкой отправился в новую жизнь. В Славигорске «принца» будто подменили. Капризы и нелепые требования следовали одно за другим. А когда Сергей попытался давить, из потертой котомки юного авантюриста появилась увесистая стопка подтверждающих сертификатов, экспертных заключений и юридически безупречно составленных договоров. Барин, к тому времени уже загоревшийся идеей получить свою личную мумию, осторожные замечания помощника в расчет не принимал. А уж когда Ра-Шу-и-Ки притащил Аристарху Евгеньевичу фолиант восемнадцатого века, в котором описывались удивительные свойства приготовленных из мумий порошков и настоек, Сергей понял, что

мальчишка его переиграл.

– Это панацея, Сереженька! – восторженно говорил шеф. – Лекарство от всех болезней и рецепт вечной молодости! Средство Макропулоса! Философский камень!

«Скорее, каннибализм», – обреченно думал Сергей, не смеющий перечить начальству.

А потом мелкий попытался украсть деньги. Электронная транзакция была остановлена в последний момент бдительным начальником финансовой службы. Барин от тревожных новостей отмахнулся:

– Подумаешь, большое дело. Сам, что ли, в детстве не озорничал?

Так Сережа не «озорничал», но возразить было нечего. Начальству импонировала тяга его нового друга к авантюрам. Помощник усилил наблюдение и, когда выяснил, что мальчишка тайно выбирается по ночам и до утра шатается по городу, решил предвосхитить события и просто запер юное криминальное дарование. Современная система охраны – камеры, сканеры, вход и выход по пропускам. До сегодняшнего утра Сергею казалось, что он все предусмотрел.

Ритм ударных ускорился, Ра-Шу-и-Ки стоял на помосте спиной к зрителям.

– Все меркнет перед величием Египетской цивилизации. Узрите же царя древности и падите ниц!

Мальчик, воздев руки, рухнул на колени.

А потом раздался выстрел, и рухнул уже господин Баринов.

Лера

Барин рвал и метал. После покушения его доставили в личные апартаменты. Медики кружились над телом пострадавшего подобно стае стервятников, Лера всхлипывала в углу, а Сергей с начальником службы охраны переминались с ноги на ногу, вытянувшись во фронт.

– Дуболомы! – орал Баринов, сдергивая аппарат для измерения давления и запуская им в ближайшего медика. – Ничего доверить нельзя! Преступник задержан?

– Никак нет, – по уставу отвечал Никита Петрович. – Ему удалось уйти через лифтовую шахту.

– Идиоты!

– Наши ребята начали преследование, все выходы перекрыты, гостей мы попросили не расходиться.

Аристарх Евгеньевич откинулся на диванную подушку:

– Пошли все вон!

– У него ни царапинки, – шепотом сообщил Лере главный медик. – Будто заговоренный наш хозяин.

Эскулапы потянулись к выходу, прихватив оборудование.

– Как же так, Арик? – Лерочкин стон слегка разрядил обстановку, по крайней мере, перенес внимание Барина с помощников.

Аристарх Евгеньевич посмотрел на девушку, скривился, пожевал губами:

– Иди пока погуляй, красавица. Мы тут с мальчиками поговорим.

– Но это уже третье покушение за последние месяцы! Арик, я боюсь!

Баринов открыл рот, но тут Сережа решил проявить благородство. Он приблизился, потрепал Лерочку по обнаженному плечу и, подав ей руку, сопроводил к двери.

Оказавшись в коридоре, девушка тряхнула головой. Скотина! Бурдюк набитый! Да как он смеет разговаривать с ней в таком тоне? Старикашка!

В стеклянный потолок пентхауса барабанил дождь. Лера прошла к лифту. Ехать домой не хотелось, да и кто ее отпустит сейчас, когда помещения обыскиваются охранниками и уже подъехавшими полицейскими? Теперь придется ждать, пока все возможные свидетели будут допрошены, и Барин соблаговолит дать своим гостям свободу. Процедура была девушке знакома. За то время, которое она состояла в отношениях с Аристархом Евгеньевичем, покушались на него неоднократно. Был уже загадочный отказ тормозов, когда Барин решил сам вести автомобиль на горном серпантине. Лера тогда очень испугалась – она не могла остаться одна. Не так, не сейчас. Старикашка был ей пока нужен. А еще в Арика стреляли. Это произошло во время вечеринки, устроенной на личной яхте господина Баринова. Они как раз маневрировали между островками полноводной Слави, когда раздался хлопок выстрела и на белой сорочке Аристарха Евгеньевича расплзлось алое пятно, оказавшееся впоследствии вином из разбитого пулей бокала, но тогда всеми принятое за кровь.

Девушка покачала головой. Кто-то крайне зол на славигорского магната. Кто-то настойчивый и не очень удачливый. Если бы, например, Лера задумала убить Арика, она действовала бы гораздо хитрее. Сначала стала бы его любовницей, затем, пользуясь допуском в ближний круг... А, кстати, что бы она могла сделать? Разве что задушить возлюбленного голыми руками? Оружие на встречу не пронесешь, входы во все места, где проводит время господин Баринов, снабжены воротцами металлоискателей,

сумочку осматривает бдительная охрана, да и личный досмотр стал для Леры уже привычной процедурой. Яд? Пожалуй. Но Барин никогда не съест и не выпьет ни капли того, что не было подвергнуто тщательной проверке. Даже личные повара всегда работают под присмотром камер.

Размышлять над способами убийства любовника было забавно, но непрактично. Господин бурдюк еще нужен. Глупых фантазий на тему замужества и пополнение местной аристократии своими отпрысками Лера не имела. В ее планы входило подружиться с Аристархом Евгеньевичем еще годика полтора, пока папа закончит свою книжку, а мама, не без помощи «поклонника дочери» вошедшая в ученый совет университета, без спешки переведется в один из зарубежных вузов. Да, семье Козловых от господина Барина нужны были вовсе не деньги, как мог бы подумать досужий обыватель, а связи, которые он мог предоставить. Какие деньги? Это со стороны может показаться, что ближний круг богатого человека находится под постоянных золотым дождем, а на самом деле чем человек богаче, тем он прижимистее. Ну да, время от времени Лерочка получала от любовника подарки. Но обналичивать их было той еще морокой. Лера, конечно, нашла каналы, по которым можно было сдавать однажды надетые дизайнерские тряпочки в славигорские бутики, но вырученных денег хватало разве что на булавки. К тому же она сразу дала понять Арику, что спит с ним не из-за корысти, а по большой любви. Самое странное, что он, кажется, верил. Верил, что его дряблое пятидесятилетнее тело дарит девятнадцатилетней красавице ни с чем не сравнимое наслаждение. Вот ведь дуралей. Сама Лера свое будущее тоже с родным городом не связывала. Полтора года, максимум – два, и она отправится продолжать образование за рубежом, а уж там найдет для себя и тело помоложе, и дело, которым впоследствии будет заниматься с удовольствием и не особо напрягаясь.

Двери лифта разъехали на VIP-этаже, Лера быстро нажала кнопку закрытия. В зал идти не хотелось. Придется утешать встревоженных подруг, общаться с полицией, хлопать глазами и всхлипывать. Она спустилась гораздо ниже, почти на парковку, и достала из прикрепленного к поясу клатча мобильный. Окно было узким, как бойница, и выходило на холмик, покрытый газонной травой. Девушка порылась в записной книжке, нашла контакт, озаглавленный «Маша-маникюр», и нажала кнопку вызова. После четвертого гудка ей ответил мужской голос:

– Какие люди, душа моя. На Олимпе неспокойно?

– Записывай, – сказала девушка, не утруждаясь приветствием. – Сегодня во время вечеринки для избранных на Барина было совершено покушение. Произведенный в зале выстрел поверг в панику весь цвет

славигорского бомонда.

– Из чего стреляли? – быстро переспросил мужчина.

– А это предстоит выяснить органам правопорядка.

– Баринов убит?

– Даже не ранен, – хихикнула Лерочка. – И я на сто процентов уверена, что он не захочет огласки. Кстати, преступнику удалось скрыться.

– Ты мне первому позвонила?

– И единственному, Максим. Так что за эксклюзив тебе придется доплатить.

Максим Еськов, журналист «Славигорских ведомостей», своего информатора ценил чрезвычайно, поэтому назвал цифру, заставившую девушку радостно улыбнуться.

– Благодарю, душа моя. Мне нужно срочно отозвать верстку утреннего номера. Если появятся какие-нибудь новости, звони в любое время.

Они попрощались, Лера спрятала мобильный. Исполнять роль внедренного агента ей нравилось. Может быть, именно журналистика и есть ее стезя?

Она прошла по коридору, толкнула фанерную дверь, ведущую в служебные помещения. Ей нужно было вернуться в холл другим путем. Камер слежения в «Пирамиде» было великое множество, и попадаться в зону их видимости не хотелось. Кстати, интересно, как преступнику удалось обойти камеры? Кто он? Один из гостей или неприметный прислужник на празднике? Он предварительно изучил расстановку камер, заблокировал кабинку служебного лифта, чтобы оставить пути к отходу?

До лифта было метров двадцать, когда Лерочка заметила мужчину, сидящего у двери на дощатом ящике.

– Вы кто? – сердце пропустило удар, девушка с ужасом подумала, что совсем одна в этом полутемном коридоре, что, даже если камера, подмигивающая со стены алым глазом, видит ее, помощь придет не сразу и незнакомец успеет...

Но что бы он там ни планировал, действовать не спешил, – вся поза его выражала расслабленное внимание, а черные блестящие глаза смотрели на девушку со спокойным дружелюбием. Он был высоким, это было заметно даже в такой позе, и малоодетым. Бедра незнакомца охватывала только египетская повязка, – Лера вспомнила, что она называется схенти, а плечи – плоские чеканные пластины широких браслетов.

Он не преступник? Тогда кто? Стриптизер, приглашенный на праздник? Это возможно. Кожа мужчины была смуглой и гладкой, фигура мускулистой, но без присущей культуристам избыточности, волосы, густые

и черные, глянцевой волной падали на плечи.

– Кто вы? – повторила Лера, убедившись, что немедленно убивать ее не собираются. – Гость?

– Пожалуй, гость, – согласился он густым рокошущим басом, – гость, не желающий попадаться на глаза хозяевам.

– Меня зовут Лера, – сообщила девушка. – И я...

Тут гость встал, и продолжение фразы повисло в воздухе. Таких красивых мужчин Лерочке видеть еще не приходилось. В нем все было прекрасно. И рост его, за два метра, нисколько не мешал изяществу движений. Мышцы под золотистой кожей красиво перекачивались, взгляд девушки скользнул по его груди вниз, к поясу схенти, туда, где заканчивались кубики пресса.

– Время и место?

– Что?

– Я спрашиваю тебя, Лера, как называется это место и в какое время я попал.

Густой мускусный запах коснулся ее ноздрей, Лера сглотнула.

– Хотя, думаю, ваши самоназвания мне ничего не скажут, – продолжил гость. – Тебе знаком Ра-Шу-и-Ки?

– Принц? – девушка опять попыталась сглотнуть, но горло спазматически сжалось. – Он, наверное, наверху, с остальными гостями.

– Принц? – мужчина усмехнулся, обнажив белоснежные зубы. – Позови мне его.

Изящная рука с длинными пальцами коснулась Лерочкиной щеки, девушку будто ударило электрическим разрядом, сердце ухнуло вниз, затем вверх, часто забилось о грудную клетку, ноги ослабли. Лера подумала, что секс с этим человеком должен быть великолепным, самым лучшим в жизни. Интересно, сколько ему лет? Он явно старше ее, но вот насколько? Двадцать пять? Тридцать? А впрочем, плевать, даже если он ровесник революции. Лера хотела его немедленно. Вот прямо на этом ящике. Она облизнула пересохшие губы. Черные глаза незнакомца – как же его все-таки зовут? – блеснули пониманием:

– Иди, милая, скажи принцу, что его ждет дайгон, потом сообщи, где меня можно найти.

– А потом? – Лерочка посмотрела на ящик, испытывая явное томление.

– А потом забудь обо мне, – ласково проговорил дайгон, что бы это ни значило, – и о нашем разговоре тоже забудь.

Она кивнула и пошла к лифту.

Рашук был в зале, сидел у стола с пирожными и при виде Лерочки

скривил перемазанные кремом губы:

– Что тебе нужно от меня, женщина?

Лера рассказала и, как только белая рубаша мальчишки скрылась в дверном проеме, обо всем забыла.

Максим переведет на ее счет приятнейшую сумму, день не прошел зря. Остается немножко поизображать скорбь и тревогу, поболтать с подругами, рассказать свою версию событий полиции, и она сможет поехать домой, выпить ванильный кофе у окна, по которому барабанит дождь, выкурить припрятанную ментоловую сигаретку и немножечко подумать о густом, как патока, томлении, которое непонятно почему поселилось внизу живота.

Таусия

Пискнул таймер, таблетка скользнула в сухое горло. На стоянке, по крайней мере в той ее части, которая предназначалась для простых смертных, никого не было. Торговый центр давным-давно закрылся, и только рабочие пчелки вроде меня, не успевшие за восьмичасовой рабочий день покончить с отчетами, могли здесь появиться. А припозднилась я знатно. Голова была тяжелой и просто отказывалась работать, занятая мыслями о том, откуда на моих руках оказались серебряные браслеты. Я делала ошибку за ошибкой, исправлять которые пришлось уже после окончания рабочего времени. Мне в жизни только выборочной амнезии для полного счастья не хватало, честное слово! Где я была? Как оправдалась перед начальством? И как эти чертовы браслеты снять? Они не доставляли никакого неудобства, не сжимали запястья, но кисти рук освободиться от них не желали. Из чего следовал еще один вопрос: как я вообще их надела?

Я отстегнула велосипед, придерживая его коленом, закрепила на багажнике сверток, поправила на плече рюкзак и перекинула ногу через раму, чтобы начать свое путешествие домой. Время было довольно позднее и, несмотря на обилие фонарного света, у стен «Пирамиды» уже сгущались зловещие тени. Я мягко тронулась, ловя равновесие, и что-то дернуло меня за штанину – видимо, она попала в цепь. Пришлось остановиться и устранять неисправность. Черт! Три тысячи чертей! Штаны, конечно, придется выбросить, металлические зубцы выдрали изрядный кус ткани, да и смазку все равно не отстирать никакими средствами. Колеса заклинило намертво, я опять чертыхнулась и, закинув своего верного коня на плечо, потащила его поближе к угловому фонарю. За углом у другого служебного входа кто-то курил, и запах табачного дыма заставил поморщиться.

Работников за перекуры штрафовали нещадно, и немногие страдальцы, еще не расставшиеся с пагубной привычкой, искали укромные уголки, чтобы предаться пороку.

Я бросила на асфальт рюкзак, отвязала багаж, осторожно перевернула велосипед на попа и присела на корточки, выуживая ткань из цепи. За углом пискнул дверной зуммер. Курильщик что-то пробормотал. Слов я не разобрала, да и язык, кажется, был иностранным.

– Хлеб и пиво, – раздался высокий мальчишеский голос.

– То, что ты, мой юный друг, используешь древнее египетское приветствие, почитая тем самым богиню плодородия и пива Изис, похвально.

Интонации были знакомыми. В памяти всплыло «... раннединастические египетские некрополи – Абидос, Саккара, Тархан, они, конечно, дают нам представление о древних обрядах...» Алкоголик дядя Витя? Я же с ним утром в электричке познакомилась. Значит, удалось мужичку в «Пирамиду» просочиться. А что он здесь делает так поздно? Народное гулянье по случаю открытия торгового центра давно закончилось, вечеринка для избранных, о которой сплетничали у нас в кулуарах, скорее всего, тоже.

Вдалеке послышался звук полицейской сирены, поэтому что ответил мальчишка, я не услышала.

– Баринов – наш со всеми потрохами. Я ему расчудесный фокус продемонстрировал. Ты был прав, о, хранитель враг и управитель колесниц, человеки стремятся не просто к бессмертию, а к бессмертию здоровому и полному сил. Ради вечной молодости разлюбезный Аристарх Евгеньевич в лепешку расшибется.

– Молодец, – похвалил собеседника мальчишка. – Работай дальше.

Мне очень хотелось дослушать странный разговор, но на дорожке, ведущей от главного входа, появился мельтешащий свет фонарей, сюда шли полицейские. Что бы ни произошло сегодня в «Пирамиде», я не имела ни малейшего желания потратить вечер и без того нелегкого дня на общение с представителями органов правопорядка. Поэтому я, к этому моменту как раз справившаяся с цепью, быстро надела на плечи рюкзак, подхватила под мышку сверток и тихонько отвела своего железного коня в тень стены, там пробралась за мусорными контейнерами, по асфальтированной тропинке между трансформаторных будок, у одной из которых пришлось немного задержаться, и, уже оседлав велосипед, обогнула холм, спустившись к реке. Меня никто не заметил.

Лишь в электричке я позволила себе расслабиться и подумать о

странном разговоре двух странных людей. О неудачном покушении на господина Барина я слышала только наутро, из утреннего выпуска новостей.

Гроза над поселком началась, когда я уже подъезжала к дому. Зигзаги молний расчертили ночное небо, загрохотал гром. Я едва успела юркнуть в дверь сарая, когда за моей спиной дождь буквально сплошной стеной рухнул на землю. Прикрывшись какой-то ветошью и стремглав добежав до крыльца, я бросила рюкзак в углу, стащила кроссовки и пошла в ванную, оставляя на дощатом полу мокрые следы. Электричества не было, но горячей воды хватило, чтобы принять душ. Завернувшись в махровый халат, я приготовила ужин, благо плита у меня газовая, заварила чай и уселась за кухонный стол, включив ноутбук. Городские новости не обновлялись часа четыре, так что последнее, о чем мог узнать досужий славигорчанин, было то самое народное гулянье в «Пирамиде». Я быстро пробежала глазами статью, полюбовалась яркими фотографиями. Для всех пришедших на праздник в костюме мумии полагались скидочные талоны в супермаркет, поэтому публика креативила изо всех сил и с удовольствием позировала фотографам. Да уж, не представляет себе наш народ, как это выглядит на самом деле. Я вспомнила страшное лицо под полуистлевшими бинтами и передернула плечами. Стоп! Откуда картинка? Откуда госпожа Вереск знает, как выглядит мумия?

Я уставилась в монитор остановившимся невидящим взглядом, рассеянно прокручивая на запястье браслет. Утро, стоянка, вертушка турникета, лифт, а потом – оп-ля! – специалист Вереск на своем рабочем месте.

Потянувшись к столу, я взяла чайную ложку, зачерпнула янтарный мед из стеклянной банки. Ммм... Вкуснотища!

В лифте тоже был мед, рукой в него вляпалась, как сейчас помню. Я облизала ложку и потянулась за добавкой. Браслет звякнул о горлышко банки, со щелчком разъединился, упал на столешницу, я отдернула руку, схватила себя за запястье левой, другой браслет тоже пропал. Что за чертовщина?

Ноутбук выдал сообщение, что заряда батареи хватит ненадолго, а потом экран потух. Одновременно очень близко грохотнуло, а потом, почему-то вослед, а не перед раскатом грома, вспыхнула молния. По коже пронеслась змейка электрических разрядов, наэлектризованные волосы плыли в воздухе над моими плечами, с кончиков пальцев срывались искры.

Бесконечность, бесконечный полет, мириады звезд и миров, я мечусь среди них, я желаю, больше всего желаю найти его, того, кто мне

предназначен. Я не знаю, кто он и где, но я найду, уверена, что найду. Защищать, быть рядом, всегда, вечность.

Я сидела, безвольно опустив руки на колени, вокруг меня бушевали электрические вихри, а перед лицом парил нестерпимо яркий фиолетовый шар, из которого на меня внимательно смотрели блестящие черные глаза.

– Улягусь я на ложе
И притворюсь больным.
Соседи навестят меня.
Придет возлюбленная с ними
И лекарей сословье посрамит,
В моем недуге зная толк.

Эти стихи я знала прекрасно, они даже в школьную программу входили. Что-то там из построчного перевода поэзии Древнего Египта. Удивительно, зачем я принялась их декламировать шаровой молнии. Страшно было просто до чертиков. Не хотелось заканчивать свою жизнь вот так, случайно, не сделав то, что планировала, не закончив начатого. Это несправедливо, в конце концов.

– Я не хочу умирать, – всхлипнув, проговорила я в пространство. – Не так, не сейчас.

Потрескивания разрядов стали громче. Перед тем как зажмуриться и окончательно принять свою судьбу, я успела заметить, что молния мне подмигнула.

Глава 2. Тайны серой мыши

Таусия

Будильник прозвонил в пять. Я еще немножечко понежилась в постели, вызывая в памяти вчерашние события. Я пообщалась с шаровой молнией и осталась жива, что радовало. А вот неожиданная выборочная амнезия по-прежнему вызывала тревогу. Этого со мной происходить не должно, даже если учитывать побочный эффект медикаментов. Часы, оставленные с вечера на тумбочке, пискнули таймером, я достала из блистера утреннюю таблетку. А если все-таки побочка? Тогда нужно к врачу, а значит, придется отпрашиваться с работы, что неминуемо понизит мой внутрикорпоративный рейтинг, влияющий на уровень зарплаты. А деньги мне нужны, очень нужны.

Я побрела на кухню, включила телевизор, сунула в тостер два кусочка хлеба, заварила чай. По местному каналу шли криминальные новости, видимо, чтобы зарядить ранних пташек вроде меня позитивом. В пригороде обнаружен труп девушки, опознание проведено, но в интересах следствия имя жертвы пока не разглашается. На размытых кадрах можно было различить берег реки Слави и какие-то кусты, снимали, судя по всему, на мобильный. Максим Еськов, звезда местной журналистики, заверил, что будет держать зрителей в курсе событий. Еськов вещал из студии, на столе перед ним в кадре дымилась чашка с утренним кофе.

– И это еще не все! – после музыкальной отбивки продолжил журналист. – К нам поступили эксклюзивные сведения о покушении на почетного гражданина нашего города, бизнесмена и филантропа Аристарха Евгеньевича Барина. К счастью, неудачное.

Репортаж с места событий тоже был снят на мобильный. Длился он секунд тридцать. Сначала камера выхватила мальчишескую фигурку с воздетыми к небу руками. Тонкий голосок прокричал что-то вроде «Узрите!», потом раздался хлопок выстрела, истошный женский визг, и камера заходила ходуном.

– Очень информативно, – фыркнула я и потянулась через стол к банке с медом.

Я прекрасно помнила, что с вечера оставила банку на столе, поленившись убрать ее в холодильник. Она была литровой, тонкостенной и

едва начатой. То есть еще вчера была. Сейчас она блистала пустотой и чистотой, а на доньшке ее, как будто вылизанном, лежали два серебряных браслета. Что за чертовщина?

Во входную дверь забарабанили, я пошла открывать. На пороге стояла Васильевна.

– Утро, – буркнула она недовольно. – Там твои бандиты во дворе кукуют, иди, сама им скажи, что дачу продавать не хочешь.

Я кивнула, посторонилась, пропуская соседку внутрь. Васильевна прошла в кухню, взяла из шкафчика чашку:

– Кофе у тебя нет? В такую спозарань подниматься пришлось.

– Где-то был, – улыбнулась я, решив, что отныне буду Васильевне «тыкать», – на полках посмотри.

Бандиты оказались вида отнюдь не бандитского. Приятные молодые люди в одинаковых темно-серых костюмах. Их было трое, и похожи они были друг на друга, как близкие родственники. Беседа, проходящая у блестящего черного «Гелендвагена», продлилась минуты три от силы. Я поздоровалась и сообщила, что продавать дачу не намерена.

– Таисия Алексеевна, – вкрадчиво начал один из молодых людей, сверившись с бумажкой, – может, вы сначала ознакомитесь с нашим предложением?

– Ознакомься, Тайка, – жуя многослойный бутерброд, Васильевна вышла на крыльцо. – И мне покажи. Может, за какие деньжищи я свою дачу им продам. У меня и домик справнее твоего, и земли огородной поболее.

– Нас интересует именно недвижимость госпожи Вереск, – возразил молодой человек и сунул мне в руки прозрачную пластиковую папку. – Вы посмотрите наше предложение, а потом сообщите свое решение.

Поверх папки лег прямоугольник визитной карточки.

Я пожала плечами.

– Не торопитесь. Посмотрите, подумайте, посчитайте. И скажу вам по секрету, – молодой человек понизил голос до заговорщицкого шепота, – наш клиент готов заплатить и больше указанной суммы. Торг уместен.

Сквозь прозрачный пластик мне было видно кругленькие нолики после первой цифры и количество их не могло не произвести впечатления.

Я прижала папку к груди и снова кивнула, уже не так уверенно.

– Так я жду вашего звоночка. В любое время жду.

Молодые люди попрощались и уехали, лихо заложив вираж по деревенской грунтовке.

– Покажь, – велела Васильевна, когда мы вернулись на кухню.

Я бросила документы на стол, открыла новую банку с медом, намазала тост, присела, прихлебывая остывший чай.

Васильевна присвистнула, пробежавшись взглядом по бумагам.

– Чего делать будешь?

– Наверное, продам, – сказала я. – Только не сейчас, а... Мне еще проконсультироваться кое с кем нужно, чтобы точно решить.

Соседка пододвинула ко мне бутерброд с колбасой, я отрицательно качнула головой:

– Спасибо, нет.

– Ты больна, что ли, Тайка? – всплеснула руками Васильевна. – То-то смотрю, худая, бледная, не жрешь ничего.

– Я в городе пообедаю.

– Ври больше. Я болезнь за версту чую.

– Как тебя зовут? – устало спросила я Васильевну. – Ты же не намного меня старше, почему тебя все по отчеству называют?

– Светка, – ответила соседка. – Светлана Васильевна Смирнова. Ты чего, забыла? Мы же с детства с тобой знакомы. А называют так из уважения.

Я торжественно пожала пухлую ладошку, будто заново знакомясь.

– Так чего там у тебя? – настойчиво вернулась к теме Светка. – Сердце?

Кивнув, я огласила диагноз.

– Что за абракадабра. Это на латыни?

– Аутоиммунное заболевание, генная мутация.

– А от чего?

– Да не знает никто.

– Наследственность? Странно. Я твоих родителей, Тайка, хорошо помню. И мать-красавицу, и отца. Здоровые же люди были, если бы не несчастный случай, всех бы пережили. Как так-то, горе-то какое!

Жалости мне не требовалось, ну вот абсолютно. Поэтому, оставив соседку сокрушаться, я отправилась в спальню, чтобы одеться. Вчерашние джинсы все еще были мокрыми, поэтому я вытащила из шкафа льняной брючный костюм.

– А ты где все эти годы пропадала? – донеслось из-за двери. – Ну как родители погибли, ты где жила? У тебя же никаких родственников не осталось.

– В разных местах, – я вышла из спальни, оглаживая лацканы пиджачка.

– Классно выглядишь, – решила Васильевна. – А вернулась зачем? На

родину потянуло?

– Именно.

Разговаривать с соседкой было несложно. Можно было не отвечать на прямые вопросы, не обижая собеседницу скрытностью. Зачем я вернулась? Хороший вопрос, но именно из тех, безответных. Вернулась, потому что надо было.

Я попрощалась с Васильевной, которая уходит явно не собиралась.

– Приберусь и посуду помою, – сообщила она, вытирая столешницу рукавом халата. – Побрякушки свои не наденешь?

Браслеты звякнули о стекло.

– Тыщи немереные стоят, поди? Кавалер подарил?

Я пожала плечами. Если бы я знала, откуда они появились.

– Это бижутерия.

– Ври больше! Зуб даю, это каратное серебро, или сплав с золотом, электрум называется, уж у меня на это глаз наметан, в ювелирке лет десять оттрубила. Продать не хочешь?

– Не хочу, – я вытряхнула браслеты на столешницу и надела на запястья, серебро приятно холодило кожу.

До «Пирамиды» я добралась без приключений. Отчет мой начальство одобрило. Во время кофе-паузы, которые в нашей конторе соблюдались неукоснительно, мне удалось позвонить врачу и назначить встречу на сегодня. В кулуарах шушукались о вчерашнем покушении на Барина. Две барышни у кулера, куда я подошла запить таблетку, говорили вполголоса:

– ...как заговоренный наш Барин, честное слово! Главное, ни царапины на нем нет. Полиция все утро службу допрашивает. Бухгалтерию трогать не будут, но шеф говорит, если вдруг допрашивать будут, отвечать кратко и откровенно...

– А слышала, опять труп на берегу нашли? Думаешь, это как-то связано?

– Не знаю, но уже страшно по вечерам домой ходить. Надо шефу сказать, чтобы служебную машину для развозки организовал.

Потом они отошли, и продолжения разговора я не услышала.

В обеденный перерыв я вышла прогуляться по территории, забрела на внутренний двор, где вчера чинила велосипед. Окурки с асфальта еще не убрали. Их количество указывало на то, что беседа странного мальчишки и не менее странного дяди Вити продолжалась долго.

Кто же они, черт дери? И почему мальчишка кажется мне знакомым?

К служебному входу подъехал фургончик, на дверях которого было написано «Шутейка. Магазин приколов».

Я миновала мусорные контейнеры, повторяя как мантру «Ра-Шу-и-Ки...». С памятью нужно что-то делать, может, попросить врача какое-нибудь снадобье для стимулирования мозговой деятельности? За холмом около трансформаторных будочек кипела жизнь. Двери одной из них были нараспашку, группа полицейских в черной летней форме что-то там высматривала.

Я резко развернулась на каблуках, – мешать официальным лицам при исполнении явно не стоило. Фургончик все еще стоял у входа. Служащий, на комбинезоне которого красовался тот же логотип «Шутейка», передавал большую картонную коробку какому-то мальчику, смуглому, вихрастому, почему-то одетому в махровый халат.

– Да, да! Иван Иванович Иванов, все правильно, – высоким голосом говорил подросток. – Сам за меня распишись, руки заняты. Оплата наличными, ага. Тоже сам, все сам, в правом кармане поройся. Хих! Щекотно!

Я не остановилась, хотя порыв такой был, глядя под ноги пошла к двери, борясь с желанием хотя бы искоса рассмотреть говорившего. Голос я узнала. Ра-Шу-и-Ки, вчерашний собеседник сумеречного гения дяди Вити. Напускная скромность сыграла злую шутку. Потому что одновременно со мной движение начал и мальчишка. Мы столкнулись в дверном проеме, картонный ящик заехал мне в бок, мелкий витиевато чертыхнулся, разжимая руки, и прожег меня гневным взглядом:

– Смотри, куда прешь, женщина!

Я озвучила свое мнение о его воспитании, которое, впрочем, его нисколько не интересовало, о чем он мне не преминул сообщить в самых креативных выражениях.

– Рот потом с мылом помыть не забудь.

Я посмотрела на его яркие губы, измазанные предположительно шоколадом, сердце екнуло. Я должна его помнить.

Юный креатор фыркнул, хмыкнул, а затем замолчал с остановившимся взглядом, направленным на запястье моей руки, которую я прижимала в области так некстати расшалившегося сердца.

– Каким образом? – беззвучно шепнул он. – Кто ты такая?

Я решила не отвечать, хотя бы в воспитательных целях, и гордо удалилась. Тем более что обеденный перерыв подходил к концу.

Бухгалтерию все-таки допрашивали. Шеф, конечно, стонал о бессмысленном разбазаривании рабочего времени, но велел всем по очереди заходить в соседний кабинет, освобожденный под нужды полицейских. Я была предпоследней, отвечала на вопросы молоденького

следака рассеянно, думая больше о странном мальчишке и о том, что через полчаса отправлюсь к врачу. Следователь записал мои данные в блокнот, а прежде чем попрощаться, сказал:

– Вы, Таисия, за городом живете. Попрошу вас проявлять осторожность, когда домой возвращаетесь. Накаленная криминогенная ситуация в вашем районе.

Я воспользовалась главным эскалатором торгового центра. Навстречу мне по параллельной эскалаторной дорожке поднимались двое мужчин, причем один из них мне был знаком – принаряженный в дорогой бледно-серый костюм алкоголик дядя Витя, которому что-то говорил его спутник, стоявший вполоборота на несколько ступенек выше. Я проводила его взглядом – мужчина был красив экзотичной нездешней красотой, лощеный, ухоженный, с блестящими волосами и прожаренной в солярии кожей. Хотя, может, и не в солярии, может, на каком-нибудь Гоа такой загар приобретают. Они поднялись на верхний пролет, и я, чуть не свернув шею, осознала, что никакими разными ступеньками там и не пахло. Экзотический красавец возвышался над дядей Витей чуть ли не на метр.

Великан заметил мое внимание, улыбнулся, подмигнул. Похожие глаза я напридумывала себе вчера в электрических завихрениях шаровой молнии. Моя дорожка неожиданно кончилась, я споткнулась и полетела лицом вниз. В последний момент оттолкнувшись локтем от поручня, мне удалось восстановить равновесие. Я обернулась посмотреть, восхищен ли великан моей ловкостью, но верхняя площадка была пуста.

Наг

Он, конечно, заметил, как маленькая хрупкая девушка исполнила внизу нечеловеческой сложности трюк, как и то, что за мгновение до падения браслеты активировали левитрон, не позволяя ей упасть. Нужно будет спросить Ра-Шу-и-Ки, почему их снаряжение находится в пользовании местной девы, и наказать за легкомыслие.

Рой, идущий рядом с ним, был беспокоен, Наг видел, каких усилий стоит ему поддержание этой формы.

– Капитан, вы уверены, что вам нужно лично знакомиться с местным феодалом?

– Да, это необходимо. Нам нужен доступ к его ресурсам, ты этого обеспечить не сможешь.

– Я слишком долго держал эту форму, – грустно сказал рой. – А

здесь... сущности. Это отвлекает.

– Насекомые?

– Да, обладающие лишь зачатками коллективного разума, а оттого бессмысленно свирепые. Их может отогнать только дым табака.

– Уже через несколько часов ты сможешь деформироваться и отдохнуть, – пообещал Наг.

Подчиненных было положено ценить и беречь, если иного не требовали обстоятельства. Уставом, между прочим, положено. Тем более что в теперешней форс-мажорной ситуации они проявили себя неожиданно неплохо. Авария вывела из строя управление корабля, капитан пострадал настолько, что исполнять свои обязанности не мог, поэтому члены экипажа, запечатав медкапсулу с его телом, постарались внедриться в местный социум. Прекрасное решение. Рашук воспользовался домашней заготовкой, и она сработала, даже несмотря на то что ошибка приземления составила больше трех тысяч лет. Регенерация заняла некоторое время, но прошла вполне успешно, теперь Наг должен был принять на себя руководство, сняв с подчиненных ответственность.

Они прошли пост охраны. Рой, которого сейчас звали Виктор Иванович, ориентировался в местных обычаях, поэтому Наг, следуя его примеру, спокойно поднял руки и позволил охранникам себя обыскать.

Господин Баринов принял их в спальне. На низком пуфике в изголовье сидела волоокая Лерочка Козлова, которая при виде вошедших облегченно вздохнула и поспешила удалиться. Наг ответил полуулыбкой на ее влажный призывный взгляд. Малышке явно требовался кто-то помоложе и поактивнее ее немолодого любовника. Наг был не против. Это было удобно, девочка была миленькая. Так почему бы и нет, если это не помешает делу?

Они остались в спальне вчетвером, помощник Баринова, представившийся Сергеем, закрыл за девушкой дверь.

– Что вы со мной сделали? – громким шепотом обратился Баринов к Виктору Ивановичу. – Как?

Он выпростал из-под одеяла руки, испещренные коричневатыми пигментными пятнами.

– Это откат, любезный мой Аристарх Евгеньевич, – спокойно ответил рой. – Наши технологии действуют от пяти до десяти часов, после чего тело возвращается к исходной форме.

– Оно стало хуже.

– Вам только кажется, – рой присел на краешек постели, рассматривая кожу, но не прикасаясь.

– Как вы это сделали?

– Мы не открываем наших секретов, – строго ответил Виктор Иванович. – Я хотел лишь продемонстрировать вам, батенька, каких результатов вы сможете ожидать, продолжив наше сотрудничество.

– Я впечатлен, – после паузы сообщил Баринов.

– Тогда позвольте вам представить нашего сотрудника, с которым вы будете общаться в ближайшее время.

Наг слегка поклонился.

– Я вынужден покинуть страну уже сегодня, – продолжал рой. – Но господин Наг, известнейший в наших узких кругах специалист, заслуживает вашего полного доверия.

Помощник был против. Сергей демонстрировал лицом весь спектр недоверия. В другой ситуации его можно было бы ментально продавить, но накануне Наг уже воздействовал на юную Леру и опасался, что лишними усилиями замедлит свою еще не завершившуюся регенерацию. Все нужно делать постепенно.

– Что требуется от нас? – спросил Сергей, кончиками пальцев активируя планшет.

– Во-первых, необходимо обеспечить нашего сотрудника местом для работы. Исследования не прекращаются ни на минуту. Во-вторых, материал.

Сергей замер. Рашук все еще не давал им согласия, а мумия принадлежала ему.

– Сережа все устроит, – Баринов говорил с нажимом. – Извините, господа, я еще слаб после покушения и хотел бы отдохнуть.

Виктор Иванович, ожидая скорого освобождения, широко улыбнулся:

– Позвольте вас немного подлечить.

Он взял Аристарха Евгеньевича за запястья двумя руками. Нагу было видно, как из серого рукава на собеседника скользнула узкая дорожка полупрозрачных насекомых. Фокус роя состоял в том, что на время он делился с магнатом частью себя. Через пару часов часть эта вернется к владельцу, но пока крошечные жучки, из которых рой и состоял, протискивались под кожу, впрыскивая реципиенту лекарственные секреты. Негуманоидное происхождение штурмана не раз выручало их команду.

Сергей отвел Нага на нижний этаж, продемонстрировал неплохо оборудованную лабораторию, а также жилые комнаты. Предполагалось, что покидать «Пирамиду» Наг не будет. Он равнодушно оценил обстановку, отметил с десятков скрытых камер и две явные. Помощник собирался

плотно его контролировать. Виктор Иванович их покинул, сославшись на срочные дела.

– Где мумия? – спросил дайгон, присаживаясь в кресло у журнального столика.

– Ее доставят как можно быстрее, – ответил Сергей неуверенно.

– У нас какие-то проблемы.

– Что вы! Никаких.

– Виктор Иванович поведал мне, что нынешний владелец нашего материала не желает с ним расставаться.

– Я его уговорю.

– Позвольте мне, – улыбнулся Наг, – мои коллеги считают меня неплохим переговорщиком.

Тут пришлось слегка продавить, недоверие к нему Сергея было слишком сильным, ему хотелось возразить просто так, из-за немотивированного отвращения к собеседнику.

– Давайте попробуем, – помощник сам удивился своему решению, но быстро перестал об этом думать.

Они вышли из комнаты в небольшой холл. Воспользоваться лифтом не удалось. У самых его раскрытых дверей стояла стремянка, перегородив вход, и копошились какие-то рабочие в синих комбинезонах. Один стоял на стремянке, по локоть засунув руки за потолочное покрытие, чертыхался, перещелкивал какие-то рычаги, другой придерживал лесенку. От щелканий мигало не только освещение холла, но и внутренняя подсветка лифта. Вдруг рабочий вскрикнул, ему на голову потекла какая-то вязкая субстанция.

– В чем дело? – строго спросил Сергей.

– Гнездо диких пчел, – объяснил другой работяга, вовремя отпрыгнувший и потому не пострадавший, – пчел мы выкурили, но Степка, вон, гнездо раздавил, теперь сладкий будет, как Винни-Пух.

Степка матюгнулся вполголоса и спрыгнул. Стремянка, накренившись, упала, следом упал из потолочного провала рычаг в виде змеи, повиснув почти до самого пола.

– Понятно, – Сергей покачал головой с неодобрением. – Исправьте все как можно быстрее, и пусть уборщики здесь почистят, когда закончите.

Помощник отошел метров на пять, поискал на полу какую-то отметку, наступил на заметную только ему щель, подпрыгнул, одна из стальных панелей отъехала в сторону, открывая еще одну лифтовую кабинку.

– Шеф любит непростые решения, – пояснил он Нагу.

Они воспользовались этим лифтом, затем коридором, перегородженным

немалым количеством металлических дверей. У каждой из них Сергей склонялся к окошку сканера сетчатки, у последней проговорил в щель микрофона несколько слов, идентифицируя голос.

«Рашуку приходится прилагать массу усилий каждый раз, когда необходимо выйти», – подумал Наг.

Створки раздвинулись. Сергей повел рукой:

– Наш принц не очень ко мне расположен, поговорите с ним наедине.

Дайгон кивнул и вошел внутрь. Он был уверен, что сей же момент господин Ищук приникнет к скрытому монитору, чтобы проконтролировать беседу.

Апартаменты Рашука были зеркальным отображением его, Нага, апартаментов. Мальчик сидел на ворсистом ковре гостиной, скрестив ноги, и смотрел что-то на крошечном экране коммуникатора:

– Капитан?

– Хлеб и пиво, – Наг присел рядом. – Сколько здесь камер?

– Все мои, – Рашук встряхнул коммуникатор. – Любопытствующие не услышат ни слова. Изображение я не трогаю, чтобы не вызывать подозрений, но звук перекодирован. Ваша беседа с нашим повелителем Бариновым прошла успешно?

– Да. Фальшивая мумия подготовлена?

– Так точно! – милая мальчишеская улыбка осветила жесткое лицо, Рашук мальчиком, конечно, не был, но ему почему-то нравилось изображать из себя ребенка. – Я поломаюсь еще для вида, подпишу документы и исчезну.

– Не слишком долго, – велел дайгон, – я обещал Ищуку, что обладаю талантами переговорщика.

– Как скажете.

Наг кивнул. Беседу можно было считать законченной, но для зрителей надо было продлить ее, демонстрируя приложенные усилия.

– Ра-Шу-и-Ки нашел себе здесь даму сердца?

– Кого? – Рашук фыркнул, как будто поперхнувшись.

– Я видел внизу девушку, которая пользовалась левитроном.

Пилот покраснел.

– Это какая-то ошибка, капитан. Эта дева ворвалась ко мне накануне, каким-то образом обойдя все детекторы сетчатки, потащила меня в вентиляцию, повторяя... Капитан, я был уверен, что это вы ее послали, проснувшись. Ведь браслеты были на вас, я решил, что саркофаг – наилучшее место для их хранения.

– Я проснулся, – задумчиво сказал Наг.

Он вспомнил зеленые прозрачные глаза с золотыми точками вокруг зрачка, испуганные такие глаза, и бледные крепко сжатые губы вспомнил.

– Капсула вибрировала, отключаясь. Я проснулся, ожидая нападения, ментально оттолкнул какую-то фигуру.

– В этот момент браслеты перешли к ней, – решил Рашук, – они предпочитают хозяев-женщин, может, вы слышали, что стальные змейки не принимают в свои ряды мужчин.

– Браслеты нужно вернуть. Сегодня же. Ни одна местная дева не достойна ими владеть. Как ее зовут?

– Таисия Вереск, но, капитан, это ее не настоящее имя! Так забавно...

Беседа длилась около получаса. Рашук наслаждался тем, что может поведать дайгону что-то любопытное.

Когда Наг вышел из комнаты, Сергей уже успел спрятать за стенную панель монитор слежения.

– Иди сюда, Ищук, – прокричал мальчик. – Твой спутник уболтал меня продать толстосуму Евгеньевичу наследие предков. Только придется поторговаться. Принц не может остаться нищим после такой сделки. И наличных мне отсыпь на булавки, его высочество изволит сегодня кутить.

Таисия

Врача звали доктор Шторм. Его частный кабинет располагался неподалеку от ТЦ «Пирамида».

– Прекрасно, просто прекрасно, – он внимательно изучал результаты МРТ, сидя напротив за шикарным мореного дуба столом.

Я тяжело дышала, пытаюсь унять сердцебиение. Аппарат для магнитно-резонансной томографии всегда на меня так действовал. Я боролась с клаустрофобией изо всех сил, когда была внутри, потому что от моего спокойствия зависела точность результатов, но как только слышала звук финального зуммера, отпускала панику наружу.

В пакет, что ли, подышать?

Между нами на столешнице равномерно цокали шарики антистрессового мобиля. Я помнила, что он называется «маятник Ньютона». Цок, цок...

Я снова надела браслеты, которые пришлось снять перед обследованием. Дыхание понемногу приходило в норму, успокаивалось и сердце.

Шторм был ухоженным молодым человеком моих примерно лет,

только очень солидным.

– Как самочувствие? – доверительно спросил он, поправляя на переносице солидные очки в черепаховой оправе.

– Прекрасно, – пожала я плечами, – если бы не выборочная амнезия, пожалуй, не стала бы вас тревожить.

– Ну, – он замялся, потом, будто решившись, продолжил, – не хочется вас расстраивать, Таисия, но, кажется, мы с вами наблюдаем... кхм... начало конца.

Я беззвучно всхлипнула. Одно дело знать, что это рано или поздно произойдет, а совсем другое – знать, что это произойдет скоро. Я умирала и даже уже немного смирилась с этой мыслью. В конце концов, все мы смертны и никто не будет жить вечно.

– Когда?

– Мне не хотелось бы говорить о точных сроках...

Доктор Шторм пригласил меня за ширму, где стояла кушетка, я разделась, его сухие, как змеиная кожа, пальцы пробежались по дорожкам шрамов, которыми было испещрено мое тело. Зачем все это? Я умру. Мое сердце перестанет биться уже через месяц или даже раньше, так зачем наблюдать кожные покровы?

– Неплохо, неплохо, Таечка, – похлопал меня по плечу доктор. – Одевайтесь. Регенерация тела у вас потрясающая, жаль, что она не распространяется на...

Он помолчал, поняв, что слова его меня не утешают, подошел к письменному столу, толкнул шарик мобилия.

– Если хотите, мы сейчас разберемся с вашей амнезией. В юности я увлекался эриксоновским гипнозом, и кажется мне, что ваша амнезия может быть именно гипнотического происхождения.

Гипноз? Я испуганно прижала к груди руки. Нет! Ни за какие коврижки! Я, беззащитная, выбалтывающая все свои девичьи секреты постороннему человеку? Нет, это невозможно.

– Может, к вам на улице подходила цыганка? Говорят, что их женщины промышляют подобным.

Я покачала головой. Шарик цокали.

– Спасибо, доктор Шторм. Мне все понятно. Извините, что отняла у вас время.

– Давайте договоримся встретиться, например, через две недели.

– Собираетесь опустить гвоздику на крышку гроба?

Он смутился, и я поняла, что даже двух недель у меня нет. Бедняжка доктор Шторм, ему так хотелось дать мне надежду, а вместо этого...

Черт! Я ничего не успела!

Попрощавшись с доктором, я побрела по вечерним улицам. Велосипед остался у торгового центра, мне нужно было за ним вернуться и ехать домой.

Две недели, две недели, две...

О том, что я не жилец, я знала, кажется, всегда. Мне и так оказалось отмерено больше, чем я могла рассчитывать. Когда мне было шесть лет, я попала в страшную аварию, перенесла семь или восемь операций и длительный период восстановления. Меня собрали буквально по частям, сращивая переломы и разрывы. Повезло мне лишь в том, что от родителей мне остались деньги, которые пошли на лечение, а также судьба подарила встречу с человеком, который проследил за тем, чтобы деньги мои не разворовали детские учреждения и прочие мошенники. Янина Павловна была директором сиротского приюта в соседней области, и если бы не она, не дожидая бы я до своих двадцати пяти лет. Она меня вырастила и воспитала, благодаря ей у меня было хорошее финансовое образование и даже ученая степень, о которой, впрочем, я в данный момент не распространялась, потому что ТЦ «Пирамида» специалиста моего уровня себе позволить не мог, а мне необходимо было работать именно в нем.

Аутоиммунное заболевание мне диагностировали около полугода назад. Мне неожиданно стало плохо во время лекции, испуганные студенты вызвали «Скорую помощь». Сердце отказывало, современная медицина мне помочь ничем не могла. Даже пересадка не возымела бы эффекта, мой организм испортил бы и новое сердце.

Вместо ужаса я, к удивлению, почувствовала облегчение. Жизнь моя, несмотря на плотность рабочего графика и карьерные успехи, была несколько пуста. У меня никогда не было любовника, даже случайного, потому что испещренное шрамами тело я никому не могла показать, соответственно, не было и детей, домашние животные были под запретом руководством кампуса, где я обитала. Нет, я, конечно, могла бы переехать в местечко покруче и подороже, завести какого-нибудь кошачьего сфинкса или хохлатую собаку, но тогда пришлось бы уменьшить суммы, ежемесячно отправляемые в тот самый приют. К тому же животные требуют ухода. А тут будто судьба все решила за меня. Несколько месяцев я могу посвятить своим делам. И тогда я приняла решение вернуться в Славигорск.

Здание торгового центра теперь охранялось еще и полицейским нарядом. Я поздоровалась с блюстителями порядка и протянула свой пропуск, единственный документ, которым могла удостоверить свою

личность.

– Мне только велосипед со стоянки забрать.

– Таисия Вереск? С вами хотел побеседовать следователь.

– Мы уже беседовали сегодня.

– Значит, он еще раз хочет, – проявил твердость полицейский и проводил меня в тот самый кабинет, из которого я два часа назад отправилась к врачу.

На лице служителя Фемиды читалась усталость и легкое отвращение:

– А вы ведь мне соврали, госпожа Вереск.

– Когда?

– Ну вот подумайте, может, вспомните, – следователь вышел в коридор с полицейским, оставив меня одну.

Что за детский сад? Он что, думает, я сразу в его документах рыться полезу? Да здесь камер больше, чем канцелярских скрепок в коробочке. В чем я ему соврала, интересно? Может, просто лягнула что-то, не подумав? Мысли-то другим заняты были.

Я рассеянно теребила резинку, которой были стянуты мои волосы, и она, разумеется, лопнула. Я тряхнула головой, поворошила ладонью массу волос у затылка. Вернулся следователь. Я не успела принять привычный мне строго-неприметный вид, поэтому, закинув ногу на ногу, широко улыбнулась. В голове было холодно и спокойно, а в венах, судя по ощущениям, пузырилось шампанское. Да что он мне может сделать, честное слово? В тюрьму посадить? На сколько, на две недели? Да я неуязвима, черт меня дерит!

– Давайте побыстрее со всем разберемся, – голос мой приобрел отчетливую эротическую хрипотцу, – Вадик.

Он же мне представился при первой нашей встрече. Вадим чего-то там, я не запомнила. Но этот полуинтимный «Вадик» пришелся как нельзя более кстати. Следователь покраснел и слегка растерял свою уверенность.

– Вы же вчера после работы здесь задержались, Таисия?

– А я разве не говорила? – я опустила локти на столешницу, лацканы делового пиджака разъехались в стороны, открывая ложбинку груди. Такое декольте я позволить себе могла, шрам начинался сантиметров на семь ниже. – Отчет не успела вовремя свести, пришлось остаться, доделывать. Уже по дороге услышала вой сирен, а утром из новостей о покушении на хозяина узнала.

– А почему же не вернулись?

– Я на слух полицейскую сирену от пожарной не отличу и вообще не любопытна.

– А вот это вот как объяснить можете? – он протянул мне через стол мобильный.

Я посмотрела, чуть прищурившись, – к вечеру глаза всегда уставали, видимо, вследствие проведенной за учебниками юности.

– Вы желаете, чтобы я объяснила, почему у такого приятного молодого человека в памяти телефона хранится фото какого-то оружия?

– Это помповое ружье.

– Допустим.

– Укороченное.

– И что дальше?

– Именно из него вчера был произведен выстрел в господина Барина. Оружие обнаружили полицейские в одной из трансформаторных будок на территории торгового центра. Вместе с этой вот вещью, – он сдвинул фотографию, открывая следующую.

– А это что?

– Балахон и маска, похожие на те, в которые была одета обслуга на торжественном приеме.

– Первый раз такое вижу, – покачала я головой.

– Что ж, – вздохнул следователь. – Мы просмотрели терабайты информации, накопленные с видеокамер, и выяснили, что вы, Таисия, вчера около девяти утра посещали...

Он порылся в файлах:

– Вот.

На этой фотографии, снятой сбоку и сверху, мой вполне узнаваемый непосредственный начальник тискал слабоодетого главного бухгалтера Маргариту Александровну.

Я захихикала, Вадим покраснел, извинился, опять уткнулся в мобильный.

А вот на этом кусочке видео была я, точно я, и молодой человек экзотической наружности, а попросту пацан Ращук, с которым я сегодня ругалась у фургончика «Шутейка». Слов, которыми мы обменивались, слышно не было, я ткнула пальцем в монитор, регулируя громкость.

– Прощай, Таисия. Возвращайся... Ну, туда, куда ты шла, когда тебя отвлекли, – говорило юное чудовище.

Я прослушала диалог до конца, потом меня буквально втокнули в дверь лифта и запись прервалась.

– Что вы скажете на это, Таисия?

А и правда. Что я могу на это сказать? Может, что только что обнаружила ту самую придуманную доктором Штормом цыганку? Ведь

разговора этого я не помнила, как и того, почему оказалась с мальчишкой в... Кстати, а где это было?

Я вызвала в памяти поэтажный план. Кухня должна была остаться по правую руку, налево склад, прямо... Хорошо, где я была, примерно понятно. Но вот зачем?

Пожав плечами, я посмотрела на следователя долгим туманным взглядом:

– Вы не допускаете, что я люблю детей?

– Что вы там делали?

– Заблудилась. А что делал там юный Рашук? Вы его допросили?

Судя по выражению лица следователя, допросили, и результаты его не порадовали. Хотя, если пацан сильный гипнотизер, вполне вероятно, что и Вадик подвергся воздействию.

Беседа продолжалась еще минут двадцать. Следователь, судя по всему, под конец жалел, что попытки в нашей стране запрещены, а еще... Несколько раз я ловила на себе его вполне недвусмысленные взгляды. Кажется, я ему нравилась, в самом эротическом аспекте этого слова.

– Давайте, когда это все закончится, – нерешительно предложил он, когда мы уже прощались, – куда-нибудь сходим?

– Куда?

Видимо, я среагировала слишком резко, потому что он смутился еще больше. Я, поняв ошибку, улыбнулась:

– Простите, стресс. Конечно, я с удовольствием встречу с вами, Вадим, когда все закончится.

«Во снах тебе буду являться, дубина подозрительная, стенать и греметь цепями», – подумала я уже за дверью.

Накатило невероятное раздражение. У меня нет времени отвлекаться на флирт со всякими Вадиками, нет времени разбираться с гипнотизерами, нет времени... Ни на что!

В рюкзаке зазвонил мобильный, мой, а не следователя. Я нажала на иконку приема вызова и рявкнула:

– Кто это?

– Но-но, женщина, чего ты на меня орешь?

Я отключилась. Высокий вибрирующий голос я узнала. Рашук, мелкое чудовище. Как только номер мой узнал?

Мобильный вновь ожил, я проигнорировала звонок и выключила телефон.

Мой велосипед стоял на месте. Я повозилась с замком, отстегнула шлем, который приходилось оставлять на стоянке, поскольку в рюкзак он

не умещался.

– Гормоны бушуют? – раздался за спиной вкрадчивый голос.

– У меня нет времени, – не оборачиваясь, ответила я.

– Найдешь. Слушай сюда, женщина, – Рашук явно запыхался, преследуя меня, – если ты не будешь милой со мной, я сдам тебя милейшему следователю Вадиму Григорьевичу Коростелеву, прямо с картой-планом твоих перемещений по тайным ходам ТЦ «Пирамида» сдам.

– А если буду милой, прикроешь? – резко обернувшись, я встретила удивленный взгляд пацана. – Сможешь ему внушить, что как подозреваемая я не выступаю и вовсе следствию неинтересна?

Он кивнул с сомнением, видимо, прикидывая, откуда я знаю о его талантах.

– Через сорок минут жди меня в привокзальной харчевне «Три с половиной поросенка», – проговорил он наконец. – Нам нужно многое обсудить.

– До встречи.

То, что он назвал харчевней, на самом деле было приятнейшим заведением с домашней выпечкой и травяными чаями. Где оно располагалось, я знала прекрасно.

Дорога заняла минут пятнадцать. Сделав заказ, куда входил яблочный штрудель, чай с брусникой и натуральный мед к нему, я уткнулась в свой мобильный. Здесь был бесплатный вай-фай, и оставшееся до встречи время я посвятила поиску в Интернете информации о гипнозе и о способах ему противостоять. Меня интересовали действенные методы, не требующие предварительной подготовки. Оказалось, что существовал небольшой процент людей, загипнотизировать которых было невозможно. Я позавидовала чужой невосприимчивости.

Пролистывая десятки страниц с общей информацией или с обычным флеймом, я наткнулась на форум, где пострадавшие от уличных цыганок делились неприятным опытом. «Главное, в глаза им при этом не смотреть», – писал какой-то ник, состоящий из цифр и заглавных букв. Другой возражал, что хороший гипнотизер такого препятствия просто не заметит, заговорит, заставит, а нужно в момент, когда воля твоя еще не подчинилась, причинить себе резкую боль, например уколоться булавкой, и тогда...

Дочитать я не успела. У моего столика появился Рашук все в том же махровом халате.

– Булочек мне ваших фирменных с десяточек, хозяйюшка, – скомандовал он подошедшей официантке. – И всего, что к ним полагается,

масло там, нарезочку, и еще большой чайник, лучше сразу два.

Столики в «Поросятах» были забавные – три небольшие столешницы лесенкой крепились к толстой деревянной ножке, их можно было раздвинуть, как лепестки, или, наоборот, сдвинуть, если заказ был небольшим и умещался только на одной столешнице. Когда официантка принесла заказ Рашука, ей пришлось заставить тарелочками, плошечками и чайничками все три «лепестка».

Я спрятала мобильный в рюкзак. Опустить руки на стол не получалось, там попросту не было места, браслет стукнулся о плошку с медом, я отдернула руку, убедилась, что рукав не запачкан, а потом устала на плошку, абсолютно пустую. Неужели я успела весь мед съесть, пока читала?

– Поведай, что тебе удалось узнать обо мне, – предложил Рашук с набитым ртом.

Пацан явно был голоден и уплетал булочки так энергично, что уши шевелились.

– Сначала скажи, что тебе от меня нужно.

– Браслеты, – не стал спорить он. – Не знаю, каким образом они к тебе попали, но я должен их вернуть.

– Я тоже не знаю, – фальшиво вздохнула я. – Поэтому тебе придется доказать права владения.

– Что же делать? – воздел он перемазанные руки. – Может, вернуть тебе память, Таисия Берг?

– Ты сейчас ко мне обращаешься? – переспросила я, внутренне похолодев. – Но фамилия у меня другая.

– Браслеты отдавай, – фыркнуло юное чудовище. – Я могу тебя в три секунды уничтожить, только шепнув кому надо пару слов.

Это был мат, окончательный и без права отыгрыша. Я сняла браслеты и положила их на небольшой свободный от тарелок пяточок. Он потянулся, схватил их со столешницы, засунул за пазуху, куда-то в недра своего немислимого тряпья.

Я поднялась на негнущихся ногах.

– Сидеть, – резко сказал мальчишка. – Мне подумать надо.

Я послушно опустила на стул. Если бы он сейчас приказал мне встать на четвереньки и залаять, я бы это сделала. Потому что...

– Нет, я так не могу, – протянуло юное чудовище словно про себя. – Это она сейчас уйдет топиться, а я так и не узнаю, каким образом она левитрон активировала? Невыносимый пробел в информации.

Я тихонько дышала, сердце щемило, хотелось вскочить, разбить

чайник, обвариться кипятком, ощутить хоть что-то кроме тупой боли в груди.

– Давай начнем заново, женщина, – сказала чудовище, перегнувшись через стол. – Ра-Шу-и-Ки, управляющий колесницами, страж врат и хранитель ключей, возвращает дурочке Тае ее память.

Запястья обожгло холодом, а голову – болью. Наверное, примерно так чувствует себя человек, которому в темя попала пятьсоттысячеамперная молния, с тем небольшим отличием, что я выжила.

– Кто ты, черт тебя дерит, такой? – успела я спросить за мгновение до того, как меня накрыло.

Я замороженно смотрю на иссушенное лицо в бурых бинтах, стекло, которым накрыт саркофаг, дрожит, я отшатываюсь, оставляя на поверхности липкий медовый след. Я вляпалась в мед в лифте, там с потолка почему-то текло... Я вжимаюсь в закуток, вижу входящего в помещение мужчину, он боится, я чувствую его страх, потом ощущаю давление, стена за моей спиной поддается, я лечу в темноту. Страх, уже мой, переворот в воздухе, приземление на корточки, кончики пальцев упираются в напольное покрытие, я вижу каждую трещинку, каждую неровность. Мне срочно нужно кого-то найти. Опасность. Я должна защитить его. Бесконечные коридоры, к каждой двери, прежде чем открыть, я прикладываю раскрытую ладонь. Мальчик сидит на ковре, скрестив по-турецки ноги.

– Что?

– Молчи! Идем, у нас мало времени...

– Кто ты, женщина?

– Меня зовут Берг.

Я тащу мальчишку в ванную, вынимаю решетку вентиляции. Что я делаю, черт подери? Как я это делаю? Не думай! Сначала дело.

Мы входим в помещение с саркофагом. Незнакомца в зале уже нет. Мальчик подходит к мумии:

– Все в порядке. Зачем мы здесь?

Но моя миссия уже закончена, я растерянно пожимаю плечами.

Мальчик что-то делает со стеклом, потом бормочет:

– Уже скоро, еще несколько дней.

Где-то разъезжаются створки лифта, мы бежим к вентиляционному отверстию, протискиваемся в него, мальчик задвигает решетку на место.

Паническая атака. Слишком тесно, слишком темно, каждый вдох оборачивается стоном.

– Не бойся, сейчас будет свет.

На стенах расцветают алые лампочки. Ра-Шу-и-Ки, управляющий колесницами, страж врат и хранитель ключей...

Я резко вздохнула и вернулась к реальности. «Три с половиной поросенка», чай, выпечка, негромкая инструментальная музыка из динамиков, сквознячок из потолочных кондиционеров.

– Так в какой момент твоей нелепой жизни у тебя появились эти браслеты? – Рашук хлопнул себя по груди.

– Сразу после того, как я посмотрела на мумию, – честно, но с неохотой ответила я, – причем появились они на запястьях мгновенно. Сразу после я провалилась в какую-то дыру, и, кажется, твои браслеты каким-то образом скорректировали полет, потому что я не расшиблась, а, сгруппировавшись, вполне удачно приземлилась.

– Это левитрон, – кивнул мальчик, – всего лишь одна из его возможностей.

Получив ответ, он как-то сразу поскущел, и я догадалась, что сейчас последует. У меня опять отнимут память, об этом разговоре, скорее всего, тоже.

Я подняла ладонь, призывая официантку:

– Еще чаю, пожалуйста, – потом наклонилась к собеседнику: – Твоя очередь рассказывать.

– Что тебя интересует?

– Все. Кто ты? Что это за мумия, что тебя связывает с дядей Витей?

Официантка уже возвращалась к столику, неся исходящий паром чайник. Хороший сервис.

Рашук поперхнулся:

– С каким дядей Витей?

– Не притворяйся. Я слышала вчера вечером ваш разговор во дворе торгового центра. Хлеб и пиво-о, – протянула я тонким голоском.

Мальчик улыбнулся:

– А, этот дядя Витя!

Я сняла с чайника крышку, стоял он не очень удобно, почти на уровне коленей, на самом нижнем «лепестке».

– Ну расскажи! В конце концов, ты знаешь обо мне самую страшную тайну, так дай мне что-нибудь взамен!

– Моя тайна гораздо круче!

Я недоверчиво покачала головой. Тут опять появилась официантка с плоским продолговатым блюдом с пирожными.

– Подарок от шефа любимому клиенту, – вручила она лакомство Рашуку, тот раздул ноздри, прищелкнул языком:

– Передайте тете Люсе, вашему восхитительному шеф-повару, мою благодарность.

Видимо, Рашук был здесь завсегдатаем. Пирожными со мной, разумеется, никто не поделился. Я прихлебывала чай. Интересно, ему для гипноза обязательно прикасаться к объекту? Кажется, нет. По крайней мере, он не трогал меня, когда возвращал память.

– Почему Древний Египет? – спросила я осторожно. – Это потому-то Барин им увлечен?

– Мы почти на три тысячи лет промазали, – мальчишка говорил с полным ртом. – На выходе из фрактала...

Он с усилием глотнул и вытер рот салфеткой:

– Ждали нас там, мне пришлось обратно в червоточину корабль отводить. Борт всмятку, капитан в лепешку, штурман пополам. Вот на три тысячелетия и промахнулся. После экстренного приземления выяснил, что время не то, но мы же готовились, языки учили, обычаи, пришлось работать с тем, что есть. Кстати, неплохо у вас за эти годы технологии продвинулись.

Я поставила на стол пустую чашку.

– Ты инопланетянин?

– Я же говорил, что моя тайна круче, – расхохотался собеседник. – Инопланетянин, иномирянин и иногалактианин.

– Сегодня, кажется, не первое апреля.

– Что? – он выложил на столешницу свой коммуникатор, порылся в нем. – День дурака? Нет, женщина, сейчас я тебе не вру, смысла нет.

– Ты сказал, что управляешь колесницами.

Коммуникатор опять исчез в лохмотьях.

– А что мне надо было говорить, что я пилот и инженер связи?

– А ты инженер?

– Ну да.

– А засохший труп?

– Капитан. Только он не труп, а организм в процессе регенерации.

– Тогда кто дядя Витя?

Рашук вздохнул, примериваясь к последнему пирожному:

– Корабельный штурман и бортовой компьютер. И, предвосхищая очередной нелепый вопрос, он у нас рой – негуманоидное существо с неограниченными возможностями трансформации. Так что сегодня он дядя Витя, а завтра, например, тетя Люся. И ты в жизни его от шеф-повара не отличишь, разве что ватрушки печь заставишь, в этом рой не силен.

Мне захотелось сбежать, я привстала.

- Куда?
- Носик попудрить.
- Терпи.

Я поняла, что тактическое отступление накрылось медным тазом.

– Ничего больше не хочешь сделать? – Лукаво проговорил мальчишка. – Поорать, в обморок брякнуться, добрых санитаров вызвать? Выбирай.

– Хорошо, предположим, что ты инопланетянин, твой корабль с экипажем потерпел аварию...

- Предположим.
- При чем тут временные скачки?

– При том, что перемещаться на огромные расстояния возможно лишь при использовании червоточин, складок пространства-времени. Ты, Таисия, в школе хорошо училась?

Я кивнула.

– Значит, при желании ты сможешь и в Древний Египет вернуться через червоточину?

– Если капитан так решит. Мы же не группа инопланетных туристов, мы отряд специального назначения, охотники. Миссия у нас галактической важности, все как у людей.

Рашук был треплом, говорить ему было приятно и радостно. Он рассчитывал отвести сейчас со мной душу, а затем заставить меня обо всем забыть, сведя на нет последствия своей болтовни.

– На кого охотитесь?

– Итиеш, сердцеед, истребитель народов, у вас даже фараон такой был, только наш не фараон... Хотя знаешь, может, это он и есть. Любит наш преследуемый во власть поиграть.

– Это ты его нашел?

– Ну да, методом тщательной обработки информации. Я же лучший специалист.

– В столь юном возрасте?

– Это так по-женски, – фыркнул Рашук, – обращать внимание на внешность. Я намного старше тебя, дитя, и в миллион раз опытнее.

«А треплешься, как пятиклассник перед первой красавицей школы», – подумала я.

– Какое отношение Славигорск имеет к вашему «убийце народов»?

– А вот это вопрос интересный...

Мальчик подозвал официантку:

– Пустую посуду у нас заберите, пожалуйста, и еще чайку мне и моей

даме, – он обернулся ко мне. – В принципе моей главной задачей было обеспечить регенерацию капитана, я и обеспечивал, параллельно мониторя информацию об объекте. Самое забавное, что след вел сюда, не именно в Славигорск, а в горы. Тут очень удачно появился помощник господина Баринова, пригласивший меня к вам, и я решил, что на месте у меня будет больше возможностей для поисков. Я же тогда не знал, что этот поганый Ищук для меня настоящую тюрьму организует, шаг вправо, шаг влево – провокация, прыжок на месте – попытка улететь. Кстати, Тая-Таечка-Таисия, как тебе удалось детекторы сетчатки обмануть?

– Думаю, все дело в браслетах, – указательным пальцем я ткнула в выпуклость на его груди. – Я накрывала сканеры раскрытой ладонью, и они срабатывали.

– Уаджет, око Ра, – кивнул Рашук, – полезное свойство. Но ты знала, куда идти, ориентировалась в вентиляционных и лифтовых шахтах. Будь со мной откровенна, Таисия. Ты наемный убийца?

– Не наемный. Мне физической формы недостает, – мне показалось, что по коже от запястий пронесся ветерок, – и опыта, и простой удачливости, иначе давно бы его прихлопнула.

– Баринова?

– Да.

– Чем же он перед тобой провинился?

– Он убил моих родителей.

Я произнесла эту фразу вслух впервые. Мне было шесть лет, когда я потеряла родителей. И не было ни одного дня, чтоб я не повторяла шепотом, как заклинание «Аристарх Баринов убил моих родителей и чуть не убил меня». Когда через полгода после катастрофы я впервые вышла из больницы, Янина Павловна, моя опекунша, решила, что добиться справедливости сейчас мы не сможем. Господин Баринов был богат, как Крез, и со всех сторон защищен связями, расследование по делу о смерти мамы с папой закрылось с формулировкой «несчастный случай».

– Лучшей мезтью будет, если ты вырастешь и станешь успешным человеком, Таечка, – говорила мне тетя Яна. – Живи будущим, а не прошлым, учишь, работай. Не бери грех на душу, смерти врагу не желай.

Янина Павловна была глубоко религиозной, я ее концепцию христианского всепрощения не разделяла, но помалкивала, а то самое запретное желание отомстить со временем лишь окрепло.

Еще несколько лет мы опасались, что Баринов меня найдет, чтобы завершить начатое, но, казалось, он обо мне забыл.

Почему я сейчас решила рассказать обо всем Рашуку? Наверное, в

психотерапевтических целях. Потому что тайна очень долго буквально выжигала меня изнутри.

– Мой отец и Аристарх были друзьями детства, – по щекам текли слезы, но я не могла их вытереть, не могла поднять к лицу руки. – В конце прошлого века, это время еще называют «лихие девяностые», они занимались исследованиями не совсем законного характера...

Рашук сложил брови домиком:

– Что это значит?

– Знаешь, кто такие «черные археологи»?

– Мародеры?

– Что-то вроде. Они вели раскопки, минуя официальные инстанции, а находки отправлялись не в музеи, а на частные аукционы.

– Что у вас здесь копать? Пастушьи стойбища?

– Не только, но их интересы нашим регионом не ограничивались. Отец был по образованию историк, специализировался как раз на Древнем Египте, его приглашали и зарубежные «коллеги». Ты же не думаешь, что «черные археологи» – это наше национальное ноу-хау?

– Не думаю, – успокоил меня Рашук, – продолжай.

– Мне было шесть лет, я могу ошибаться, но в тот год отец был в Африке, они вернулись вместе с какой-то невероятной добычей. В том, что она была невероятна, я уверена, переговоры велись у нас на кухне, я многое слышала. Взрослые редко обращают внимание на детей. Они что-то не поделили, я слышала, как они скандалят за стеной. Наутро отец велел нам с мамой собираться, мы погрузились в машину, у нас был дорогой внедорожник, отец гнал как безумный, прикрикивая на маму, чтобы она не плакала. Мы ехали в горы, нам удалось добраться по серпантину до смотровой площадки над Славью, а там...

В горле пересохло, а мой чай уже кончился, поэтому схватила чайничек Рашука и отпила из носика.

– Нас настигли. Я помню, как кричал отец, а мама, прежде чем выйти из машины, отодвинула спинку заднего сиденья и буквально затолкала меня в закуток за багажником. Она тоже кричала, как будто захлебываясь, потом затихла. Кто-то открыл багажник, сбросил на землю наши пожитки. Меня не заметили, потому что я забилась за пластиковую перегородку. Видимо, в одном из чемоданов обнаружилось то, что было нужно Баринову. Он захохотал, остов машины за моей спиной скрипел, а потом схлопнулся, я ощутила, что вся автомобильная громада сползает вниз.

Я хлебнула еще чаю.

– Там обрыв. Сразу от смотровой площадки. Покореженная машина со

мною внутри упала в реку, я не помню, как я выбралась, не помню, как течением меня снесло километров на двадцать вниз. Уже в больнице я узнала, что родители мои погибли в автомобильной катастрофе. Меня разыскивала полиция, но потом перестала. Других родственников у меня не было, и я осталась со своей спасительницей. Мы оформили мне документы на девичью фамилию матери.

– Сколько тебе лет? – быстро спросил Рашук.

– Двадцать пять.

– Ты девятнадцать лет ждала, прежде чем вернуться и отомстить?

– Получается, что да.

Про свою болезнь, которая и послужила толчком к возвращению, я умолчала. Хорошенького понемножку.

Рашук приподнялся со стула и торжественно поклонился:

– Прими мое искреннее уважение, Тая-Таечка-Таисия. Месть – прекрасный побудительный мотив многих великих деяний.

Я недоверчиво хмыкнула. Мне тут мастер-класс по сарказму, что ли, собираются провести?

– Я вполне серьезен, – плюхнулся на свое место мальчишка. – Месть – это то блюдо, которое нужно подавать холодным. Эх, жаль, что я... Я бы тебе помог. Однозначно. Зло должно быть наказано, а ты просто не сумеешь все как надо повернуть. Эх, Таисия, мне бы тебя в обучение годков на пять, я из тебя такую смертоносную змейку сделал бы, все бы ахнули.

Официантка принесла свежий чай, я снова переместила свой чайник на нижнюю столешницу и опять сняла с него крышку. Наша беседа с «управляющим колесницами» подходила к финалу, и я собиралась попробовать повернуть кое-какой фокус.

– Эх-эх, – все сокрушался Рашук, искоса поглядывая на удаляющуюся обслугу, – а сейчас, дитя, ты забудешь наш разговор...

На его вдохе перед «дитя» я опустила в кипяток пальцы правой руки, стараясь не закричать от боли.

– Этого разговора не было, Тая, ты забежала в «Три с половиной поросенка», чтобы перекусить, мы случайно оказались соседями по столику, познакомились и почти подружились. Отмирай! Будем говорить на нейтральные темы.

Я вздрогнула, натурально изобразив выход из транса, и схватила со стола салфетку.

– Я на минуточку.

В туалете я открыла до упора кран, заткнула сток смятой салфеткой и

опустила в ледяную воду обожженную руку.

Больно-то как, черт!

Я улыбнулась сквозь слезы – фокус удался, гипноз на меня не подействовал, каждое слово, сказанное инопланетным «стражем врат», было со мной. Я простояла над умывальником минуты три, пока жжение не ушло. На коже, конечно, останутся волдыри, но оно того стоило!

Пальцы я заклеила бактерицидным пластырем, обнаруженным в аптечке у входа. Он был бежевым и вполне незаметным, если не особо жестикулировать перед собеседником.

Вернувшись к столику, я еще раз извинилась и продолжила трапезу, стараясь использовать больше левую руку.

– Говорят, в ближайшую пятницу в ТЦ «Пирамида» будет вечеринка.

От звука мальчишеского голоса я вздрогнула.

– Да?

– Ну, по крайней мере, слухи такие курсируют.

– Сразу после покушения? – удивление разыгрывать не пришлось.

Рашук смотрел на меня пытливо, видимо, желая убедиться, что гипноз подействовал, его черные глаза вполне могли прожечь во мне дыру, с которой пластырю не справиться.

– Надеюсь, персонал пригласят, – продолжила я. – Мне редко удается развлечься, вот как сегодня. Удачно мы с вами... – Черт, мы на «вы» или на «ты»? Ему же лет двенадцать на вид, чего я политесы развожу? Я же с ним ругалась, когда он меня шутейной коробкой двинул! – ...сегодня встретились. То есть с тобой.

– Угу, – он опять жевал что-то кремово-липкое, – просто судьба свела. Запиши меня там в свою бальную книжечку.

– Что?

– Ну, на вечеринках обычно танцуют, так что первый вальс за мной.

Я вежливо хихикнула. Разговор велено поддерживать нейтральный. О чем вообще люди говорят?

– Ты как вообще в наши палестины попал?

– А это, Таисия Алексеевна, наверное, точно судьба. Барин ваш очень мумиями интересуется.

Я знала. Да про это все знали.

– А у меня по случаю мумия во владении была. Ну, знаешь, я раньше в бродячем цирке подрабатывал египетским принцем. Узрите же царя древности и падите ниц!

– По наследству завладел?

– В силу обстоятельств. Но она мне больше не нужна, я ее буквально

сегодня после продолжительного торга продал.

– Будешь теперь карнавальными костюмами заниматься?

Он хихикнул:

– «Шутейка»? Нет, это... Кстати, не говори никому, забудь, а то несолидно может получиться.

Я внутренне напряглась, но, кажется, это «забудь» было не гипнотическим, поэтому я глупо хихикнула, заверив, что эту тайну унесу с собой в могилу.

Есть я уже не могла, даже мед, пить тоже, чай, кажется, собирался хлынуть у меня из ушей.

Рашук галантно отобрал оба счета, принесенных официанткой:

– Я сегодня богат, так что позволь заплатить за даму.

Деньги у него были в карманах халата, целый ворох смятых бумажек, он их так на стол и положил, кучей, не считая.

– Неизвестно, когда я к милым хозяюшкам в следующий раз загляну, – сообщил он мне доверительно. – Учись, Таисия, печь, цены тебе на брачном рынке не будет. Если повторишь тутошний штрудель или расстегаи с клюквой, сам на тебе женюсь!

Я сказала, что подумаю, попрощалась и оседлала своего железного коня. На предпоследнюю электричку я успевала.

Глава 3. Мышь меняет масть

Наг

Рашук вошел в его апартаменты почти бесшумно. Наг медитировал, добиваясь, чтобы оба его сердца бились в унисон. Второе стало активным лишь несколько часов назад и еще не вошло в ритм, кровяное давление резко повысилось, замедляя регенерацию. Капитан был полностью обнажен, ступни скрещенных ног покоились на бедрах, расслабленные руки лежали на коленях, открытыми ладонями вверх, прямая осанка позволяла почувствовать каждый позвонок спины. Он ровно и глубоко дышал, прикрыв глаза.

Пилот почтительно присел на краешек дивана, ожидая, когда медитация закончится.

– Докладывайте, – разрешил капитан, когда второе сердце поймало и закрепило ритм.

Он поднялся с пола, набросил на плечи льняную простыню. Рашука нагота начальства нисколько не шокировала, в их мире не было подобных табу.

– Дева вернула браслеты, – он положил украшения на журнальный столик.

– Я должен их хранить?

Уголок рта мальчишки пополз в сторону, выдавая раздражение. Капитана он не любил, Наг об этом прекрасно знал и даже несколько оправдывал эту нелюбовь: именно он, дайгон Наг, был в команде новичком, он пришел на место безжалостной охотницы Хионы, прежнего капитана. Кстати, и браслеты эти раньше принадлежали ей.

– Как вам будет угодно.

Наг надел браслеты, напрягся, посылая ментальный сигнал левитрону.

– Какие-то проблемы? – саркастично спросил пилот, неудача капитана его обрадовала. – Регенерация не окончена, вам недостает ментальной силы?

– Силы достаточно, просто ваша дева отдала вам пустышку. Это не исходники.

– Не может быть! – смуглое лицо Рашука побледнело. – Я сам видел, как она их снимала. Да она слабенькая совсем, ее продавить – раз плюнуть,

я даже опасался за ее разум после моих манипуляций.

Он склонился, рассматривая украшения, почти обнюхав чеканные пластины. Наконец, разогнувшись, потерянно произнес:

– Запустился процесс деления. Браслеты трансформируются в полный доспех.

– Чудесно, – капитан снял пластины и бросил их в ближайший картонный ящик, стоящий у стены. – Мы, – тут он слегка покривил душой, ибо никакой вины за собой не видел, но принимать на себя общую ответственность было одним из основных качеств руководителя, – потеряли сильный артефакт.

– Я заставлю деву вернуть исходники.

– Нет, Ра-Шу-и-Ки, вы займетесь делом, ради которого мы сюда прибыли. Ищите Итиеша.

– Мне понадобится местное поисковое оборудование и компьютеры, а для этого нужны деньги.

– Баринов сегодня переведет на ваш банковский счет некоторую сумму. Как себя чувствует рой?

– Я его не видел, а использовать здесь привычные средства связи мы не можем.

– Как только объявится, пусть займется кораблем. Мы должны быть готовы транспортировать преступника в любой момент.

– Позвольте вопрос, капитан, – Рашук изобразил нечто вроде военного приветствия. – Может, нам стоит вернуться к червоточине и нырнуть на три тысячи лет назад?

– Чтобы опять угодить в ловушку на выходе?

– Но она же не будет ждать нас вечно.

– И сколько у нас будет попыток, чтобы в этом убедиться? А если в следующий раз мы потеряем кого-нибудь из членов экипажа или лишимся корабля?

– Вы правы, – неохотно согласился пилот, – значит, будем брать Итиеша здесь и сейчас.

– Можете быть свободны. Через семьдесят два часа я жду результатов.

Рашук заверил, что не подведет.

– А что мы будем делать с Таисией? – спросил он, почти покинув апартаменты.

– С кем? Ах, с местной змейкой? Я сам ею займусь.

Наг отвечал с преувеличенной серьезностью, но когда за подчиненным закрылась дверь, позволил лицу расслабиться.

– Займусь не без удовольствия.

Электричка была полупустой. Мне даже не пришлось стоять в тамбуре – я прокатила велосипед к окну вагона и с удобством устроилась на дощатой лакированной скамейке. Пригородные электрички в Славигорске были винтажные, вызывающие воспоминания о далеком детстве. До того как в нашей семье появился первый автомобиль, в точно таких же вагончиках мы с мамой добирались до нашего дачного поселка. Каждая поездка была настоящим путешествием, полным удовольствия и маленьких открытий. Сейчас мне не нравился ни грохот составов, ни проносящийся за окном пейзаж. Зато во время пути можно было спокойно подумать.

Инопланетяне! Надо же! Рой-алкоголик в пузырящихся трениках или сером деловом костюме, мальчик, который не мальчик, а целый инженер связи, и живой труп в качестве капитана. Я вспомнила забинтованное страшилище в саркофаге и поморщилась. Да уж, мое непосредственное начальство выглядит все-таки получше.

То, что теперь Рашук знает мою тайну, ни хорошо и ни плохо. Это никак. Ну не пойдет же он меня в полицию сдавать? Или пойдет? Да даже если не полиция, если он Баринову словечко шепнет? От таких перспектив лоб мой покрылся испариной. Кто меня, дуру, за язык тянул? Черт! Я чуть не взвыла от догадки. Да Рашук меня и тянул. Он же меня внушением болтать заставил. Я же почувствовала холодок в запястьях, когда он предложил быть откровенной. Почувствовала, а внимания не обратила. Оказывается, зря. А теперь я в любой момент могу стать жертвой шантажа.

Стоп, паника! Мне тоже есть чем его шантажировать. Если я про инопланетян в полиции начну рассказывать, мне, конечно, никто не поверит. Но ведь есть еще спецслужбы. Неужели в нашей стране никто инопланетянами не занимается? Мне даже искать эти спецслужбы не придется. Я сегодня же заведу несколько фейковых аккаунтов на тематических форумах и настрою там дюжину отложенных сообщений. Если со мной что-нибудь случится, они автоматически опубликуются, и уж тогда Рашуку придется гипнотизировать людей гораздо солиднее меня и в огромных количествах. Потому что если такие спецслужбы у нас есть, форумы они мониторят всенепременно.

Я даже повеселела слегка, тупик переставал быть безвыходным.

Ну и наконец у меня есть козырь. Улыбаясь во весь рот, я выдвинула из-за манжет чеканные браслеты. То, что они остались на мне, когда я их же с себя снимала, чтобы отдать Рашуку, я почувствовала. Подавила

испуганно-удивленный возглас и перестала о них думать, чтобы не выдать себя собеседнику.

– Хорошенькие, – погладила я металл, – верненькие, славненькие.

Я воровато оглянулась, не смотрит ли кто. Такими темпами я в психушку угожу еще до эпохальных откровений в полиции.

Вагонный динамик зашипел, фыркнул:

– Уважаемые пассажиры! Помните о собственной безопасности. В связи с... сами знаете какими событиями просим вас в вечернее время не ходить поодиночке...

Текст был явно не заранее заготовленный, мне стало приятно, что машинист заботится о нас, припозднившихся доезжающих. И следовательно мне о том же говорил, почти такими же словами.

– Девушка, а вы туфельку не теряли? – на противоположную скамью плюхнулся полноватый молодой человек.

Я встретила его улыбку злобным взглядом:

– Какую?

– Хрустальную, – он наклонился и быстро пожал мне руку. – Эдуард.

Ладонка Эдуарда была потной.

Я перевела взгляд за его пухлое плечико:

– Кнопку на стенной панели видишь? Красненькую такую?

Он обернулся взглянуть, я продолжала:

– Это пульт связи с машинистом. Я сейчас на нее нажму и сообщу, что ко мне неадекватный товарищ пристаёт. Как ты думаешь, Эдуард, на какой остановке в наш вагон войдет полицейский патруль, чтобы задержать подозреваемого в зверских убийствах?

Толстячок пересел и больше к моей обуви интереса не проявлял. Бормотнул в пространство:

– Таких уродин в базарный день пучками продают.

На обшарпанном перроне своей станции я очутилась все равно одна, протащила велосипед по бетонным ступеням, освещенным таким же одиноким, как я, фонарем. Хотелось быстрее домой, в душ и под одеяло. Пискнул таймер. Кажется, я пропустила сегодня несколько приемов таблеток. А, плевать. Перед смертью не надышишься. Перед смертью можно постараться доделать начатое. Это как раз важно. И значит, что даже на инопланетян я отвлекаться не буду. Пусть где-то в апартаментах и офисах «Пирамиды» проворачивают свои делишки странные охотники, моргает страшным глазом «организм в процессе регенерации», меняет костюмы рой, объедается шоколадом хамоватый Рашук. Меня все это не касается.

Я ехала по грунтовке, врубив передний фонарь. Дорога была знакомой до мелочей, но осторожность на случай, если днем кто-нибудь что-нибудь на ней оставил, была нелишней. Я огибала кусты шиповника, когда свет выхватил из темноты скрюченную человеческую фигуру. «Труп!» – первая страшная мысль заставила меня изо всех сил сжать рычажки тормоза. Фонарь потух, он работал только при движении. Я оставила велосипед и спустилась в неглубокий овраг. Как только глаза привыкли к отсутствию света, выяснилось, что луна нынче яркая. В смятой траве лежал дядя Витя, инопланетный рой, костюм его валялся рядом, а сам сумрачный гений был одет в майку-алкоголичку и сатиновые трусы. Такие еще носят?

Я опустила на колени, прижала пальцы к его шее, пытаюсь нащупать пульс. Сердцебиение было, а также был жар, градусов сорок, дядю Витю лихорадило. Я чертыхнулась, полезла в рюкзачок, достала мобильный. Надо вызывать «Скорую».

– Уберите устройство, барышня, – простонал рой, – очень вас прошу.

– Я могу чем-то помочь?

– Сущности, здесь сущности, – он всхлипнул, как девчонка, а я испуганно заозиралась, ожидая, что сейчас на меня из темноты гурьбой бросятся загадочные сущности. Бросился одинокий комар, я прихлопнула его ладонью.

– Насекомые, – грустно сказал дядя Витя. – Это очень плохо, они мешают трансформации.

Телефон, который я не успела спрятать, ожил мелодией ксилофона. Номер не определился.

– Слушаю!

– Тая-Таечка-Таисия, – проговорил мне в ухо Ра-Шу-и-Ки, – нехорошо маленьких обманывать.

– Я занята...

Черт! Рашук – единственный, наверное, кто может сейчас помочь. А мне раскрываться нельзя. Ведь если скажу, что я здесь с членом его экипажа, тем самым признаюсь, что память моя при мне. А если дядя Витя умрет? Виновата буду я. И дело даже не в неказании помощи пострадавшему, а просто в человеческом милосердии. Что важнее, моя месть или чужая жизнь? Моя или чужая?

– Послушай, – проговорила я в трубку, подленько надеясь, что Рашук уже отключился, лишив меня сложного выбора.

– Да?

– Твоему штурману очень плохо, он... Насекомые, говорит, мешают. И лихорадка...

– Где вы находитесь? – быстро перебил он. – Нет, некогда в географии разбираться. Там рядом трасса есть какая-то?

– Километрах в двух, – я взглянула на подсвеченную вдали автомобильную магистраль, – но от нее дорога только через поля.

– Мобильный не отключай, – велел мальчишка, – скоро буду.

Я положила включенный телефон на землю и села рядом с дядей Витей. Он бредил, то выдавая тайны мумифицирования, то перечисляя египетских богов. Неплохо их команда к внедрению подготовилась. Роя коржило, мышцы или что там у него под кожей, сводило судорогами.

Рашука я заметила издали. Он несся через заросли кормовой кукурузы, как ледокол через Баренцево море. Скорость передвижения была невероятной. Я взглянула на часы. Двадцать минут. Если бы я могла за такое время до «Пирамиды» добираться!

– Как он? – Рашук снял со спины брезентовый чехол, в каких обычно рыбаки носят удочки, и согнулся, оперев руки в колени.

– Без изменений, – отрапортовала я.

– В карманах у него поройся, там зажигалка должна быть.

Решив, что в трусах, даже сатиновых и даже с веселеньким принтом, карманов не бывает, я перетряхнула серый костюм. Зажигалка обнаружилась в пиджаке.

Пока я аккуратно складывала одежду, парень расстегнул чехол, извлек из него десяток деревянных шестов с насаженными на них дымовыми шашками.

– Пришлось таксиста еще в супермаркет ночной гонять, – пояснил Рашук, последовательно чиркая колесиком зажигалки и втыкая шесты в землю. – Это инсектицид, надо от роя ваших насекомых отогнать.

Дым пах хвойным ароматизатором, не противно, но и вдыхать лишний раз его не хотелось. Так вот, значит, почему дядя Витя курил не переставая. Он от гнуса спасался!

Рашук присел, бросил зажигалку поверх одежной стопки:

– Держись, дружище. Наш господин и повелитель приказывает немедленно заняться кораблем. Ты знаешь, что нужно делать, рой?

– Так точно, – дядя Витя даже открыл глаза. – Вторая готовность.

– Пошли, Таисия, – скомандовал мальчишка, открывая маленькую жестяную коробочку и высыпая на землю каких-то букашек.

– Куда? – Я решила, что именно с помощью этих букашек мальчишка освещал вентиляцию, а затем проделывал в ней дыру.

– К тебе, наверное. Я сейчас в этой тьмутаракани никакого транспорта не найду, а пешком до «Пирамиды» топать неохота.

– Мы его просто так оставим?

– А чего над ним стоять? Дымовушек часов на семь хватить должно, а там – рассвет.

– Не сомневайтесь, барышня, – простонал с земли рой. – Мне сейчас полное одиночество показано. И благодарю вас, спасли вы дядю Витю.

– Давай-давай, шевелись. У тебя завтра, между прочим, рабочий день, – торопил Рашук.

Он пошел вперед, выбираясь из оврага, шикарно сбил подножку велосипеда, шикарно на него вскочил и слегка сконфуженно слез.

– Ноги у тебя, Таисия, нечеловеческой длины, мне сиденье высоковатое. Я хмыкнула, решив считать сказанное комплиментом.

До дома мы доехали без приключений. Рашук спокойно сидел на раме, я, пыхтя, крутила педали.

– Неплохая избушка, – одобрил мое жилище мальчишка, – пожевать чего-нибудь будет?

– А не лопнешь?

– Я растущий организм. – Рашук с порога отправился на кухню к холодильнику. – Метаболизм у меня – закачаешься.

Пока он хозяйничал, я отправилась в ванную. Завтра с утра нужно позвонить моим покупателям, договориться о встрече.

Браслеты отправились на стеклянную полку над умывальником, одежда – в стиральную машину, пластырь – в мусорную корзину.

Я открыла кран, закрыла сток ванны. Сегодня я заслужила больше, чем просто душ. Только с рукой надо поосторожнее, ожоги горячей воды не любят.

Стоп! Я посмотрела на пальцы, еще немного липкие от пластыря. Никаких волдырей на них не было. Я потерла руку о колено. Что за ерунда? Здесь, сантиметрах в двух над коленной чашечкой, у меня был шрам. Теперь его нет. Совсем.

Глубоко дыша, я протерла зеркало, включила все находящиеся в ванной комнате лампы и уставилась на свое отражение. Все шрамы исчезли, и даже на груди, тот, который оставался после операции на сердце.

– Любуешься? – когда Рашук успел распахнуть настежь дверь, я не заметила.

Взвизгнув, я прикрылась полотенцем.

– Это браслеты, – сказал мальчишка. – Хиона их всегда после заварушек надевала, чтобы кожный покров восстановить.

Еще и какую-то Хиону мое помутившееся сознание воспринимать не

желало. Я заорала что-то о праве на личное пространство, вытолкала Рашука за дверь, заперла ее и, всхлипывая от переполнявших чувств, погрузилась в ванну.

– Как наплещешься, приходи на кухню, – прокричал снаружи мой гость. – Нам нужно серьезно поговорить.

Потом. Все потом. Рашук утопал по коридору. Я прикрыла глаза, провела руками по груди, животу, гладкой коже бедер. Невероятные, сказочные ощущения. Ай да браслетики! Девочки мои милые. То-то мне доктор Шторм говорил, что шрамы хорошо выглядят, они, видимо, уже тогда пропадать начали. На бортике стояла баночка с ароматическим маслом, я налила его на ладони, медленными массажными движениями втерла во все тело, от шеи до кончиков пальцев ног. В какой-то момент мне захотелось, чтобы меня ласкали не мои руки, а мужские, смуглые, с длинными пальцами. А-ах!

Стоп, Таисия, не в твоём стиле пубертатным шалостям предаваться. Мне стало стыдно.

Быстро закончив купание, я надела домашний халатик и браслеты.

– Прощу, – Рашук сервировал кухонный стол, а точнее, вывалил на него все, что нашел в холодильнике и шкафчиках, и три банки меда.

Мне захотелось есть, несмотря на обильный ужин в «Трёх с половиной поросятах», и чаю тоже захотелось. Кстати, чай мне пришлось заваривать самой, потому что «хранитель врат» в такую ерунду, как нажатие кнопки электрочайника, вникать не пожелал.

– Я смотрю, ты мед любишь.

– Угу, – я облизала ложку и потянулась за добавкой. – У меня время было, когда организм ничего кроме меда не принимал. А мед калорийный и полезный очень.

Рука неловко дернулась, липкая струйка потекла по ладони к запястью, я хотела ее слизнуть.

– Замри! – страшно закричал Рашук.

Горло сдавила паника.

– Мать живого! – мальчик говорил уже потише. – Ты кормишь браслеты медом?

Я посмотрела на запястье – чистое, сухое, без липкого потека.

Браслеты живые? Они питаются? Ну, раз мой мед пропадает загадочным образом... У меня же вчера ночью целая банка, так сказать, аннигилировалась, а браслеты на доньшке нашлись...

– Браслеты очень любят мед. Почему? Кто поймет? – пропела я на мотив песенки Винни-Пуха и искренне, от всей души рассмеялась. – Ты не

знал? Ра-Шу-и-Ки, ты ничегошеньки не знал! Я вляпалась в мед в лифте как раз перед тем, как лицезреть твоего капитана-мумию. Браслеты были у него, правда? Ты надел их на капитана, чтобы ускорить регенерацию. Они устали, они проголодались, им было одиноко... девочки мои!

Я поцеловала сначала левый, потом правый.

– Сумасшедшая землянка приманила браслеты на мед, – потрясенно прошептал мальчишка и тоже заржал. – Поэтому они и оставлять тебя не хотят, владелицу медового клондайка. То-то мне исходники в руки не дались.

– А когда ты понял, что я вернула тебе не настоящие?

– Достаточно поздно. А как... – он резко перестал смеяться. – Ты поставила блок, когда я тебя ментально продавливал. Как?

– Ты про гипноз? – Я напропалую кокетничала, хотелось танцевать. – Я опустила руку в кипяток, чтоб отвлечься болевым шоком.

– ...

Слово, которое произнес Ра-Шу-и-Ки, чтоб выразить свое невероятное удивление и безмерное восхищение моими способностями, двенадцатилетним мальчишкам, а уж тем более многомудрым инопланетным инженерам связи знать не полагалось.

– Что они такое? – я воздела руки. – Кто такая Хиона, которая владела ими до меня? Я же владею? Рашук, я ими владею? Ну, пожалуйста. Это ненадолго, только...

Тут я вспомнила, что чудесная регенерация на сердце не распространяется и немножко погрузтелла.

– Что-то вроде защитного скафандра, – ответил мальчик, не заметив перемены моего настроения. – В активном режиме они самовоспроизводятся делением, формируя полный доспех. Обычно их заряжают от специальных батарей. Хиона, по крайней мере, заряжала их именно так. Она происходила из рода стальных змеек, это что-то вроде касты наемных убийц, браслеты – их технологии, змеек.

– Хиона была членом вашего экипажа?

– Капитаном.

– А кем тогда была мумия?

– Младенцем, – сплюнул Рашук. – Золотым мальчиком с серебряной ложкой во рту, ни черта не соображающим в деле, которым занимается. И теперь мы, лучший экипаж системы, отданы этому... этому...

– Забавно, – подключилась я, чтобы избежать очередного матерного оборота. – Ты – взрослый специалист, а выглядишь как ребенок, а твой капитан – молодой человек, который выглядит как полуразложившийся

труп. Вы принадлежите к разным расам?

– К разным, – согласился Рашук, почему-то хитро блеснув глазами. – У меня способности к трансформации есть. Хочешь, в прекрасного принца по-быстренькому трансформируюсь?

– Только попробуй! – пригрозила я. – Сразу же на улицу отправлю. Мне тут только межгалактической оргии недостает.

Он посмотрел на меня серьезными влажными глазами:

– Ты забавная, Таисия. Я должен тебе уже два желания. Одно, обещание о котором ты должна была забыть, но не забыла, а второе – за то, что спасла нашего роя. Ты его действительно спасла. Я его жалобы на местных насекомых никогда серьезно не воспринимал, а сам он помочь себе не мог. Так что если бы не ты, я потерял бы товарища и бортовой компьютер.

Неожиданная доброта обычно хамоватого мальчишки меня встревожила.

– Эта подводка к чему?

– Я научу тебя мести, дитя, – как-то устало и очень взросло сказал Рашук. – Я сделаю тебя смертоносной змейкой.

Доктор Шторм

Дмитрий остался ночевать на работе. Офис был для этого приспособлен. Семейная жизнь не заладилась с самого начала, и он был рад, что можно как-то дистанцироваться от бесконечного нытья и упреков благоверной. Браки по расчету – самые крепкие, говорите? Чушь! Нет, что греха таить, тесть, послуживший главным побудительным мотивом в предложении руки и сердца капризной Илоне, обещания свои держал. Димочке поспособствовали с учебой, протолкнули на последнем курсе института в перспективную терапевтическую группу. Терапевтическую, черт! А он мечтал быть психиатром уровня Фрейда или хотя бы Брейера. Он хотел сказать новое слово в науке, а теперь приходится пальпировать вялые тела пациентов, которые могут себе позволить услуги частного врача.

Шторм запер изнутри дверь, выкатил из-за стенной панели раскладную постель, включил телевизор и налил из бара. Хороший виски, и тут тесть не оставляет своими заботами. На экране бубнил диктор местных новостей.

Тесть у него добротный, а вот жена... Тепличный цветочек, со

временем превратившийся в ядовитую росянку. «Ты никто и звать тебя никак, Димочка, – кривила она жирно накрашенные губы. – Тебя из жалости в семью взяли, отработывай!»

Фу, гадость. Заболела бы она, что ли? Чем-нибудь неизлечимым и недолго протекающим. Вот, например, как Таисия Вереск. Жалко девчонку, а вот Илону он бы не пожалел.

Дмитрий налил еще. Таечка. Милая такая, хрупкая, полупрозрачная, но это от болезни, с аутоиммункой не шутят. А уж какая отзывчивая: он тихонько ее прощупал в первый же визит, в транс она уходила секунд за двадцать. Шторм действительно учился гипнозу и любил применять знания и умения практически, особенно на пациентках. Это давало ни с чем не сравнимое чувство абсолютной власти и на время утихомиривало бушующий в нем голод. К Илоне прикоснуться не хотелось даже в перчатках – жирная тварь! – а к милой сладкой малышке, беззащитной, слабенькой, которая ничего не будет помнить... М-м-м... Он помнить любил. Поэтому в кабинетном сейфе у него хранится стопочка особенных дисков, он все собирался перенести видео – и аудиофайлы на другой носитель, более компактный. «Проказами молодого человека в самом расцвете сил» называл он свою коллекцию.

Шторм опять потянулся к стакану. Жаль, с Таечкой ничего эдакого делать было нельзя, она была девицей, и следы мужских шалостей обнаружила бы очень быстро. С Таечкой он общался, как будто играя в конфетно-цветочный период ухаживаний. Тень близкой смерти на ее остроскулом личике будила в докторе Шторме непривычную нежность.

Он отвлекся на громкую перебивку новостей, взглянул на экран.

– Почетный гражданин нашего города Аристарх Евгеньевич Баринов чудом избежал смерти.

Баринов? Знакомая фамилия. Дмитрий сделал звук погромче.

– Позавчера в торговом центре «Пирамида» было совершено дерзкое разбойное покушение на известного филантропа и мецената...

Шторм громко рассмеялся и отсалютовал себе бокалом. Уж он-то знает, кто это у нас такой дерзкий, такой разбойный! Он знает, только он. Да если бы все, что ему удавалось вытянуть из пациенток во время сеансов гипноза, можно было монетизировать, он стал бы богаче тестя. Он послал бы Илонку ко всем чертям и уехал, куда глаза глядят, к океану, на острова, туда, где нет жирных теток с именем Илона и их оборотистых папаш – помощников губернатора.

И тут его осенило. Информацию действительно можно продать Баринову. Таечке Вереск, конечно, не поздоровится, но она и так не жилец,

неделей раньше, неделей позже – особой роли не играет.

Шторм подошел к сейфу. Сегодня он ничего делать не будет, задуманное требует свежей головы. Просто позвонить и сказать: «Я знаю, кто хочет вас убить, дайте денег»? Так дела не делаются. Ему нужно сохранить инкогнито на случай, если тесть что-то проведает, значит, необходим свеженький банковский счет за границей. Затем – разузнать личный адрес Барина, самый приватный, чтобы его сообщение, минуя службу охраны, секретарей и прочие кордоны, попало напрямую к адресату. Затем...

Он достал из бара бутылку виски и стал пить прямо из горлышка.

Таусия

Засыпала я с трудом. перевозбуждение, Рашук, похрапывающий за стенкой, непривычно плотный двойной ужин заставляли ворочаться с боку на бок, сминать под головой подушку, сбрасывать и снова натягивать на себя одеяло.

Ведь прекрасно я в последнее время спала, проваливалась в черноту без сновидений, только коснувшись щекой льняной наволочки. А вчера так вообще красота: шаровая молния, глаза, очнулась только утром. Глаза, скорее всего, были мужские, в их выражении угадывалось нечто властное, вызывающее сладкую истому.

Я зажмурилась, вызывая в памяти вчерашнее видение. Точно мужские, и ресницы у них были угольно-черные, густые, отчего контур выглядел будто подведенным.

– Улягусь я на ложе и притворюсь больным... – низкий голос пророкотал в душной темноте спальни.

– Ты больна? Или притворяешься?

– Первый час уже, – я отвечала рассудительно, ибо только трезвое сознание способно справиться с галлюцинацией, – пора спать.

– Ты спишь одна?

– А ты – генератор случайных вопросов?

Он негромко рассмеялся, отчего меня моментально бросило в жар.

– Красивые стихи. Твои?

– Древнеегипетские.

– Зачем ты их мне читала?

– К случаю пришлось.

Я уже поняла, что переживаю продолжение вчерашних глюков, и

увлеченно зыркала по сторонам в поисках черных мужских глаз, но их нигде не обнаруживалось. Шевельнулась штора на приоткрытом окне, прохладный сквознячок приятно охладил лоб и щеки. Какой еще сквозняк? Дверь комнаты закрыта на два оборота ключа. Порыв ветра сдернул с меня одеяло, забрался под трикотажную ткань футболки. Хорошо... Спина непроизвольно изогнулась, волосы рассыпались по плечам. А-ах!

Воздух уплотнился, я ощущала уже не ветер, а прикосновения, медленные, ритмичные, дарящие удовольствие. Я протянула руку, пальцы встретили преграду и заискрились крошечными электрическими разрядами.

– Это ментальное воздействие?

– Что?

Я чувствовала ладонью биение чужого сердца.

– Мне кажется, я знаю, кто ты такой.

Он остановился с легким вздохом:

– Скажи...

Говорить или нет? Чем мне грозят лишние знания? В принципе ничем.

– Капитан Рашука, организм в процессе регенерации. И думаю, что сейчас ты лежишь в своем саркофаге, а некая астральная проекция... Есть такой термин?

Звуки негромкого горлового смеха:

– Ты знаешь много забавных слов, Таисия.

– Но не знаю твоего имени. Как к тебе обращаться?

– Как насчет «дорогой» или «желанный»?

Прохладные ладони накрыли мои груди.

– Или надоедливый? – я оттолкнула проекцию. – В вашей галактике приняты ментальные изнасилования?

– Мне показалось, ты не была против?

Честно говоря, он был не так уж и не прав.

– Ты уже здоров? Сможешь принять командование экипажем?

Вопрос был не праздным. Рашук пообещал помочь, научить меня мстить. Боюсь, что, когда его начальство оставит свой саркофаг, с планами болезненного убийства господина Барина мне придется распрощаться. Не до меня будет бравым инопланетным охотникам. Они арестуют своего сердцеда и отчалят в звездные дали. А в моих интересах, чтобы инопланетный лидер «болел» как можно дольше, ну хотя бы ближайшие две недели. Интересно, успею ли я отомстить за четырнадцать дней?

– Нет.

– Что? – Я уже забыла, о чем его спрашивала, увлеченная своими

мыслями. И томная слабость растворилась под их напором.

Чем я здесь вообще занимаюсь? Чем это лучше одиноких шалостей в ванной? Да ничем!

– Я все еще прикован к ложу, но как только смогу его покинуть... примерно через пятнадцать ваших земных суток, накажу пилота за разговорчивость.

Значит, зря я была откровенна, надо было язык за зубами держать. Теперь Рашук от моего легкомыслия пострадает.

– Как ты меня нашел?

Движения невидимых рук возобновились, мне нужно было отвлечься, пока окончательно не потеряла голову.

– Ты меня разбудила, – шепот в ухо, от которого сладко ухнуло в груди. – Я запомнил твою ауру.

– Значит, с Рашуком или с роем ты можешь связаться таким же образом?

– Нет, – это прозвучало невнятно, как будто его рот был чем-то занят, например, поцелуем, например, моей груди.

– Почему?

– Потому что я мужчина... А ты...

Что-то произошло. Он будто исчезал.

– Жаль, дорогая, мне придется оставить тебя без сладкого, – в голосе появились деловые нотки. – Скажи господину Ра-Шу-и-Ки, что если завтра он не явится ко мне с докладом, я разжалую его в корабельные золотари.

И все. Он пропал. Даже не поцеловав в щечку на прощание.

«Все мужики козлы, – думала я, обнимая подушку, – даже инопланетные мумии. Да что он там себе вообразил? Да от него любая барышня в ужасе сбежит, если увидит. А кстати, любопытно, если бы наша встреча сейчас произошла в реале, я бы убежала?»

Сон накрыл меня неожиданно, глубокий, без сновидений.

Наг

В спальне кто-то был, пришлось выныривать из приятнейшего транса. Он отправился к Таисии с вполне определенной целью – забрать браслеты, он даже пару раз успел прощупать застёжки перед тем, как планы изменились. Она была такой готовой, такой податливой, что дайгон не смог устоять. Астральная проекция? Неплохое название, вполне отражающее суть его способности, доставшейся ему от многих поколений предков. Он

действительно мог отделиться от тела и найти женщину по ауре. Именно женщину, движимый видовым инстинктом поиска пары. Видимо, инстинкт и толкнул его в девичью постель, пахшую медом и свежестью.

– Включи свет! – громко сказал он фигуре, стоящей у двери.

Щелкнул выключатель. Под потолком вспыхнули лампы. Лерочка Козлова кокетливо улыбнулась:

– Ты меня ждал?

Он посмотрел на нее равнодушно. Несколько минут назад у него почти была женщина, несколько не похожая на эту, но во много раз более желанная. А эта... Эту ему не хотелось. Абсолютно.

– Конечно, ждал, дорогая. Надеюсь, что ты найдешь возможность проскользнуть в мою спальню.

– Тогда... – она резко приблизилась, протянула к нему руки.

– Сначала нам надо кое-что обсудить. – Наг усадил девушку на постель.

Таусия

Утро, петух, солнце, смятая постель. Кто-то вчера немножечко пошалил. Я с отвращением отбросила одеяло. Пискнул таймер наручных часов, оставленных на тумбочке. Рука автоматически потянулась за блистером.

– Это что? – Ращук стоял на пороге с подносом. Из толстостенных обливных кружек валил пар. – Кофе.

– Это таблетки. А кофе я не употребляю.

– Самое время начинать. – Ращук поставил поднос на тумбочку, выхватил у меня из рук блистер, прочел название, уселся на краешек постели. – Так-так, интересненько.

Мальчишка достал из кармана пижамы – пижаму выдала я, потому что он собирался ночевать голышом – коммуникатор, пробормотал в микрофон прочитанное на фольге название и углубился в интернет-серфинг.

– Неизлечимо? – спросил он, когда я, поморщившись, сделала первый глоток.

На вкус, кстати, было неплохо, тем более что гость мой не забыл подсластить напиток медом.

– Да, я скоро умру.

– Скорби в голосе не слышу.

– Ее нет, – я пожалала плечами, – есть смирение и желание отомстить.

Так ты мне поможешь?

– Времени у тебя сколько осталось?

– Две недели.

– Немного, – он поднялся с постели, блистер отправился в мусорную корзину, стоящую под письменным столом. – Но я такие задачки люблю, меня они стимулируют. Во-первых, таблетки эти ты пить прекращаешь.

Я кивнула, не уточняя, что бросила их пить еще вчера.

– Во-вторых, ты увольняешься с работы. Терять восемь часов в день, не считая дороги, мы себе позволить не можем.

– Но я же туда устроилась только для того, чтобы поближе к Баринову быть...

– Глупая идея, – строго проговорил Рашук, – и расточительная. Давай показывай.

– Что?

– У тебя точно есть какое-то помещение, где ты покушения планировала. Ну, в ваших фильмах такое показывать очень любят. Подвал, одна из стен обклеенная вырезками из старых газет, фотографии предполагаемой жертвы. Веди, дитя мое.

Я покраснела, выскользнула из-под одеяла и накинула на плечи халатик.

Крышка подпола открылась без скрипа: хорошо смазанные петли и частое использование. Мы спустились по лестнке, я дернула за шнур выключателя.

– Точь-в-точь как в кино! – хлопнул в ладоши Рашук.

– Покушений было три, – я указала на висящую на стене таблицу.

– Я знаю. Отказ тормозов на серпантине, выстрел на яхте, выстрел на вечеринке в «Пирамиде».

– Откуда?

– Я же не сплю, – серьезно ответил он. – Поэтому ночное время посвятил поискам информации. Оружие куда спрятала?

– В трансформаторную будку. Но его уже полиция обнаружила.

– Плохая работа.

Я пожала плечами.

– Через него на тебя выйти смогут?

– Нет. Оно – наследие лихих девяностых, мне от отца досталось.

Погодите. Если он по ночам не спит, значит, он вчера все слышал? И стоны мои тоже?

– Кстати, твой капитан приветы тебе передает, – сказала я осторожно, надеясь, что в полутьме подпола моих красных щек не заметно. – Сказал,

чтобы ты к нему с докладом явился.

– Так это ты с ним вчера, – Рашук расхохотался. – Дайгон настиг добычу? Ха-ха-ха! Вот умора!

– Он сказал, что, если не доложишься, будешь главным по сортирам. Это немножко понизило градус веселья.

– Жаль, что я не женщина, – глядишь, и не нужно было бы к нему ходить. Ну ладно, явлюсь, доложусь. Тебе все равно в «Пирамиду» надо, уволиться, вот я за компанию с тобой поеду.

– А когда ты будешь меня учить?

– В процессе. Вызови такси.

– И не подумаю. О Викторе ты забыл? Нам его проведать нужно, автомобиль по тем дорогам не проедет.

– Жалостливая земная женщина, – буркнул мальчишка. – Самой ласты склеивать скоро, а она о рое заботится. Хоть завтрак мне сделай!

Я накормила его омлетом. Пока Рашук жевал, сделала один телефонный звонок – я позвонила своим вчерашним визитерам, сообщила, что готова подписать все, что нужно.

– Скажи, что хочешь личную встречу с покупателем, – шепнул Рашук, искоса заглянувший в документы купли-продажи. – Сегодня, после обеда, ближе к пяти.

Я послушно повторила сказанное в трубку.

– Зачем? – спросила я мальчишку, отключившись.

– Потому что мне знакомо это имя. У меня кое-какая идея появилась.

– А как зовут вашего капитана?

Он качнул головой:

– Понимаешь, Таисия, в нашей культуре имя имеет почти сакральное значение, его нужно говорить самому или не говорить. А почему тебя вдруг наша мумия заинтересовала?

– Я боюсь, что он запретит тебе со мной возиться.

– С чего бы это? Нашему делу это не помешает, а уж как я развлекаюсь в свободное от работы время, его волнует мало. Разве что он сам решится поспособствовать. Инстинкт дайгона – вещь мощная, может, он решит так свой интерес проявить.

– Что за инстинкт?

– Размножения, – непонятно объяснил Рашук и отставил тарелку. – Пошли, Таисия, время не ждет.

Пока мы ехали по грунтовке, он, сидя на раме велосипеда, с серьезным видом вещал:

– Самое главное для тебя – это не цепляться за свою ненависть. То есть

ненавидеть Барина – это правильно, это дает тебе силы двигаться дальше. Но вот представь себе, что ты уже отомстила, стоишь над поверженным трупом врага. Дальше что?

– Мое сердце перестает биться и я падаю сверху?

– Да, – он даже прищелкнул языком от удовольствия. – Это очень красиво, такого нарочно не придумает. Очень изящный поворот. Но за те пару минут, пока твое сердце еще бьется, что ты чувствуешь?

– Пустоту, – сказала я потерянно. – Не удовольствие, а именно пустоту и нежелание жить дальше. Цель достигнута, значит, исчезла.

– Воо-от! – Он ахнул на крутом вираже, когда мы съезжали на утоптанную тропинку. – А должна испытывать удовлетворение, как после хорошего секса, такое, чтобы хотелось еще раз вызвать в памяти сам процесс, а не результат. Поэтому месть на расстоянии: выстрел или подстроенная авария – это не изящно.

– Я хочу, чтобы он умер.

– А должна хотеть, чтобы он перед смертью страдал, лишенный всего, что ему дорого, – денег, друзей, здоровья, будущего.

Я представила Барина грязным привокзальным попрошайкой. Видение мне понравилось.

– Как это сделать?

– Ну уж не в бухгалтерии ягодицами стул полировать. Надо войти в его ближний круг. Лучше всего – в качестве любовницы.

– Ты его девушек видел? Я вообще из низшей категории, Барин на меня второй раз не взглянет.

– На стальных змеек смотрят все, даже незрячие, – смуглые пальцы с обкусанными ногтями легли мне на запястья. – Змейки умеют вибрировать так, что любое существо в штанах стремиться из них запрыгнуть. Вибрация, и феромоны, и яд!

– Про яд я не поняла.

– У вас тоже есть легенды про дев, чей поцелуй смертелен. Тут, конечно, речь идет не совсем о поцелуях, а скорее – не только о них. Змейка ядовита по умолчанию, любой, кто проведет с ней ночь, – покойник.

А ведь это было здорово. Ну, то есть было бы здорово, наверное, особенно если было бы возможно.

– Ядовитость мне обеспечат браслеты?

– Они ее тебе уже обеспечили, как и нужные вибрации. Ты разве не заметила повышение интереса со стороны противоположного пола? Стой! Дура! Мы же разобьемся!

Я стащила Рашука с велосипеда, схватила за отвороты халата и

энергично встряхнула:

– Твои драные браслеты превратили меня в самку богомола?

– Не мои, а твои, – пискнул пацан. – Пусти, больно же! А чего ты их на себя напялила и таскала сутками, не снимая? Тебя не учили, что чужие украшения носить опасно?

Я опустила руки:

– Я же не знала.

– Им это скажи, – Рашук отряхивал грудь, будто я могла как-то испачкать его засаленное одеяние. – Они тебя выбрали. Все. Они же тоже не знали, что ты просто так их медом кормишь. Они тебе доверились, между прочим, преподнесли бесценный дар. Ты думаешь, змеек в обитаемых мирах много осталось? Считанные единицы. Гордись, Таисия. И стыдись! Нельзя маленьких обижать!

– Прости...

Я подняла с земли велосипед, села на него и кивнула мальчишке, приглашая занять раму:

– Это действительно дар, я зря на тебя наорала.

Браслеты на запястьях, будто понимая, о чем я говорю, потеплели. И вам спасибо, девочки. Я отомщу Барину самым страшным образом. Я буду смотреть, как его покидает жизнь, и в душе моей поселится покой.

Дяди Вити в канаве не было, впрочем, как и его одежды. Там был муравейник – огромный, метра полтора высотой курган со злющими жнецами, угрожающе наставившими на нас усики-антеннки.

– Я же говорил, на рассвете он сам со всем разобрался, – сказал Рашук, доставая из кармана шоколадный батончик. – Жрите, пока дядя Рашук добрый.

Обертку он положил обратно, а батончик бросил в копошащихся муравьев.

– Это дядя Витя устроил?

– Он, иначе бы они за несколько часов такую громадину не сложили, – мальчишка вытер руку о халат. – Рой оставил мне сообщение. Теперь я должен угадать, в кого он трансформировался. Это наше с ним дружеское развлечение.

– Ты его всегда называешь рой, у него имени нет?

– Таисия, – сказал Рашук. – Запомни, наконец, мы не бросаемся именами, тем более чужими.

В электричке инопланетный организм вел себя как ребенок. Этот вид транспорта был ему в новинку, и Рашук не скрывал своего удовольствия. Он пялился в окна, дергал рычажки оконных рам, попытался дернуть стоп-

кран, но был остановлен каким-то бдительным пассажиром, потом подсел к группке поющих под гитару студентов и общался с ними до самого города. У привокзальной площади он сказал, что молодому растущему организму требуется нормальный завтрак, а до «Пирамиды» он и на такси доберется, и отправился в «Три с половиной поросенка».

– Дома увидимся, я теперь у тебя жить буду.

Я поехала на работу. У меня так у меня.

В офисе бухгалтерии никого еще не было. Я набрала на компьютере заявление на увольнение, распечатала его, добыла в кофе-автомате картонный стаканчик эспрессо и присидела за своим столом, потягивая напиток, пока не явился начальник.

Разговор получился неприятным. Меня не желали отпускать. Меня нечем было заменить, работа остановилась, и именно такие легкомысленные особы, как я, были тому виной. Пришлось с серьезным лицом сообщить начальству, что копировальная комната на нашем этаже оборудована камерами, а белье нашего главного бухгалтера Маргариты Александровны из прошлогоднего каталога «Виктория Сикрет». Это был сильный ход. Начальство, пораженное в самое сердце то ли наличием камер, то ли тем, что его возлюбленная отоваривается в столь солидном магазине, подписало мое заявление в мгновение ока. Поэтому через десять минут после начала рабочего дня я опять оказалась на стоянке, но теперь в качестве безработной. Заняться было решительно нечем.

У дверей служебного хода курили офисные барышни. Я поздоровалась.

– Ты слышала, Таисия? – звонко спросила одна из них, выпуская розовыми губками колечко дыма. – Завтра Барин Баринов вечеринку закатывает.

Я кивнула.

– Хорошо вам повеселиться.

– Из наших только главбуха пригласили, – вторая барышня говорила зло.

«А ведь я даже не помню, как кого из них зовут», – пришла запоздалая мысль.

Я выразила сочувствие. Девушки, докурив, побежали на работу. Я побрела в сторону реки. Топографию всех этих территорий я знала как свои пять пальцев. В подполе дома у меня была подробнейшая карта местности с моими пометками. Я знала, как наикратчайшим путем покинуть площадки торгового центра, знала все чуланы, каморки, трансформаторные будки, вытяжные трубы, торчащие из-под земли и забранные

металлической сеткой в целях безопасности.

Я взобралась на холм, бросила на траву рюкзак и села, скрестив ноги. Погода была прекрасной. Расстегнув жакет, я прикрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам.

Значит, работников на этот праздник не приглашают? И хорошо, что я уже уволилась, все равно шансов пробраться к Баринову у меня не было. На VIP-сборище я проникла под видом obsługi. Дресс-код официантов включал балахон и маску. Заказать для них пошив этой одежды поручили мне. Я заказала на два комплекта больше, на два, а не на один потому, что за такое количество полагалась скидка. Короткое ружье прекрасно пряталось под балахоном, закрепленное кожаными ремнями. Я тогда была уверена, что выстрел будет удачным и что бог троицу любит.

Ну и что бы сейчас было, получишь у меня тогда? Пустота.

– Грустишь? – знакомый шепот, знакомое прикосновение ветра.

– Немножко. – мои губы растянулись в улыбке. – Я думала, ты только ночью можешь к девушкам приставать.

– Ты ошибалась...

Невидимые ладони погладили мои плечи, сместились по груди на живот.

– Между прочим, я в людном месте, – пробормотала я.

– В безлюдном.

– Ты меня видишь?

Он гортанно рассмеялся, пуговицы моей блузки одна за другой выскальзывали из петель.

Может, это последняя радость, которая у меня осталась? Пусть он не человек, а ужасное чудовище, пусть близость наша не на самом деле. У меня уже не будет ничего настоящего. И дело даже не в мести и не в четырнадцати, даже уже тринадцати днях, которые у меня остались. А в том, что для любого реального мужчины я стану смертельным ядом, значит, получить реального мужчину я не смогу.

Поцелуй в изгиб шеи, от которых по позвоночнику опускается горячая волна.

Хотя у меня будет мужчина. Первый и последний. У меня будет Аристарх Евгеньевич Баринов.

– Ты сейчас думаешь не обо мне.

Он говорил не с обидой, просто констатируя факт.

– Ревнуешь? – какое жалкое кокетство. – Как тебя зовут? Рашук сказал, что имя ты должен назвать мне сам.

– Так в твоих мыслях Ра-Шу-и-Ки?

Вот ведь упрямое существо! С него станется Рашука к сортирам отправить.

– А о чем, по – твоему, должна думать женщина в твоих астральных объятиях? Как не получить двести двадцать вольт вместо любви?

Тут у меня в рюкзаке зазвонил мобильный.

– Прости, это срочно.

Он не ответил, или не счел нужным, или обиделся. Кто же их, эти астральные проекции, разберет. Просто я моментально перестала ощущать его присутствие.

«Ну и пошел к черту!» – подумала я зло и нажала иконку приема.

Наг

Сегодня он чувствовал девушку даже лучше, чем вчера, для этого ему даже не нужно было полностью покинуть свое тело. Он ощущал ее близость, казалось, всей кожей. Близость? Дайгон вышел на террасу, с вершины «Пирамиды» люди казались почти неразличимыми, но Наг уверенно выбрал одну из фигурок, зацепился за нее взглядом и уже не отпускал. Она брела куда-то в сторону по одной из дорожек, переплетение которых сверху казалось лабиринтом, прошла по изумрудному газону, затем, поднявшись на холм, села, расстегнула свое темное одеяние. Нагу было видно белоснежную сорочку. Одинокая девочка, несчастная, потерянная. Дайгон не был сентиментален, никогда до этого момента его не интересовало, что чувствует женщина в то время, когда она не делит с ним постель. До этого момента... Он ухватился за поручни ограждения, прикрыл глаза и, выскользнув из своего тела, устремился к цели.

– Грустишь?

Она была мягкой и пахла медом, в астральном теле запахи ощущались необычайно остро. Медовая девочка. Браслеты были на ней, неактивные, сонные, погруженные в ожидание, но готовые отразить любую опасность, угрожающую хозяйке. Хозяйке? Уже?

Наг поцеловал ее в ямку у шеи, потерся носом о щеку. Мало. Ему нужен настоящий физический контакт. Сейчас ему необходима именно эта женщина, со всеми своими страхами и тайнами, с подавленными желаниями, с голосом, похожим на дикий мед, резкая сладость с горчинкой. Он хочет трогать ее по-настоящему, познавать, открываться, брать и давать. Еще!

Они о чем-то говорили, о чем-то совсем неважном. Болтушка. Это

делают после, а не во время. После, утомленными, опустошенными, ожидая, когда желание в следующий раз стиснет тугой петлей.

– Капитан?

С разочарованным вздохом он вернулся в свое тело. Нужно что-то с этим делать. Скорее решить неотложные дела, чтобы заняться медовой девочкой вплотную.

Рашук мялся в проеме двери, выходящей на террасу.

– Доложитесь, – велел дайгон, отпуская напряжение астрального контакта.

– Я напал на след, – мальчишка оглянулся вглубь комнаты, где в кресле у письменного стола сидел помощник Баринова Сергей. – Здесь все чисто?

– Камер точно нет. – Наг быстро отправил господина Ищука в легкий утренний сон и отвернулся. Крошечная фигурка Таисии спускалась с холма. – Продолжайте.

– Итиеш! Он здесь.

– Вы успели сделать рейд в горы?

– Этого не понадобилось. Помните Таисию Вереск, деву, овладевшую левитроном?

Помнит ли он? Наг усмехнулся, опустив взгляд. Рашук заговорил очень быстро, доставая из кармана блестящую пластинку коммуникатора:

– Я нашел пристанище у милой Таи и, пока она спала, произвел обыск. Не спрашивайте зачем, интуиция подсказала. Смотрите.

На экране устройства появилась нечеткая двухмерная фотография.

– Это Таечкин покойный родитель, – пояснил пилот, – рядом с ним – вполне узнаваемый Баринов, друг детства и предполагаемый убийца, но это сейчас не важно. Посмотрите, что у него в руках.

Наг выхватил коммуникатор. Баринов держал канопу, сосуд для хранения мумифицированных органов. Крышка канопы изображала голову одного из сыновей Гора, а под ней, на ребристом квадрате...

– Это знак Итиеша, – кивнул Наг.

– Я сравнил даты. Тая говорит, что отец и Баринов привезли из экспедиции нечто экстраординарное, из-за чего потом произошла ссора. Они нашли сердцееда!

– Когда это было? – Дайгон вернул подчиненному коммуникатор.

– Двадцать лет назад, но и это не важно. Девушка мне подала еще одну мысль. Я порылся в архивах королевского египтологического общества и нашел любопытную информацию. Три тысячи лет назад вот здесь, – Рашук ткнул в экран, раскрывая новую картинку, теперь с картой, – скорбящий народ воздвиг пирамиду над мумией фараона, которого звали... Он

вздыхнул, позволяя паузе усилить значение своих слов: – ...Итиеш! Понимаете? Ему удалось повредить наш корабль, но и он пострадал. Местный темный, но очень набожный народец не дал ему возможности регенерироваться, быстренько распотрошив повелителя и сложив его внутренние органы в церемониальные канопы!

– Легкие, печень, желудок, кишечник, – кивнул Наг. – Это похоже на правду. Сердцеед еще неплохо справился, всего за три тысячи лет.

– Отец Таисии раскопал именно пирамиду Итиеша. Саму мумию он проигнорировал, ну или она за прошедшее время абсолютно разложилась. Он взял канопы или одну из них. Но защитная печать была нарушена, Итиеш настиг воришку или воришек, если учесть, что Баринов тоже участвовал в раскопках.

– Не сходится. Тогда почему он ждал еще двадцать лет? Если бы все произошло именно так, Итиеш давно уже покинул бы планету и нашел себе местечко подальше отсюда.

– Да? – Рашук стушевался. – У меня все так замечательно сложилось.

– Они взяли из пирамиды не только канопы, но и самого Итиеша, – медленно проговорил дайгон. – Скорее всего, добычу было решено разделить. Сердцеед подчинил одного из археологов, видимо, это был Баринов, а затем... Рашук, вы пробовали ментально продавить нашего гостеприимного хозяина?

– Нет. Я умею работать только с памятью, не было необходимости.

– А я пытался. И мне не удалось даже минимально на него воздействовать. Баринов полностью закрыт.

– Итиеш использует его как симбионта?

– Если так, вам не стоит показываться ему на глаза.

– Баринов вполне по-дружески относился ко мне все это время. Обычный местный богатей, озабоченный лишь вечной молодостью. Он не мог меня обмануть.

– Вполне мог, – вздохнул Наг, – а также, возможно, что он просто не помнит. Ментальные возможности Итиеша больше ваших.

– И ваших?

Дайгон кивнул:

– Не забывайте, что он тоже дайгон, гораздо старше и опытнее меня.

– Тогда чего он хочет сейчас? Вы понимаете его мотивы?

– Могу только догадываться. Местные новости полны сообщениями о погибших в пригороде Славигорска девушках. Похоже, что Итиеш что-то ищет.

– Мне войти в сеть правоохранителей?

– Да. Найдите то, о чем не сообщалось прессе, нечто отсутствующее у всех жертв.

– Извините, господа, я, кажется, задремал! – громко сказал Сергей, поднимаясь. – Господин Рашук, ваша беседа закончена? Позвольте проводить вас к выходу.

– Поганый приспешник забрал у меня все пропуска, – пожаловался мальчишка. – Я не смогу без помех явиться в «Пирамиду».

– Значит, увидимся на празднике, – дайгон отобрал у подчиненного коммуникатор. – Или я сам с вами свяжусь.

Таусия

Звонили из салона. Напористый женский голос сначала представился, а затем начал зазывать меня на рекламные акции и распродажи. Салон носил вычурное название «Хатхор», из чего я заключила, что владел им все тот же Баринов. Потому что вряд ли еще кто-нибудь в Славигорске знал имя египетской богини любви и красоты. Тем более что располагался сей оазис неги и чего-то там еще в торговом центре, неподалеку от фитнес-зала.

Я разозлилась. Вот сейчас выясню, в каких таких списках обнаружился мой номер, да как настрою жалобу... А потом мне стало жалко девушку-рекламщицу. Она же не виновата почти, ну разве что только в том, что согласилась на такую идиотскую работу – звонить и предлагать.

– ...а для работников у нас двадцатипроцентная скидка, – завершила жрица Хаткор. – Предложение действительно сегодня до конца рабочего дня при условии предъявления служебного удостоверения.

Она просто отключилась, даже не попрощавшись. Разозлиться по второму кругу я не успела, опять позвонили. На этот раз юристы. Покупатель моей недвижимости назначал встречу на пять вечера в ресторане «Шесему».

Я хихикнула в сторону. Шесему, если я правильно помнила, отвечал в древнеегипетском пантеоне за виноделие.

– Ресторан находится в торговом центре?

– Именно. Мы будем вас ждать, госпожа Вереск.

Мы попрощались.

Мне, наверное, и жить здесь стоило, в самой «Пирамиде». Все у нас здесь компактно и изобильно. Но придется возвращаться домой, пытаться втиснуться в парадное платье, затем вызывать такси, затем...

Мобильный тренькнул. В текстовом сообщении меня радовали поступлением на банковский счет выходного пособия.

Решено. Я не поеду домой, останусь здесь до пяти. Я богата, мне нужна новая одежда, парадное платье у меня чуть не со студенческих времен, я, кажется, именно в нем диплом получала, да и посещение парикмахера лишним не будет. Я давно уже хотела кончики подровнять.

Пропуск обнаружился на самом дне рюкзака. Значит, еще и скидка мне полагается.

Я спустилась с холма, обогнула пристройки и, почти выйдя к автобусной остановке, от которой к главному входу вела мощенная желтой тротуарной плиткой дорожка, вошла в торговый центр в качестве посетителя. Народу, несмотря на ранний час и рабочий день, было довольно много. Покупатели супермаркета сновали с тележками по первому этажу, на эскалаторе рядом со мной пританцовывала в такт музыке, звучащей из динамиков, подтянутая барышня в розовом спортивном костюме. Жизнь кипела.

В салоне меня встретили если не с распростертыми объятиями, то уж точно как родную.

– Работницы почему-то стесняются к нам ходить, – доверительно щебетала девушка на ресепшене. – Слишком пафосно тут все выглядит. А мы же не кусаемся, да и цены у нас ниже, чем в остальных заведениях.

Внимательно изучив прайс, я махнула рукой:

– Давайте мне полный пакет услуг.

И началась сказка, которая была бы еще краше, если бы не многозначительные древнеегипетские стилизации интерьера и сервиса. Я провела в сауне, наверное, часа два, пока не подумала, что скоро сама превращусь в высушенную мумифицированную тушку. Потом повалялась в прохладном бассейне, постонала на кушетке массажиста, коренастого крепыща с густыми, сросшимися на переносице бровями, подремала в парикмахерском кресле, пока мастерица придавала форму моей гриве.

– Прекрасные, чудесные волосы, – шептала она над прядками, – никогда не затягивайте их в хвост. Кстати, если надумаете их продать, к конкурентам не обращайтесь. У нас лучшие цены.

– Я бы тоже твои волосы купила, Таисия, – с соседнего кресла мне улыбнулась полненькая шатенка.

Мы с этой девушкой были соседками и в сауне, и на массаже, а теперь вот – у парикмахеров. Я знала, что ее зовут Лера, учится она в славигорском универе, а внеплановую чистку перышек решила предпринять, чтобы очаровать нового любовника. Мы перешли на «ты»

очень быстро. Лере хотелось поболтать, а мне не хотелось чувствовать себя одинокой.

– Вам этот цвет не пойдет, – возразила моя мастерица, – Вам, госпожа Козлова, можно рыжину попробовать.

Лерочка фыркнула:

– Джентльмены предпочитают блондинок.

– Это, наверное, зависит от джентльмена, – улынулась я своему отражению.

Умничала я зря. Лерочка, несмотря на молодость, в делах любовных могла дать тете Таисии фору. Она была любовницей какого-то богатенького папика, параллельно не отказывая себе в шалостях на стороне. Сейчас она вплотную занималась неким иностранцем, на ее папика работающим.

– Какой мужик! – она закатывала глаза. – Тая, ты не поверишь. Я от его голоса мурашками покрываюсь. А какие у него руки, а ноги, а...

– Уши?

– Уши у него тоже сексуальные, – не разделяла моей иронии девушка. – Так бы и съела целиком. С ушами.

Мастерица закончила надо мной колдовать. Посмотрев на себя в зеркало, я решила, что мой практичный офисный костюм надо выбросить, а лучше сжечь, настолько он не вязался с моим новым слегка лохматым образом.

Заплатила я картой, даже с учетом скидки сумма получилась немалая, но я запретила себе об этом думать. Гулять так гулять. Лерочка упорхнула куда-то вверх, наскоро попрощавшись, а я свернула в открытые двери ближайшего бутика.

Маленькое черное платье, с короткими рукавами, неглубоким вырезом и золотистым принтом по подолу, повторяющим вязь моих браслетов. Я увидела его еще в витрине и не хотела никакого другого.

– Великолепно! – Продавец был мужчиной, и его назойливое внимание во время примерки ощутили все части моего тела. Он расправлял ткань на бедрах, проводил кончиками пальцев по спине, помогая застегнуть молнию, думая, что действует осторожно и незаметно, прикасался к груди, поправляя мои волосы.

Рашук предупреждал меня о неких вибрациях, которыми я теперь привлекаю противоположный пол, но что с этим делать, я попросту не знала. Прикосновения были мне неприятны, внимание тоже, но я даже не могла выразить как-то свое неудовольствие. Мне попросту не доставало опыта в отшивании настойчивых приставал.

Да когда он угомонится уже, черти б его взяли!

Я вызвала в памяти руки своего астрального ухажера. Вот как надо меня трогать, дубина! Тебе бы процентов пять его умений, я бы тебе прямо в примерочной кабинке отдалась.

– Позвольте подобрать вам туфли.

– Будьте так любезны, – облегченно выдохнула я.

Туфли он мне выбрал классные, нисколько не вычурные аккуратные лодочки на высоченном каблуке.

– И еще я бы посоветовал клатчик в комплект.

Застежка сумочки повторяла рисунок принта на платье.

Здесь я тоже расплатилась картой, проигнорировав попытки продавца выяснить телефончик. До встречи оставалось около трех часов.

– Приглашаем посетить кинотеатр торгового центра «Пирамида», – донеслось из динамиков.

«Прекрасная идея, – решила я и, подхватив пакеты со своими покупками, ступила на дорожку эскалатора. – Надеюсь, оставшихся денег хватит хотя бы на билет в кино».

Глава 4. Мышь необыкновенная

Наг

Фальшивая мумия лежала в саркофаге и неприятно воняла дешевой резиной. О дешевизне сообщил Рашук, особо не заморачивающийся с качеством подделки и оставивший на капитана обязанность скрывать искусственное происхождение исследовательского материала от посторонних. Это было несложно. Баринов получил сегодня омолаживающую золотую пиллюлю, состоящую на самом деле из сахара и красителя, и заверения, что действие лекарства станет заметно, как только в его организме накопится достаточное количество активного вещества. Эффекта плацебо хватит на несколько дней, пока рой не вернется к капитану и не сможет предъявить Аристарху Евгеньевичу временный, но настоящий результат.

Дайгон запер дверь лаборатории изнутри, убедился, что камеры не подмигивают красными точками, вытащил подделку из капсулы и сам занял ее место. Регенерация проходила вполне успешно, если бы Итиеш три тысячи лет назад обладал похожим оборудованием, эта планета уже давно лежала бы в руинах. Ибо где сердцеед, там смерть и разрушение. Способности дайгонов к регенерации были предметом зависти во всех обитаемых мирах, так же как и долголетие, и выносливость, и изворотливый ум. Не завидовали только их немногочисленности. Дайгоны – раса, предназначенная властвовать, а владетелей не должно быть слишком много.

Наг расслабился, капсула послушно подстроилась под изгибы тела, посылая легкие лечебные импульсы.

Значит, недаром звездные пути привели их именно в Славигорск и именно в это время. И девушка, медовая Таисия, тоже является частичкой общего пазла. Чего она хочет? Рашук говорил, что ею движет месть. То-то хитрый мальчишка так в ней заинтересован. Его раса славится изощренными комбинациями, месть для них носит сакральный характер. Ну что ж, если малышка хочет мстить, он поможет ей в этом. Ибо желание дамы – закон для мужчины, который хочет саму даму. Инстинкт дайгона игнорировать не стоит, слишком редко он проявляется. Такое сводящее с ума желание Наг испытывал лишь пару раз в жизни и помнил, какое

опустошающее удовольствие следует за ним. Потом, когда все закончится, у него останутся воспоминания о неплохо проведенной операции и о приключении. Наг пленит Итиеша и отправится с добычей домой. А она переболев мстью, наверное, встретит другого мужчину, наверное, родит ему ребенка с такими же белокурыми волосами и глазами цвета прозрачных изумрудов. Об этом думать не хотелось. Да и бред это все. Рашук воспитывает ее стальной змейкой, эти качества просто так не стереть. Браслеты начали подстройку, в какой-то момент нежная Таисия станет опасной для того, кто окажется с ней рядом. Интересно, она понимает, на что пошла, приняв помощь Рашука, или надеется, что можно будет откатить все назад?

Наг улыбнулся, неласково, даже зло. Они старались не включать в свои операции местных жителей. Рашук нарушил правила, он должен быть наказан. Должен, но не будет.

Он размышлял в полудреме, позволяя капсуле делать свою работу, и даже не заметил, когда выскользнул из тела в поисках добычи.

Таисия шла по какому-то полутемному холлу, шуршали бумажные пакеты, каблучки мягко вдавливались в ковровое покрытие. Она что-то сделала с волосами? Он легко прикоснулся к ее затылку, девушка вздрогнула и улыбнулась. Медовая малышка. Кожа как будто светится, вбирая в себя взгляды находящихся в холле мужчин. Браслеты почти закончили подстройку, самцы реагировали на вибрации. Стальная змейка, прекрасная, как смерть.

– Я иду в кино, – прошептала Таисия. – Хочешь со мной?

Он хотел. С ней – куда угодно. Но не мог. Через несколько минут сеанс в капсуле закончится, дайгона ждали дела.

Таисия

Кажется, меня опять отшили? Я, можно сказать, делаю первый шаг, приглашаю астральную проекцию, а она носом крутит? Интересно, есть ли у нее, то есть у него, у капитана, нос? Тогда под бинтами я ничего не рассмотрела. Интересно, как он выглядит, когда не регенерирует? Не нос, а капитан? А вдруг он потрясающий модельной внешности красавец? Я фыркнула. Мечтать не вредно.

Билет я купила самый дешевый, кассир, юноша с пубертатными прыщами и горящим взглядом, передавая картонный квадратик, попытался коснуться моей руки. Вот же, черт. Я знала, как отшить уличного

приставалу, как реагировать на прямую агрессию, но здесь ничего сделать не могла.

В фойе пахло ванилью и жженым сахаром. Я вытряхнула из кошелька всю наличку и купила за стойкой ведерко попкорна. Гулять так гулять. Билетер в мой билет даже не взглянул, он смотрел куда угодно, если это «куда угодно» находилось на мне. Растерянно улыбаясь, он повел рукой в сторону:

– В ложу проходите. Там VIP-места.

– У меня двадцать четвертый ряд.

– Да какая разница, все равно зрителей негусто, а вы с удобствами фильм посмотрите.

– Спасибо.

Мужское внимание начинало приносить пользу.

– А я после начала сеанса напитки принесу, – продолжил билетер.

– Влажные фантазии на сегодня отменяются, – резкий голос Рашука заставил служителя вздрогнуть. – Напитки можешь мне предложить.

Мальчишка отобрал мой попкорн, сунул нос в пакеты, поморщился и стал жевать хрустящие шарики.

– Ну чего замер? Веди!

– Ты тоже купил билет? – шепотом спросила я Рашука, усаживаясь на низкий обтянутый плюшем диванчик, который заменял в VIP-ложе кресла.

– Я поклонника твоего продавил, – отмахнулся мальчишка. – Слышь, любезный, еще попкорна нам принеси.

Служитель принял у него пустое ведерко и ушел.

– А это вообще этично?

– Кто бы говорил? Тебе, значит, в роковуху играть можно, а мне чуточку облегчить жизнь нельзя? Этика-шметика... Кстати, об этике. Ты помнишь, что мне должна?

– За что?

– За все. Например, за помощь.

– Я ее еще не получила.

– Пфф... – Рашук сбросил на пол мои покупки и плюхнулся рядом на диванчик, – Помогаю. Когда будешь встречаться сегодня со своим покупателем, сделай так, чтобы он тебя завтра на вечеринку пригласил.

– На какую?

– На мэстную, – кривляясь, мальчишка говорил с прононсом. – Избушку твою хочет купить начальник охраны господина Баринаова, Никита Петрович Кузьмин. Вот и делай выводы.

Прекрасно! Я взглянула на пакеты. Значит, сегодня мне нужно

настолько понравиться господину Кузьмину, чтобы он захотел продолжить общение.

– Не увлекайся, – Рашук опять фыркнул, – наряжаться сегодня не стоит. Скромнее надо быть, девушка.

Билетер принес попкорн и высокие картонные стаканы с шипучкой.

– Не стыдно? – обернулась я к Рашуку, когда парень ушел. – Ты зачем посторонних людей используешь.

– Да не делал я ничего! Это он тебе приятное захотел сделать. Честное слово!

Рашук почти кричал. На экране начался рекламный блок, а динамики находились где-то неподалеку от нашего места.

– Что? – проорала я.

– Говорю, помощь твоя нужна.

– Какая?

– Коростелева мне сдай!

– Кого?

– Следователя. Вадима Коростелева.

Реклама закончилась, на экране высветилось объявление, призывающее зрителей надеть 3D-очки, поэтому последние слова Рашука прозвучали в полной тишине. Я испуганно привстала, заглядывая за бордюр ложи, не привлекаем ли мы внимания других зрителей. В зале кроме нас вообще никого не было.

– Зачем? – уже нормальным голосом спросила я.

– Затем, что мне нужно в полицейскую компьютерную сеть войти, а взламывать ее мне не хочется. А господин Коростелев в служебных помещениях, куда мне хода нет, потому что пропуска у меня забрали.

– В компьютерах ты, значит, не силен?

– В ваших? Не очень. Мне неплохо было бы пароли узнать, доступ к учетным записям получить. Короче, звони Коростелеву, зови на свидание.

– Я не знаю его номера.

Рашук откинул подлокотник, достал из открывшегося углубления 3D-очки и нацепил себе на нос:

– Плюс семь восемь ноль...

Без запинки отгарабанив цепочку цифр, мальчишка обернулся к экрану:

– Из коридора позвони, там потише. Я подожду.

Я не тронулась с места, размышляя. Подставлять следователя не хотелось. Я испытывала что-то вроде человеческой солидарности перед лицом инопланетного вторжения.

– Не спи, Таисия, – заметил мои колебания «инопланетный захватчик», – ничего я с нашим Вадиком не сделаю, он и помнить ничего не будет. Может, его еще и в должности повысят за поимку славигорского маньяка.

– Тебя маньяк интересует?

– Ну да.

– И ты можешь выяснить, кто это?

– Дитя, – снисходительно протянул Рашук. – Я ловец, лучший охотник и лучшая ищейка. Мне ваш маньяк...

Я вытащила из рюкзака мобильник и вышла в коридор.

Номер действительно принадлежал Вадиму, и он моему звонку, кажется, обрадовался.

Я не знала, как перейти к цели разговора, поэтому придерживалась нейтральных тем. Он предложил увидеться сам. Я сказала, что в «Пирамиде» больше не работаю, но...

– Устрою себе обеденный перерыв, – обрадовался Коростелев. – На каком этаже кинотеатр?

Я ответила.

– Через две минуты буду!

Легкость, с которой малознакомый мужчина помчался на мой зов, ошарашивала. Вибрации и феромоны. Так говорил Рашук.

Когда мы с Вадимом вошли в ложу, фильм уже начался, на экране мелькало зарево взрывов, сменяемое крупным планом хорошенькой актрисы.

– Садись, – велел следователю Рашук и, отпустив картонный стакан, схватил парня за руки. – В глаза смотри. Не отворачивайся. Тайка, очки с меня сними, мешают.

Я надела очки Рашука и присела на соседний диванчик. Фильм по сравнению с тем, что происходило по соседству, был совсем неинтересным. Героиня четко укладывала на лопатки плохих парней, без промаха отстреливала монстров, умело целовалась с женоподобным молодым человеком, изображающим борца с нечистью. Скука.

Я скосила глаза. Вадим дремал, откинув голову на спинку диванчика, Рашук колдовал со своим коммуникатором.

– Все очень плохо, Тая-Таечка-Таисия...

– Ты его не нашел?

– Итиеша? Нет. Это точно не он. Или ты имеешь в виду, – мальчишка зло улыбнулся, – вашего мэстного маньяка?

– Именно.

– Тоже мне тайна Вселенной. Он у полиции под носом все это время был. Если проанализировать вот эти данные, – он быстро листал какие-то текстовые документы на экране, потом ткнул в иконку галереи изображений. – Вот он, красавец. Волк в овечьей шкуре, даже скорее в собачьей, чтобы овцы думали, что их охраняет пастуший пес.

С фотографии на меня смотрел и улыбался мужчина в полицейской парадной форме.

– Смотри, как забавно, – продолжил Рашук. – Он упоминается в каждом деле, даже еще до того, как их объединили в серию.

– Мне нужны доказательства.

– Думаю, если произвести обыск по адресу город Славигорск, улица...

– Поехали, – я резко поднялась. – Возьмем такси. Я должна убедиться.

– Зачем такси, – пожал плечами Рашук. – Нас Вадик подвезет. Правда, Вадик?

Коростелев встрепенулся, разбуженный тычком в плечо.

– Поехали, – велел ему мальчишка. – Мне нужно полевые испытания своей змейки провести, да и ты внакладе не останешься.

Так вот почему Рашук мне не возражал. Он хочет проверить меня в деле.

Вадим подобрал с пола мои пакеты и, ни о чем не спрашивая, пошел к выходу. Мы спустились на эскалаторе. Около украшенной надувными шарами арки супермаркета Рашук остановился.

– Привал. Таисия, метнись в бакалею, купи банку меда.

– Зачем?

– Браслеты зарядить надо.

– Понятно.

Мед я взяла гречишный, темный и тягучий как патока. Консистенция выяснилась, когда уже в автомобиле следователя я опускала в банку свои браслеты. Приятного аппетита, девочки.

Рашук сел на переднее пассажирское сиденье, ввел в навигатор адрес.

– Как ты это сделаешь? – обернулся он ко мне.

– Что именно?

– Как ты убьешь свою первую жертву?

– Сначала я должна убедиться, что это именно он.

– Этика, – хмыкнул мальчишка. – Справедливость, доброта... свобода, равенство, братство.

– Мир, труд, май, – сообщил с водительского места Вадим.

Я посмотрела вниз, на колени. Меда в банке уже не было. На дне лежали блестящие и чистые браслеты. И их было четыре.

Опять пошел откат. Баринов стоял перед зеркалом ванной комнаты и с отвращением смотрел на свое тело, дряблую кожу в пигментных старческих пятнах, морщинистую шею, седую щетину скул.

– Как я и говорил, утечку журналистам организовал кто-то из ближнего круга. – Сергей почтительно переминался на пороге, уткнувшись в планшет.

– Лерка? Да не тушуйся, Серый, все же и так понятно, – Баринов вытер влажное лицо и бросил полотенце на пол. – Девочка одурела от близости к сильным мира сего и почувствовала себя неуязвимой.

– Прикажете ее допросить?

– Брось, пустое. Ничего никому не говори. Пусть копится, чтобы при необходимости кошечку к ногтю прижать. Ты, что ли, запал на нее? Ну так, может, награжу за хорошую работу, когда время придет. Пуганые девки – они самые сладкие.

Аристарх Евгеньевич снова с отвращением посмотрел на свое отражение и накинул на плечи шелковую пижамную куртку.

– Жди здесь, – велел он помощнику. – Телефоны отключить, дверь изнутри запереть, если горничные ломиться будут, ты знаешь, что отвечать.

Сергей кивнул с готовностью и перехватил планшет. Телефон и так был выключен, а дверь заперта. Свою охрану он собирался нести не в первый раз и немало гордился тем, что к ней допущен.

Баринов вошел в душевую кабинку, задвинул стеклянные дверцы, дернул рычажок держателя, повернув его в сторону. Отделанная драгоценной мозаикой стена отъехала в сторону, и Аристарх Евгеньевич спустился по винтовой лесенке, за спиной закрылся проход, зажглись утопленные в нишах лампы. Барин любил такие штучки – потайные ходы, скрытые двери, неявные рычаги. Спустившись, он прошел по коридору, вручную открыл толстый, как на подводной лодке, люк в полу и спустился уже туда. Итиеш его ждал. Итиеш, сердцеед и убийца народов. Не человек – существо. Существо предпочитало беседовать с жалкими человечками, восседая на троне, и Баринов заказал ему трон, существо предпочитало проводить время за чтением, Баринов оборудовал для него библиотеку, вмещающую более десяти тысяч томов. Существо не доверяло технологиям, поэтому освещалась тронная зала чадящими масляными лампами.

– Я пришел, – сообщил Баринов, переступая босыми ногами по

прохладной майолике пола. Существо не любило пыль и ковровин.

– Ты не торопился.

Голос у Итиеша был нечеловечески низким, да и выглядел он, мягко говоря, непривычно глазу. Когда двадцать лет назад они с Алешкой Бергом нашли его, Итиеша, мумию, приятель произвел замеры и сказал, что рост существа составлял три метра двадцать сантиметров. Прав оказался Лешка, а если и ошибся, то скорее приуменьшил. Уточнить размеры в живом состоянии никогда никому не удалось, существо не любило прикосновений и не любило, когда ему возражали. Эх, Лешка, Лешка, как неладно все получилось.

– Торопился, – после паузы возразил Баринов, – пришлось несколько неотложных дел закончить, прежде чем...

Черные глаза на черном лице Итиеша мигнули алыми искорками. Существо испытывало злость. Его пальцы с синеватыми ногтями сжались на подлокотнике. Когда-то Аристарх видел, что Итиеш может сделать этими пальцами то, чего на себе испытать никому бы не захотелось.

– Ты пытаешься достичь вечной жизни?

– Нет.

– Я вижу на твоём теле следы манипуляций.

Баринов запахнул воротник пижамной куртки.

– Пластику делал, у молодой любовницы повышенные требования к внешности.

Признаваться не стоило, это могло быть расценено как предательство. Когда двадцать лет назад Аристарх, тогда еще просто Аристарх, без Евгеньевича, заключил договор с этим монстром, Итиеш все это ему обещал и еще полную защиту. И богатство, и удачу в делах, и вечную жизнь. Часть своих обещаний он выполнил. Недаром все покушения на Баринова, а их было гораздо больше трех – разные, хитроумные и простецкие, и такие, которые подразумевали, что пострадают невинные люди, не достигли цели. Гибли те самые невинные люди, но Аристарх Евгеньевич всегда выходил сухим из воды, как заговоренный. А конкуренты? Они дохли как мухи, стоило только Баринovu намекнуть своему партнеру, что кто-то мешает делу. Дохли, или калечились, или внезапно сходили с ума. Времечко было лихое, так что никто ничего не заподозрил. Тогда Итиеш обитал в заброшенном бомбоубежище на окраине Славигорска и интресовался окружающим миром, это было до того, как Арик построил для него пирамиду. И богатством его обеспечили. Стартовый капитал, тот самый, с которого началось восхождение Баринова к вершинам финансового олимпа, обеспечило существо, просто

ткнув пальцем в подробную карту:

– Здесь, зеркальная пирамида...

С Лешкой они бы это место не разыскали ни за что, воронка это была, а не зеркальная пирамида, воронка, отстоящая от места главного захоронения километра на четыре. Арик сам ее раскопал, уже без Лешки. Нанял местных чурок за мзду малую, и сам наравне с работягами лопатой махал. Пришлось их, правда, всех потом там же и порешить от греха. Потому что делиться не хотелось. Он тогда как в трансе был, в непрекращающемся трансе, заставляющем пахать как вол, стремясь к цели, и все, что движению к цели мешало, убиралось, неважно какими средствами. Вот с Лешкой бы он поделился, но раньше, до того, как приятель не захотел ему недостающие каноны отдавать. Струсил друг детства, просто-напросто струсил.

– Если то, что написано в манускрипте, правда, – тряс он перед Ариком тряпочками древнего пергамента, – это существо несет угрозу всему человечеству. Ты смотри, что он со своим народом в Древнем Египте делал! Ты хочешь погубить все живое?

Все живое Арик губить не хотел. А хотел он всего лишь власти, богатства и вечной жизни. Немного, правда? Кстати, из этих желаний проистекала и забота о родном мире. Над кем властвовать, если никого нет?

– Мы его перехитрим, – увещевал он друга. – Он нам все обещанное даст, а мы...

– Да ты даже не знаешь, что это за существо!

Лешка его первым так назвал – «существо».

– Это вообще неважно, – Аристарх злился на тугодума, – даже если он с того света к нам пролез. У него есть силы, которые можно обратить нам на пользу.

Лешка не согласился, отчего и пострадал. Арику за тот случай до сих пор было не то чтобы стыдно, а слегка неловко. Жена-то Лешкина точно ни при чем была и девчонка... Но Алексей был не прав! У Арика получилось, он обманул существо, запер его в личной пирамиде и не позволяет вредить людям. То, какими способами, кроме чтения, Итиеш предпочитал разгонять скуку, решалось деньгами и связями в анатомичке. Правда, и существо его обмануло. Богатство оказалось не совсем уж несметным, Баринову пока не удавалось возглавить список «Форбс», власть – несколько ограниченной законами. А самый главный обман скрывался в обещанной вечной жизни. Оказалось, что она не подразумевает вечной молодости. Арик старел, и это ему абсолютно не нравилось. С годами Итиеш стал капризен. И Баринов вполне серьезно подумывал отказаться от их договора. Поэтому и с

геронтологами он связался, поэтому и пытался добыть эликсир из другой, похожей мумии. Золотистые пилюли из биологического материала, которыми снабжает его заграничный консультант, начали действовать, уже очень скоро он сможет разорвать договор. Как? Об этом Аристарх Евгеньевич старался даже не думать при Итиеше. Его способ был эксклюзивен и необратим для существа. У него была канопа, самая последняя. Без ее содержимого Итиеш не мог восстановиться полностью. Это была канопа с сердцем, со вторым сердцем, ибо у существа их было два.

– Смотри, человечек, – протянул Итиеш, – попытаешься сбежать, я тебя...

Огромная ножица шаркнула по мозаичному полу, из-под трона выкатился гладкий человеческий череп.

Аристарх Евгеньевич не хотел знать, как существо развлекается с трупами, он отвернулся и кивнул:

– Никогда и ни за что.

Поверил или нет? Даже если да... Голова взорвалась болью, почти видимой, почти овецествленной.

– Никогда, человечек. Помни, я могу тебя уничтожить, даже не пошевелив рукой. Я выжгу твой крошечный мозг, я заставлю страдать твое тело.

Аристарх Евгеньевич рухнул и, повизгивая, пополз к трону.

– Господин, мой господин... – сотрясаясь в рыданиях, он поцеловал огромные босые ступни.

Итиеш гортанно рассмеялся.

Таусия

Подозреваемый обитал в ухоженном особнячке в полтора этажа, окруженном яблоневым садиком.

– Что мы здесь делаем? – спросил Вадим, глуша мотор.

Я пожала плечами.

– Оперативное мероприятие проводим, – вкрадчиво пояснил Рашук. – Ты, Коростелев, провел огромную аналитическую работу и на подозреваемого вышел. Но так как объект наш в органах служит, сообщить коллегам не смог. Это же... неэтично? Правильно?

– Ну да, – неуверенно кивнул следователь. – Только у меня разрешения на обыск нет.

– А мы приглашением хозяина воспользуемся, правда, Тая?

Я опять пожала плечами и подняла руки к волосам, на запястьях звякнули четыре браслета.

– Он Тайку впустит, – Рашук мне подмигнул. – И сам все покажет и расскажет.

– Так явку с повинной оформлять будем? – Вадим деловито выбирался из машины.

– Или труп, – Рашук закрыл пассажирскую дверь, и его слова приглушились хлопком.

Я пошла первой, нисколько не скрываясь. Откинула засов на калитке с внутренней стороны, распахнула ее, приглашая спутников войти.

– Не сомневайся, – сказал мне Рашук, – это точно он, я в таких вещах не ошибаюсь. Продавить могу, но не буду, расколи его сама.

– Я не знакома с гипнозом.

– Будь милой, Тайка, он сам захочет тебе обо всем рассказать.

Вот под такие увещевания я и постучала в дверь. Спутники мои остались у крыльца, Рашук затащил Вадима в кусты бузины.

– Здравствуйте! – широко улыбнулась я появившемуся в дверях мужчине. – Жена ваша дома?

– Я не женат.

Мужик явно перед моим приходом спал, о чем свидетельствовали всклокоченные волосы и то, как он тер ладонями лицо.

– Один живете?

Я отодвинула его корпусом и вошла в прихожую, от которой в стороны расходились рукава коридора.

Черт, я же даже не помню, как его зовут! Как мне быть милой? Но клиент, кажется, поплыл и без того, по крайней мере, он не задал ни одного вопроса, глядя на меня масленисто поблескивающими глазками.

– Я из службы опроса общественного мнения, – выдала я импровизацию. – Вот вас опросить пришла... У вас стакана воды не будет?

Он улыбнулся:

– Конечно, конечно.

Он провел меня направо, в крошечную кухоньку, достал из холодильника початую бутылку минералки.

– Спасибо, – пузырьки воды щекотнули горло. – Вкусно.

Он молча смотрел на меня с каким-то хищным предвкушением. В голове зашумело, ноги подогнулись в коленях. Что он туда подсыпал, черт дери? Я отключилась.

Первой мыслью, когда я пришла в себя, было, что Рашук должен уже

понять, что со мной что-то произошло, и начать действовать. Тем более что времени прошло достаточно. Этот вывод я сделала, убедившись, что нахожусь в полутемном помещении без окон, с голыми кирпичными стенами и высоким потолком, одинокая лампочка под которым была забрана металлической сеткой. У одной из стен стояла алюминиевая кушетка с кожаными креплениями, на столе, задвинутом в угол, поблескивали лезвия ножей и пирамидкой высилась воронка для жидкости, а на полу я заметила ведро с водой. Для того чтобы перетащить меня сюда, пары минут не хватило бы. К тому же одежды на мне теперь не было – плюс еще минуты три, а обнаженное тело, скованное в запястьях, тащили вверх. Мой похититель использовал роликовую систему с переброшенным через нее канатом с закрепленным крюком, с помощью которых после некоторых манипуляций меня и вздернули над полом, больно заломив плечевые суставы. Я ощутила себя персонажем фильма ужасов, слегка малобюджетного и оттого не страшного.

– Что вы делаете? – пискнула я для проформы, ведь даже эпизодический персонаж должен что-то говорить.

– Подарок, это просто подарок, – мужик не слушал, жадно шаря руками по моему телу. – И ни за кем бегать не пришлось. Сама ко мне пришла. Сладенькая...

Он лизнул меня в живот, я взвизгнула – от щекотки и отвращения. Рашук ждет, пока этот хмырь надо мной надругается, чтобы помереть сразу после? Гадко-то как, черт побери!

Я дернулась, попыталась раскачаться. Похититель хихикнул, шлепнул меня пониже спины:

– Тихо, не дергайся! – В его правой руке появился хирургический скальпель. – Все же правильно сделать надо... Такая красота.

Боли я не почувствовала, надрез был неглубоким. По левому бедру потекла дорожка крови. Он опять присосался ко мне ртом, слизывая влагу.

– Хор-рошо...

А вот это было уже страшно. Безумные глаза похитителя, его лицо, измазанное моей кровью, лезвие, которое он занес для повторного надреза.

Я взвыла, дернулась, цепочка наручников звякнула, разрываясь, и я свалилась вниз, подмяв под себя маньяка.

– Ты этих девочек так же мучил, – выдохнула я. – Так же, скотина?

Он бился в конвульсиях, изо рта шла пена.

– Животное! – Я сомкнула пальцы на кadyке. Один рывок и этот мерзавец сдохнет раньше, чем...

– Стой, Тайка, – кричал Рашук. – Тайка, он уже почти мертв. Стой,

дура!

– С чего это? – я неохотно обернулась.

Рашук был один, без Вадима.

– Он твою кровь пил? Ну, вот тебе и ответ. Ты же ядовитая, Тайка, змейка моя смертоносная.

Мальчишка хлопал в ладоши как на театральном представлении.

– Он сдохнет? – спросила я, пинком указывая объект своего интереса. – Или не сдохнет?

Я повторила пинок.

– Ну, чисто теоретически, – Рашук внимательно посмотрел на полутруп маньяка. – Если бы кто-то немедленно промыл ему желудок... Если бы кто-то желающий это сделать находился с нами в одном помещении...

Я взяла со стола воронку и, нисколько не озаботившись осторожностью, вставила маньяку в рот. Рашук смотрел на мои манипуляции с удивлением, но ничего не говорил. Я легко подняла с пола ведро с водой и медленно, тонкой струйкой, начала выливать его содержимое в раструб. Ведро опустело на треть, когда мужика вывернуло. Он скрючился на полу в луже собственной рвоты. Я, отставив ведро, схватила маньяка за волосы и опять засунула воронку ему в рот.

– Ты же хочешь жить, животное, – зло шипела я. – А я хочу, чтобы ты был наказан. Смерть – это мелко, слишком мелко. Я хочу, чтобы ты страдал, падаль.

Он послушно терпел промывание, он плакал слезами боли и благодарности. А мне было так противно, что хотелось согнуться и...

– Коростелев там подкрепление вызвал, – негромко сказал Рашук. – Если не хочешь до утра с правоохранителями общаться, нам пора уходить.

– Продави его, – с брезгливостью сказала я. – пусть забудет обо мне и о моей ядовитой крови.

– Это, Тайка, называется подчистить, – Рашук присел перед маньяком на корточки, – а подчистка включает, кроме стирания нежелательных воспоминаний, также и уничтожение нежелательных улик. Здесь явно кто-то шалил, и этого не скроешь.

– Пусть об этом болит голова не у меня, – я равнодушно проследовала к выходу.

То, что я слегка поторопилась, выяснилось уже в коридоре, где я столкнулась с Вадимом.

– Ты голая?

– Иногда, – ответ мой прозвучал рассеянно, я, отодвинув Вадима,

прошла на кухню.

Моя одежда обнаружилась под кухонным столом, и я просто сгребла ее в кучу. Что еще? Отпечатки? На бутылке точно есть, еще я за столешницу ухватилась, когда падала. Плевать. В полицейской системе их нет, значит, меня не опознают. Рашук догнал меня уже на проселочной дороге.

– Коростелев уверен, что сам маньяка выследил. Сейчас журналисты подъедут.

Я молча шла вперед.

– Ты бы оделась, Тая-Таечка-Таисия, внимание привлекаем.

Я рухнула на колени и расплакалась. Рашук опустил мне на голову горячую ладонь:

– Ладно, реви. Стресс у тебя, наверное. Хотя, если начистоту, тест ты провалила.

– Почему? – всхлипнула я.

– Этика у тебя, – выплюнул мальчишка. – Ты должна была ему голыми руками бóшку открутить, а не ждать, пока он сам отравится. И спасти его не должна была.

– Я не могла его убить.

– Могла и должна была. Он убийца, он недостойн жить.

– Я не суд, чтобы решать, кому жить, а кому умереть.

– Тогда почему Барина ты лишаешь суда?

Я зарычала, сбросила его руку, замахнулась.

– Упс, – сказал Рашук тоненьким голоском, – а браслетики от наручников снять надо. Неэстетично.

Он ловко ушел с линии удара и схватил меня за запястья.

– Попробуешь продавить меня, голыми руками бóшку откручу.

– Руки у тебя на меня слегка не отросли, – Рашук показал мне два полуколечка наручников, затем жестом фокусника сжал ладони. На землю просыпалось крошево. – Подрастешь – так же сможешь.

– Не подрасту, – в сердце некстати кольнуло, напоминая об отпущенных мне двух неделях. Я стала одеваться.

Лера

– Почему мне сюда нельзя, чем Арик занят? – допытывалась девушка у Сергея.

Они стояли у двери в спальню Барина, и если бы Лера не устроила шум, колотя в нее, помощник и не подумал бы явиться на зов разозленной

девушки.

– Не нужно шуметь. Аристарха Евгеньевича нет на месте.

– Что вообще происходит? – почти визжала она. – Арик не отвечает на мои сообщения, сбрасывает звонки на личный номер, он игнорирует меня. За что? Почему?

– А ваши сверхчеловеческие способности что об этом говорят? – некстати съязвил Сергей. – Дым воскурений не помог?

– В дымке мне видится кто-то черный и громадный, стоящий за плечом нашего господина, – доверительно сообщила Лера, – а еще – фея.

– Почему вы решили, что это фея?

– Она летит, – Лера хихикнула.

Когда некая птичка нашептала ей, что Баринов в курсе, кто именно сдает информацию журналистам, Лерочка слегка запаниковала. Получать отставку таким образом и уже сейчас совершенно не хотелось. Наг предложил ей чудесный выход – отъезд и кругленькую сумму на счет. Мужчины глупы, они всегда стремятся помочь хорошенькой девушке – деньгами, советом, билетом на самолет в далекую жаркую страну или всем этим одновременно. Видимо, Лерочка очень постаралась, чтобы иностранец так к ней прикипел. Секса она почему-то не помнила, но раз Наг помогает, близость состоялась и была великолепной, можно сказать, эпичной.

– Конечно, мы поженимся, дорогая, – смуглые пальцы осторожно гладили влажную от слез щечку. – Я приеду к тебе, как только закончу здесь свои дела. Оставаться тебе нельзя. Если Аристарх узнает о нас, проблем не избежать, это может навредить моему бизнесу.

Голос его был густым и сексуальным. Лерочка кивала. Все правильно. Мужчина должен зарабатывать, с милым рай в шалаше только в фантазиях, а в жизни хочется чего-то поосновательнее веток и парусины, например, двухэтажный коттеджик на берегу океана, пару-тройку слуг, повара, личного шофера. Госпожа Козлова на минуточку позволила себе погрузиться в мечты.

– Тем более сейчас, когда Баринов узнал, что именно ты выступала информатором для местных журналистов, ситуация может некстати накалиться. Нам лучше переждать.

Лерочка потянулась губами к возлюбленному, ей хотелось продолжения того самого эпического секса. В этот раз она все запомнит, и ее отпустит тянущее чувство внизу живота.

Но им помешали. Наг, извинившись, достал из кармана пиджака мобильный телефон. Звонка Лера не слышала, видимо, тот был в

вibriрующем режиме. Наг проговорил в трубку:

– Подождите, – и обернулся к Лере. – Ступай, дорогая, я позвоню тебе, когда ты уже будешь в самолете.

Девушке не оставалось ничего другого, как удалиться.

Она уедет, улетит в жаркую далекую страну. Потом придет Наг, потом... то, что будет потом, выстраиваться в четкую радужную картину почему-то не желало. А действительно, что дальше? Изо дня в день бродить по пляжу, любясь разноцветными рыбками, до одури заниматься любовью, срывать с веток спелые фрукты, спать? Ее хватит максимум на пару месяцев, затем станет скучно. Она – натура деятельная. Нужно будет открыть какое-нибудь собственное дело, магический салон или детективное агентство. Оба эти направления госпожу Козлову влекли, в обоих она могла достигнуть определенных высот.

Лера поднялась в пентхаус, она хотела заглянуть в свою спальню, прихватить на память пару-тройку побрякушек. Деньги Нага – это, конечно, замечательно, но и независимость дорогого стоит. Она не какая-нибудь Золушка, у нее в любом случае будут и свои финансы, о которых жениху знать не обязательно.

В спальне успели прибраться, застелили постель, сложили разбросанную одежду. Она высыпала содержимое шкатулки в сумочку. Больше ничего ее здесь нет. Комната была необжитой, Лера оставалась в ней на ночь раз или два в неделю, если Арик того желал, а вообще предпочитала проводить ночи под родительским кровом. У самого Аристарха Евгеньевича для сна было другое место – роскошная двухуровневая обитель дальше по коридору. Проходя мимо его двери, Лерочка хихикнула. Захотелось вытворить что-нибудь напоследок. Что-нибудь бесшабашное, злое. Закатить скандал, выяснить, кто тот иуда, что заложил ее любовнику. И она громко забарабанила в дверь.

Сергей, появившийся на пороге, краснел и бледнел. Лера прекрасно знала, что нравится ему. Причем давно – и давно нравилась, и давно об этом догадалась. Он так на нее смотрел, когда думал, что никто не видит, замирал соляным столбом, когда случайно являлся свидетельством Лерочкиных шалостей с его начальством. Дурачок. Правильный, и оттого неинтересный. А еще бедный, и оттого неинтересный вдвойне.

Она прекрасно разыграла роль рассерженной кошечки, злой блеск глаз, дрожащий голосок. Можно еще заняться театром, кажется, и это ей по силам. Лера искоса взглянула на экранчик мобильного – времени было достаточно, опустила телефон в сумочку и, привстав на цыпочки, поцеловала Сергея в гладко выбритую щеку.

«Акт благотворительности», – пришла веселая мысль, но по позвоночнику прокатилась жаркая волна, кажется, и ее тело не возражало против этого акта.

Парень вздрогнул, затем замер, когда влажный девичий рот прикоснулся к его и узкий язычок обвел его нижнюю губу.

«Уже поплыл», – удовлетворенно подумала Лера и толкнула дверную створку за спиной Сергея. Всегда спокойный помощник Баринава тяжело дышал:

– Это неправильно...

– Зато приятно.

Девушка толкнула Сергея на постель.

– Давай. Сколько его обычно не бывает?

– По-разному, – помощник уже слабо соображал, он в каком-то нездоровом исступлении водил руками по стройным Лерочкиным бедрам. – Но он только вошел, еще минут пятнадцать – это как минимум.

– У Арика здесь какой-то тайник?

Лерой владел не только азарт страсти, но и желание разузнать как можно больше. За такую информацию журналист Еськов ее озолотит. А это уже не побрякушки, это лишний нолик на тайном банковском счете.

– Да, – выдохнул Сергей. – Каждый день в разное время Арик, – тут Сергей хихикнул, называть начальство уменьшительным именем было ему непривычно, – туда уходит.

– Что там?

– Я не знаю.

Лерочка изогнулась.

– Правда не знаю, – всхлипнул Сергей. – Продолжай.

И она продолжила, ей было несложно.

Минут через пятнадцать со стороны ванной комнаты раздались шаги, кто-то шлепал босыми ногами по гладкой напольной плитке.

– Босс! – Сергей вскочил с кровати, лихорадочно застегиваясь и одновременно пытаясь поправить смятые простыни.

Лерочка подхватила с кровати сумочку и скрылась за раздвижной дверью огромного шкафа-купе. Приключением она осталась довольна, и страшно ей не было абсолютно. В отличие от большинства окружающих она знала, что ничего ей Баринов не сделает, кишка у него тонка.

– Аристарх Евгеньевич, – донеслось из комнаты. – Вы в порядке?

– Водички бы попить. Идем, Серый, на кухню. Умаялся я сегодня.

Голос у Баринава был старческий, дребезжащий, слова прерывались астматичными всхлипами.

Мужчины удалились по коридору, Лерочка спокойно вышла из шкафа и отправилась в ванную. Пристрастия своего немолодого любовника она знала прекрасно. Где-то скрывались потайные рычаги для потайной двери. Их просто нужно было заметить. Она поводила головой из стороны в сторону. Джакузи, небольшая, на одного человека, душевая кабинка, умывальник, за прозрачной перегородкой – унитаз и биде. В этой спальне она никогда с Ариком не ночевала, поэтому и в ванной комнате была впервые.

Она покачала головой. Вот ведь старый дурак. В душевой кабинке не было душа. Крепление было, а ни шланга, ни лейки, что должна к нему крепиться, не было.

Она подергала держатель, вывернула его, потянула. Все Ариковы рычаги действовали похоже – выдвинуть, задвинуть, повернуть. Мозаичная стена отъехала в сторону. Лерочка без капли сомнения спустилась по лесенке. Поиграть напоследок в Мату Хари было очень здорово. Дойдя до металлических дверей в полу, она остановилась. Дальше хода не было, впереди был тупик, только вниз. Но поднять люк в одиночку она не сможет. Хотя...

Она крутанула запирающий вентиль, стальной круг приподнялся сантиметров на двадцать. Девушка хихикнула. Конечно, Арик никогда атлетизмом не отличался, поэтому здесь все обустроено с учетом его возможностей.

Она стала спускаться. Интересно, что у него тут? Сейф с банковскими документами? Золото в слитках? Тогда можно будет слиточек-другой захватить с собой. И фотографии надо не забыть сделать. Она достала мобильный телефон. Качество снимков, конечно, будет так себе, но Еськов и их с руками оторвет. «Тайный бункер славигорского магната» или не так – «Сокровища пирамиды». Именно такими заголовками будут пестреть газеты стараниями Еськова, а она сама в это время, лежа в шезлонге, будет под рокот волн потягивать ледяную «Маргариту».

Каблуки туфелек стучали по мозаичной плитке. Она вошла в полукруглый зал с огромным тронем в центре. Под потолком по периметру стен чадил масляные светильники. Что этот старый дурак здесь себе понастроил? Она пару раз щелкнула камерой мобильного.

Трон был пуст, девушка пошла к нему, носком туфли задев какой-то круглый, как мяч, предмет. «Мяч» покатился в сторону, Лера проводила его взглядом и заметила у стены высокую мужскую фигуру.

– Вы? – воскликнула Лера. – Что вы здесь делаете?

И это были ее последние слова.

Мы пешком дошли до трассы, а там, просто стоя на обочине, поймали попутку. Рашук сокрушался, что так себя ведут только дамы нетяжелого поведения в поисках заработка, а мне было уже все равно. Впрочем, пожилой приличный господин за рулем иномарки тоже не принял меня за ночную бабочку. Уж не знаю, куда ему было нужно на самом деле, но он довез нас до самого поселка, попрощался и развернулся у шлагбаума.

– Приставал? – Рашук ехал на заднем пассажирском сиденье, отделенном перегородкой, и блюсти мою невинность в поездке не мог.

– Слегка, – честно ответила я, – когда переключал скорости, его рука будто случайно порой соскальзывала с рычага на мое колено.

– Может, действительно случайно?

– У него коробка – автомат, нечего там было переключать, – вздохнув, я отодвинула цветочный горшок и достала ключи. – А велосипед у «Пирамиды» остался, а мне еще туда возвращаться.

– Так чего ты этому с коробкой передач не велела нас к торговому центру везти?

Вопрос, конечно, интересный. На который можно ответить вопросом же: «А что, так можно было?»

До встречи с покупателем было около двух часов. Я прошлепала на кухню, на ходу снимая одежду. Рашука я почему-то не стеснялась абсолютно. Мне срочно требовалось в душ, смыть прикосновения маньяка, мне срочно требовалась тишина, чтобы подумать, и баночка меда литра так на полтора, просто потому что хотелось.

Я вытащила из шкафчика мед, из выдвигаемого ящика – столовую ложку и, открыв зубами пластиковую крышку, пошла в ванную.

Рашук молча посторонился.

Я залезла под душ, включила ледяную воду и засунула в рот ложку с медом. Зубы клацнули о металл. Я села в ванну и разревелась. По голове и плечам барабанили ледяные капли. Дождик-дождик, капелька, водяная сабелька. Лужу резал, лужу резал, резал, резал, не разрезал и устал, и перестал...

Смуглая мальчишеская рука отдернула шторку.

– Хватит! – Рашук отобрал у меня и ложку, и банку, в которую уже натекло довольно много воды, завернул кран и набросил мне на плечи банное полотенце. – В спальню вали, страдалица. Ко мне тут сейчас ребяташки подъедут, компьютер устанавливать, нечего им на твою

зареванную светлость любоваться.

– К-какой компьютер? – зубы стучали уже от холода.

Я обхватила себя за плечи и попыталась подняться. Ванна была крошечная и скользкая, мне никак не удавалось принять устойчивое положение.

– Мощный, – Рашук схватил меня под мышки и без усилий перетащил на пол. – Если тебя так от какого-то постороннего маньяка разобрало, представляю, что будет, когда ты Барина порешишь. Или ты уже передумала?

– Нет, – я шмыгнула носом. – Я его убью. Что у тебя под халатом?

Мальчишка хихикнул:

– Звучит двусмысленно, – и распахнул одеяние.

Под халатом обнаружили мои сегодняшние покупки, упаковочные пакеты которых выглядели неприглядно после всего, что им пришлось пережить, но содержимое их все так же радовало душу.

– Наряжаться потом будешь, – Рашук подтолкнул меня к выходу. – Правда, спать иди. Я тебя разбужу, и такси сам вызову. Не опоздаешь ты к своему покупателю.

Ноги были ватными, тело не слушалось, отвернувшись от мальчишки, я приподняла край полотенца – порез на бедре уже затянулся. Молодцы, девочки. Отправляясь в спальню, банку с медом я прихватила с собой. Пока я буду снимать стресс дремой, браслеты успеют полакомиться. Они заслужили.

Рашук уже с кем-то говорил по мобильному. Хотя почему с кем-то? Он говорил со своим капитаном.

– Да, капитан. Это точно не наш объект, обычный местный сумасшедший. Я свою змейку на нем тестировал. Слаба. Ага, нет в обитаемых мирах женщины, похожей на нашу Хиону. Да нет, смысла не вижу. С сердцем у нее беда, медики местные так говорят, что ей жить осталось четырнадцать дней. Слышишь, Тайка, наш капитан привет тебе передает.

– И ты ему передай, чтобы шел к черту, – прокричала я и хлопнула дверью спальни.

То, что инопланетные охотники обсуждают меня как забавную местную зверюшку, было очень обидно. И еще накатила жалость к себе, ведь моя месть и моя смерть – пафосные знаковые события, а сплетни их нивелируют, унижая меня.

Опустив браслеты, все четыре, в банку с медом, я бросила полотенце на спинку стула и юркнула в постель. Спать днем было непривычно, но я

очень старалась. Отодвинув все неприятные мысли, я расслабилась, закрыла глаза, зевнула, будто пытаюсь приманить дрему.

– Ты не умеешь убивать, – знакомый шепот не спрашивал, он утверждал.

– Тебя смогу, – бормотала я, переворачиваясь на бок и натягивая на голову простыню.

Он забрался под тонкий лен. Кажется, с последней нашей встречи его астральная проекция несколько уплотнилась, потому что матрас даже слегка прогнулся под его тяжестью.

– Расскажи как, – дразнясь, он провел губами по моей щеке.

– Пересплю с тобой, – сообщила я, подумав. – Рашук говорит, что близость со стальной змейкой ни один мужчина не переживает.

Он хмыкнул, но продолжил ласку.

– Конечно, мне придется зажмуриться в процессе, твой вид не располагает к страсти, – я говорила рассудочно, пытаюсь не подпускать в голос сладкую дрожь.

Пусть обидится и уйдет, мне ни до него, ни до его прикосновений, вообще ни до чего дела нет. Внутри – тьма и безумие, мне нужно побыть одной, загнать их как можно глубже.

– Пожалуйста...

– Тссс... – его руки скользнули мне на спину. – Отважная маленькая змейка, позволь мне... помочь.

Это он так себе представляет помощь?

– Ты не умрешь от этого? – тихонько всхлипнула я.

– Мое тело за много километров, ты для него безопасна.

И я сдалась. Потому что для меня сейчас был, наверное, последний шанс это ощутить, потому что этот призрачный мужчина – единственный, кто хотел меня не потому, что я излучала какие-то вибрации или феромоны, а потому... Честно говоря, почему именно он хотел меня, меня волновало мало.

И все случилось. Наверное, скорее всего, это не было близостью в полном смысле этого слова. Это было... странно и чудесно. Это было громко, но и на это мне было наплевать. А еще это было почему-то правильно. Острое и пряное наслаждение разогнало мою внутреннюю тьму.

– Я тоже хочу сделать тебе хорошо, – жалобно проговорила я, засыпая.

– У тебя будет такая возможность, моя медовая малышка.

Рашук разбудил меня в шестнадцать ноль ноль, погнал в душ, заставил съесть огромный бутерброд с сыром и выпить чашку чая с медом, то есть

кружку меда, чуть разбавленного ароматным кипятком. Браслеты, которых стало уже шесть, я догадалась надеть сама.

Пока я спала, загадочные ребяташки, которых ждал мальчишка, успели заставить практически весь дом, кроме спальни, всякой техникой.

Жуя бутерброд, я спросила, что это вообще значит.

– Мне мощный компьютер нужен.

– Все эти железки – компьютер?

– Ну сервера еще. Не бери в голову, о встрече с покупателем думай.

– Ты со мной пойдешь?

– Нет. Работать буду. Если что, звони, я свой номер в твою записную книжку внес.

– Ты же говорил, компьютер у вас – рой? – Я одевалась в ванной комнате и говорила через полуоткрытую дверь.

– Не знаю, когда он объявится, а мне уже работать нужно.

Рашук продолжал что-то жевать на кухне, отчего речь его была слегка невнятной. Когда я вышла из ванной, он присвистнул:

– Сама одежды выбирала? Хвалю.

– Такси когда подъедет?

– Уже во дворе, я же обещал транспорт вызвать. Кстати, тетка тут какая-то заходила, говорит, соседка, зовут ее еще... Васильевна, во!

– И что? – я переложила в клатч мобильный, носовой платок и банковскую карту. Наличных не осталось совсем, но за такси можно было и безналом заплатить.

– Я ей сказал, что я твой племянник из Удмуртии, имей в виду.

– Ладно.

Через две недели Васильевне придется знакомиться уже с новыми соседями.

Таксист попался молчаливый, по дороге я думала о своем, о том, что вряд ли когда-нибудь решусь озвучить. От мыслей этих щеки горели, а по спине бегали мурашки.

Что сейчас главное? Понравиться покупателю, чтобы он меня на вечеринку в «Пирамиду» пригласил. Это уже завтра. Задача не казалась мне сложной. Стальную змейку вожделяют все, господин Кузьмин, начальник охраны Баринава, исключением не будет. А уж там, на вечеринке, я буду действовать по обстоятельствам.

Водитель, видно, заскучав, принялся крутить ручку настройки радио.

– Срочные новости... к-х-х... по адресу... произошло задержание... к-х-х... следователь Коростелев... в эфире славигорского телеканала... интервью...

Частота никак не настраивалась, эфир потрескивал помехами, таксист чертыхнулся вполголоса.

– Кого поймали? – негромко спросила я.

– Маньяка, – ответил водила. – Того самого, что девушек убивал. Второй час уже по всем каналам передают.

– Понятно.

Значит, следователь Коростелев нас с Рашуком не подвел, кого надо арестовал. Таксист остановился на какой-то музыкальной волне, спросил, не возражаю ли я против музыки. Я не возражала, слегка оглушенная несущимися из динамиков мощными басами и барабанными переходами. Он сделал погромче.

– Привет, – он, мой невидимый любовник, снова был рядом, его рука уже привычно скользнула вдоль бедра, забралась под ткань платья.

– Ты сегодня зачистил, – прошептала я, сдвигая колени. – Прекрати, это, в конце концов, неприлично.

Он разочарованно вздохнул. Тоже мне, актер погорелого театра. Я нашла его руку, переплела наши пальцы.

– Отношения – это не только секс.

– А у нас отношения? – Он укусил меня за мочку уха и сильнее сжал ладонь.

– Конечно, – я поднесла наши руки к лицу и поцеловала его пальцы. – Не волнуйся, это ненадолго тебя обременит.

– Рашук сказал, что ты больна?

– Не хочу это обсуждать.

– Тогда что хочешь?

– Тебя, – после продолжительного поцелуя пришлось уточнить. – Обсуждать тебя, а не вот это вот...

Он хрипло рассмеялся:

– Я догадался, но не мог отказать себе в удовольствии. Спрашивай, змейка. О чем ты хочешь знать?

– Как тебя зовут и за что тебя ненавидит Рашук?

– Свое имя я скажу при личной встрече. А Рашук... Это не ненависть, это... Ну, элемент притирки, что ли. Их команда срабатывалась долгие годы, они привыкли к определенному стилю работы, наладили между собой какие-то отношения. А потом к ним направили новичка, причем сразу на командную должность.

– Что случилось с предыдущим капитаном, она погибла?

– Хиона? Да нет, с чего? Просто ушла со службы, кажется, решила себя посвятить семье. У нее супруг – архивариус одного из университетов

и вполне здоровые детишки.

– Значит, ядовитость стальных змеек обратима?

– Нет, дорогая, мне жаль, если ты на это надеялась.

– Тогда как вашей Хионе удалось выйти замуж и нарожать детей?

– Она не вступала с браслетами в симбиотическую связь, просто пользовалась ими как оборудованием. Кстати, это тоже причина недовольства Рашука. Его раса издавна готовила стальных змеек для...

– Для кого?

– Для другой расы, расы правителей. Но с тех пор прошли тысячи лет, сменились поколения, подготовить змейку для... правителя стало редким и почетным делом, рашуки...

– Стоп. Рашук тоже какой-нибудь рой? Его много?

– Я, кажется, скоро начну тебя к нему ревновать, – мой любовник картинно вздохнул. – Рашук – это не личное имя, это название его расы, ну и одновременно что-то вроде прозвища.

– А зовут его Ра-Шу-и-Ки, – кивнула я. – А твоя раса...

– Дайгон.

– А имя?

– Капитан.

Я фыркнула. Психологический приемчик, который я с таким мастерством провела, не достиг цели.

Он меня поцеловал:

– Мне пора, медовая, до встречи.

– Ты придешь ко мне ночью? – вспыхнув, шепнула я.

Он, не ответив, исчез, а я, кажется, начала привыкать к этой его странной манере.

О, сколько, оказывается, удовольствия могут доставить мужские взгляды! Кстати, женские – неодобрительные, злые, завистливые – тоже его доставляют. В этом я убедилась, поднимаясь по эскалатору торгового центра, держа спину прямо и улыбаясь с видом кинозвезды на красной дорожке. Юристы, все трое, поднялись со своих мест, как только мои туфельки ступили на мозаичный паркет ресторанного зала. Бинго! Стальная змейка вибрирует! Любите меня, мальчики, где ваш клиент, достойнейший господин Кузьмин?

Клиент запаздывал, поэтому мне еще минут десять пришлось терпеть неловкие ухаживания молодых людей. Мне предложили шампанского, стакан воды и немедленно поехать в другое, более веселое местечко. Я выбрала воду.

Кузьмин появился из дверей служебного входа. Был он крупным

мужчиной, пожилым, где-то за пятьдесят и нисколько не моложавым. Он тяжело, отрывисто дышал, видимо, из-за лишнего веса, и поминутно вытирал лоб носовым платком. Рука, которую он протянул мне для рукопожатия, была влажной и вялой, и таким же влажным и вялым выглядел рот.

– Приятно познакомиться, – он грузно опустился на стул, махнул рукой, отгоняя предупредительного официанта, и уставился мне в переносицу мутными беспокойными глазами. – Я – человек простой, – сообщил он, продолжая буравить меня взглядом. – Если вы, Таисия Алексеевна, желаете торговаться, давайте сразу облегчим жизнь нам обоим. Цену я могу поднять еще процента на три, не больше. Но дом нужен мне уже завтра. Лучше, конечно, сегодня, но я дам вам возможность вывезти свои вещи.

Я покачала головой и лучезарно улыбнулась:

– Пять процентов, оплата немедленно банковским электронным переводом, а помещение я освобожу ровно через четырнадцать дней.

Моя улыбка результата не возымела. Он поморщился, пожевал своими влажными губами:

– Четыре. Оплата по частям. Половина сейчас, вторая половина – после вашего отъезда.

Четыре процента меня, в принципе, устраивали, как и способ расчетов. В конце концов, юристы проследят, чтобы тетя Яна получила всю сумму даже после моей смерти. Весь этот торг был задуман с целью завязать контакт с Кузьминым, а он на контакт идти не желал. То ли мои змеиные вибрации давали сбой, то ли... Может, он гей? Я похолодела. В таком случае все мое очарование на него не подействует.

Один из юристов, я не помнила, как его зовут, склонился к моему плечу:

– Вы погуляйте, Таечка, мы с Никитой Петровичем сейчас ваше предложение обсудим.

Я поднялась из-за стола:

– Извините, мне нужно попудрить носик.

В дамскую комнату меня сопровождал официант. Делать там было нечего. Я повертелась перед зеркалом, поправила макияж, позвонила Рашуку, просто чтобы убедиться, что номер телефона он в мою записную книжку вбил правильный.

– Чего надо, женщина? – неприветливый мальчишеский голос ответил после второго гудка. – Я занят, и если у тебя ничего серьезного...

– Кузьмин – гей, – сообщила я в трубку. – И что теперь делать?

– Да что ты говоришь! С таким пузом? Никита Петрович?

Пока Рашук хохотал, я включила и выключила сушилку и зачем-то нажала на кнопку дозатора жидкого мыла над умывальником. Кнопочку заело, перламутровая вязкая субстанция потекла на мраморный поддон, затем на пол. Да сколько же они туда мыла налили? Десять литров? Я дернула рулон бумажных полотенец, он выскользнул из держателя, упал, покатился, разматываясь, я наклонилась, чтобы его поднять, вляпалась ногами в липкую лужу, попыталась разогнуться, от этого резкого движения подошвы туфель разъехались на ставшем скользким кафеле. Дверь открывалась наружу, я вышибла ее спиной и выпала в зал. Снаряд для керлинга из меня получился так себе, скорее походила я на корову на льду. Потому что и наборный паркет, смазанный жидким мылом, устойчивости мне обеспечить не мог. Я натолкнулась на какого-то мужчину, не очень высокого, но достаточно ловкого, и он подхватил меня под спину.

– Спасибо, – пролепетала я, глядя в серые усталые глаза.

– Лия? – в глазах появилось тревожное узнавание. – Лия Берг?

Лия. Так звали мою маму. Мне говорили, что я на нее похожа. Еще секунда и он сложит два и два и поймет, кто перед ним. Дурацкая ситуация, которую я предусмотреть не могла. Нужно делать ход. Сейчас!

Похолодев от собственной отваги, я радостно вскрикнула:

– Дядя Арик!

– Позвольте мне помочь вам, Аристарх Евгеньевич, – какой-то молодой человек придержал меня за локоток, отодвигая от Барина. – Девушка, вы в порядке?

– Оставь, Серый. – Барин щелкнул пальцами, будто отгоняя назойливую муху. – Таечка! Как ты выросла!

Глава 5. Смертоносная змейка

Наг

Он опять лежал в медицинской капсуле. Следующий сеанс станет последним – регенерация будет завершена, и он сможет, наконец, покинуть «Пирамиду» господина Барина, чтобы заняться делом. Делом? Наг улыбнулся. Кажется, первым делом он отправится к медовой девочке Тае и заставит ее стонать уже наяву. Забавное приключение слишком быстро вышло из-под контроля, Нага тянуло к ней чрезвычайно, непривычно, немыслимо. Желание это невозможно было ни оправдать инстинктом дайгона, ни вписать в какую-нибудь из знакомых жизненных схем. В какой именно момент он решил, что эта женщина ему нужна и что он нужен ей? Когда она впервые отдалась ему, вернее, даже не ему, а его астральной проекции? Или в ту случайную встречу на эскалаторе, когда неловкая малышка активировала левитрон? Или еще раньше? Она его разбудила. Дайгон прикрыл глаза, вспоминая. Медовые волосы, изумрудные глаза, плотно сжатые бледные губы. Нет, все было совсем не так. Неожиданное повреждение капсулы, он почувствовал это и на грани выхода из сна послал в пространство мощный ментальный импульс. Он позвал на помощь. Это тоже был инстинкт. Дайгон звал змейку, звал защитницу. И она пришла. Может быть, отчасти и поэтому браслеты выбрали ее своей хозяйкой. Кажется, он захотел ее еще тогда, рассматривая тонкие черты сквозь стеклянный щит, читая отвращение и ужас в ее глазах. Забавно. В том, что ее астральный любовник – мумия, она уверена до сих пор, но это не мешает ей жарко отвечать на его ласки и хотеть подарить ответные. Душа медовой Таисии – потемки. Хотя она пыталась объяснить Нагу свои чувства, когда утомленная и полусонная лежала на смятых простынях. Она всю жизнь стеснялась своего тела. Считала чудовищем именно себя и поэтому испытывала к ужасному капитану нечто вроде соперничества или жалости. Он тогда счел это признание забавным. Дайгона не жалели, его желали. Он принадлежал к расе властителей, он был молод, красив, силен, девы многих благородных фамилий выстраивались в очередь к его телу и его сердцу, а точнее – сердцам.

Кстати, о сердцах. Завтра капсула освободится, и он собирался уложить в нее Таисию. Что за ерунда с ее сердцем? Почему две недели?

Почему браслеты не смогли ее вылечить? Рашук объяснял что-то о разнице физических и генетических отклонений, но нужна точная диагностика.

Сеанс закончился, и почти сразу же раздался звонок мобильного телефона. Рашук хотел доложиться.

– Да? – Наг одной рукой закинул в капсулу фальшивку, другой держа трубку у уха.

– Капитан, я нашел!

– Вы всегда это говорите. Что именно?

– Я сравнил проекты торгового центра за несколько десятилетий. Вы знаете, что раньше на месте «Пирамиды» были довольно глубокие бомбоубежища Второй мировой войны, позже переоборудованные на случай ядерной атаки?

– Мне нужно видеть чертежи, – сказал Наг быстро.

Если Рашук прав, а прав он практически всегда, где-то здесь, неподалеку – логово Итиеша. Это облегчает его, Нага, задачу, но и увеличивает опасность для мирного населения.

– Ну не знаю, – тянул Рашук. – Я могу воспользоваться местными средствами компьютерной связи, но это долго.

– Отправьте информацию в рой, – велел капитан.

– Он уже с вами? В кого он перевоплотился? Нет, не говорите, я сам догадаюсь. Ой. – Нагу было слышно, как пилот шлепнул себя по губам. – Так точно, слушаюсь, капитан!

Они синхронно отключились. Наг с улыбкой бросил мобильный на стол. Кажется, рано или поздно лед тронется, и он заслужит дружбу и доверие своего экипажа.

Таусия

Окружающая меня действительность за считанные минуты трансформировалась самым волшебным образом. Благостный Барин не желал расставаться с... Он называл меня «доченька», и после каждого такого обращения мне хотелось вцепиться ногтями в его холеное лицо. Я держалась из последних сил, холодно улыбаясь и приподнимая брови в немом удивлении.

– Сколько лет, сколько зим, – щебетал Баринов, ведя меня через ресторанный зал.

Его помощник семенил чуть позади, не мешая нам беседовать. Неужели Барин изволил выйти в народ без охраны? Одного хиловатого

Серого, весь внешний вид которого, от двубортного английского костюма до кончиков наманикюренных пальцев, вопил о Йеле или Гарварде, явно недостаточно для безопасности господина и повелителя.

Да если бы я раньше знала, что Аристарха Евгеньевича можно вот так запросто повстречать, не строила бы хитроумных комбинаций, а отправилась бы напрямик в этот «Шесему» с ружьем под полой плаща. Сюда же черта лысого пронести можно при желании. Ни вертушек у входа, ни рамок металлоискателей.

Я искоса оглядела полупустой зал, потом еще раз. Да уж, госпожа Вереск, и после этого эпичного похода очутились бы вы незамедлительно в кутузке, это в лучшем случае, а в худшем – на алюминиевом столе прозекторской с повреждениями разной степени тяжести, повлекшими за собою вашу безвременную кончину. Вот же охрана. Парочка за столиком у окна, оба мужчины, оба спортивного телосложения. Пьют кофе, не беседуют, не улыбаются. Быстрый взгляд направо. У стойки бара женщина в брючном костюме с короткой стрижкой. Пиджак с одной стороны оттопыривается из-за скрытой кобуры. Больше смотреть не хотелось.

– Ты какими судьбами здесь, Таисия?

Будто вынырнув из воды, я вернулась в беседу, изобразив лицом нечто вроде недоумения. Хорошо еще, что ответов не требовалось, Аристарх Евгеньевич вел монолог, а вопрошал риторически.

– Я же разыскивал тебя после того случая. Лешка, Лия – мои лучшие, самые дорогие друзья. Какая невероятная трагедия!

Я готова была поклясться, что скорбь, которую он быстренько мне изобразил, была абсолютно натуральной.

– Где ты пропадала?

– В детском доме, – ответила я после паузы. – Живых родственников у меня не осталось.

– Понятно, – он пригласил меня к столику, стоящему в нише у стены. – Присаживайся, доченька.

Я думала очень быстро. Он не знает, что я тогда все видела. Меня же никто не заметил, мама затолкала меня за кресла, он вполне мог и не догадываться, что у убийства на смотровой площадке было не две, а три жертвы. Тогда мне сейчас ничего не грозит, при условии, что свою партию я отыграю без сучка без задоринки.

Я покачала головой:

– У меня здесь деловая встреча, после нее я с удовольствием с вами пообщаюсь.

– Что за встреча? – он обвел взглядом зал.

– С покупателем. Я домик наш фамильный продать решила.
– Дачу, что ли? – он увидел Кузьмина, равнодушно ему кивнул. – И кто покупатель?

– Никита Петрович.

– Торгуется?

– Есть немного.

– Ну, пошли. Торговаться я и сам люблю.

Он взял меня под руку. Я ощутила покалывание от прикосновения его пальцев к коже. Женщина у стойки не сводила с нас взгляда. Правильно, объект предпринял незапланированное перемещение, сейчас все охранники чуть изменят дислокацию. Парочка угрюмых мужчин пересела за соседний столик.

При нашем приближении во фронт вытянулись все – и юристы, и Кузьмин, просто истекающий потом.

– Доченьку вот встретил, в детстве потерянную, – торжественно сказал Аристарх и уселся на предложенный стул. – Документы покажите, я Таечкины интересы соблюсти хочу.

Через пять минут сумма, которую непреклонный Никита Петрович был готов мне заплатить, удвоилась.

– Я же и сам твой домик куплю с большим удовольствием, – потрепал меня по плечу Барин. – С ним же столько воспоминаний связано. Эх, молодость шальная... А, Никита, что на это скажешь?

Кузьмин на это мог только что-то невнятно пробормотать.

С новой ценой я согласилась, а Никита Петрович согласился подождать две недели с выселением. Мы ударили по рукам – фигурально, а фактически – подписали многостраничные комплекты документов. Деньги перевели сразу же, один из юристов прямо на ресторанном столе открыл ноутбук и через несколько минут показал мне на экране подтверждение перевода. Благодаря этим деньгам моя теть Яна сможет помочь еще нескольким детишкам. Я ощутила нечто вроде благодарности Баринову, он действительно мне помог.

– Ну все, вы нас с Таечкой утомили, – сообщил Аристарх Евгеньевич, когда один из юристов заикнулся, что сделку неплохо бы отпраздновать.

Делить мое общество Барин явно ни с кем не собирался.

Присутствующие удалились как по мановению волшебной палочки. Помощник Серый, по крайней мере, Аристарх Евгеньевич называл его именно так, наматывал вокруг столика круги, стараясь быть незаметным, но я постоянно ловила его периферийным зрением.

– Спасибо, – искренне проговорила я, улыбнувшись.

– Что? – Барин, который геем точно не был, вздрогнул, отвлекаясь от внимательного рассматривания моих губ. – Глупости, хоть что-то для тебя хочу сделать, раз уж вырастить и воспитать не смог.

Я покраснела. Уж он бы меня воспитал.

– Ну, дом ты продала, когда обратно возвращаешься? Вообще, какие планы на жизнь?

– Да вот, в Славигорске решила обосноваться, – я проигнорировала его руку, сцапавшую мое запястье. – Работу найду, квартиру сниму, стану образцовым гражданином, то есть гражданкой. Образование у меня неплохое, так что надеюсь на хороший прием моей малой родины.

– Где училась?

Я честно ответила, он присвистнул:

– Ну так ко мне работать иди, сразу начальником финансового департамента или финдиректором, если захочешь.

– А ваши сотрудники такие кадровые перестановки одобряют?

– Что мне их одобрение, доченька.

Усталость от жизни, звучавшая в его голосе, меня, может быть, и впечатлила бы или удивила, если бы одновременно Аристарх Евгеньевич не стал поглаживать мою ладонь подушечкой большого пальца. Ласка была ни капельки не отеческой.

Официанты начали сервировку стола. Ни я, ни Баринов заказа не озвучивали, из чего я сделала вывод, что обслуга и так знает, что нужно хозяину. Воспользовавшись моментом, я выдернула руку:

– А сколько у вас финансовым директорам платят?

Он ответил. Я недоверчиво покачал головой.

– Простите, барышня, – склонился один из официантов. – Вы в дамской комнате телефон забыли.

Баринов схватил мой телефон из рук халдея.

– Кто-то звонил? Ты замужем?

– Не замужем, дядя Арик, – мне стало чуточку забавно, как вытянулось его лицо после этого «дяди». – У меня даже парня нет, все силы на учебу бросила, не до романов было.

Он взглянул в записную книжку телефона. Эта бесцеремонность меня несколько покорила, но я решила промолчать. Кого я видела перед собой? Врага, на чьем трупе я двадцать лет мечтала станцевать джигу? Да. Но еще я видела развращенного властью стареющего мужчину. Отчаянно молодящегося и отчаянно несчастливого. Он был суетлив, делал много лишних движений, трогал бокалы, вертел в пальцах краешек льняной салфетки, покусывал губы. Раньше, когда я наблюдала за ним издалека, я

этого не замечала.

– Квартиру подыскала уже?

– Нет, но не думаю, что в Славигорске проблемы со съемным жильем.

Мы немного поболтали на общие темы. Я видела, что дяде Арику очень не хочется меня отпускать.

Может, не стоит мне тянуть? Я скажу ему да, потом предложу отметить новую работу, затем выпью шампанского и притворно опьянею. Наутро моя месть свершится, и я смогу танцевать джигу на трупе Баринова целых четырнадцать, нет, уже тринадцать дней.

– Что ты решила?

– Хочу еще немного подумать, – протянула я капризно.

Нет. Быстрая месть – это как накидаться бутербродами перед изысканной трапезой. Прав Рашук. Месть – это искусство, она должна быть изящной.

– Дядя Арик, дайте мне недельки две. Я пока изучу работу вашего финансового департамента, квартиру не спеша подыщу поближе к офису.

– Прекрасное решение, – Баринов все-таки умудрился взять меня за руку, из которой я не вовремя выпустила бокал. – Приходи завтра ко мне часиков в одиннадцать, я сам тебе все покажу. Серый тебя пропустит. Сергей, подойди.

Помощник, все это время, оказывается, стоявший у меня за спиной, сместился в сторону и вежливо поклонился.

– Договорились, – я поднялась из-за стола. – Тогда до завтра.

– Уже уходишь?

Я пожала плечами:

– Поздно уже.

– Хорошо, – Аристарх Евгеньевич тоже поднялся, – Сережа тебя проводит. До самого дома, Серый, понял? Внутри не заходить, но убедиться, что все в порядке. Нет, я сам.

Баринов схватил со столешницы мой телефон, ввел несколько цифр и, услышав едва слышную мелодию из своего нагрудного кармана, радостно улыбнулся:

– Я тебе позвоню минут через сорок, Таечка, узнаю, как ты доехала.

Детский сад, штаны на лямках. Всесильный Баринов узнает номер телефона понравившейся женщины таким забавным образом. А потом мы будем с ним спорить, кто первый положит трубку? «Ты первая!» – «Нет, ты первый!»

И он действительно мне позвонил. Я как раз сидела на своей кухне и в лицах пересказывала Рашуку весь сегодняшний вечер.

– Да? – сонным голосом ответила я в трубку.
– Ты спишь, Таечка? Ну, спи, девочка, спи.
– Спокойной ночи, дядя Арик.
– А ты жестокая, Тайка, – задумчиво проговорил Рашук, откусывая от бутерброда. – Это так красиво, что у меня мурашки по всему телу.
– В смысле? Что красиво? Я?
– Да ты-то тут при чем? Месть жестокой женщины – красиво. Хотя ты тоже... Я тебе нравлюсь? В принципе, если хочешь, я и трансформироваться могу.

Этого я перенести уже не могла. Я хохотала до слез, до зеленых чертей.

– На рашуков тоже действуют змейкины вибрации? Ты настолько очарован, что готов умереть? Рашук! Умора! Мне только твоих ухаживаний не хватало!

– Я предложил, – не обидевшись, сказал инопланетянин, – она отказалась. Так и запишем.

– Знаешь, что странно? – отсмеявшись, сказала я. – Когда мы с Сергеем выходили из ресторана, он сказал Баринову что-то вроде: «Лера пропала», а Баринов махнул рукой. Лера – это кто?

– Любовница Аристарха Евгеньевича. Ты же не думала, что он целибат до встречи с тобой соблюдал? И кстати... – мальчишка удивленно изогнул брови, – ты хочешь сказать, что следила за Бариновым, подготовила на него три покушения и не знала, как зовут его любовницу?

Я смутилась:

– Я не собиралась мстить женщине, с которой он спит.

– Ты не изучила ближний круг!

– У меня не было такой возможности! – Я чуть не расплакалась. – Где? Где, я спрашиваю, я должна была узнать, как зовут его любовницу? Думаешь, об этом говорит в курилках офисный планктон? Да Баринов для них все равно что... с другой планеты!

– Знаешь, Таисия, – серьезно посмотрел на меня Рашук, – если бы не твое сердце, ты бы раньше от мозговой горячки померла, что-то в твоем мозгу такое ненормальное происходит, какая-то специфическая активность. Иди спать и скажи дай... Просто иди спать.

И я пошла. Просто потому что на спор сил уже не было.

– Сонная...

– Отстань, – я отбрыкнулась от ночного гостя. – Мне поспать нужно, завтра трудный день.

– Я не мешаю, наоборот, собираюсь помочь.

– Знаю я твою помощь.

Он не возражал, но и не исчез без предупреждения, как у нас уже было заведено.

Меня обняли сильные мужские руки, обняли не с вожделием, а с нежностью.

– Спи, медовая малышка, спи...

– А знаешь, желанный, – прошептала я с удивлением, – кажется, я абсолютно счастлива.

– Расскажи.

– Я почти приблизилась к цели.

– Мечь?

– Да, не перебивай, раз и так знаешь. Двадцать долгих лет я мечтала об этом моменте, но не знала, что он будет так сладостен. И знаешь, чем? Тем, что я могу его оттянуть.

– Рашук учит тебя всякой ерунде, – он погладил меня по волосам. – Мечь не может быть прекрасной, она деструктивна и ведет к хаосу.

– Тогда что ты предлагаешь делать со злом?

– Наказывать.

– Это почти одно и то же.

– Но истина кроется в деталях.

Я зевнула, решив, что каждый имеет право на свое мнение, а счастливая Таисия – на отдых, и сладко заснула.

За окном проорал петух, я открыла глаза. Утро, привычное одиночество и крошечный червячок сомнения. Может, мечь моя вовсе не так прекрасна, как мне кажется?

Рашук сидел на кухне, в окружении пустых тарелок и ноутбуков. Их было два: один – по левую руку юного дарования, другой – по правую. Тарелок было штук пять, не меньше.

– Хлеб и пиво, женщина. И, кстати о хлебе, раз уж пиво по утрам не рекомендуют ваши местные медики. Завтрака нет, твоя очередь готовить. Начинай!

Он углубился в какую-то диаграмму, появившуюся на левом мониторе, одновременно щелкая клавишами другого компа.

Поставив на плиту чайник и засунув в тостер два хлебных квадратика, я пробежалась по дому. Жить в нем было негде, в прямом смысле. Аппаратура теснилась во всех комнатах. Только мою спальню миновала эта участь, и то, видимо, потому, что на ночь я заперла ее изнутри.

– Через две недели сюда въедут новые хозяева, – сообщила я Рашуку, возвращаясь на кухню. – Куда ты свое барахло девать будешь?

– Пфф, – мальчишка откинулся на спинку стула, разминая кисти рук. – Продам, или выброшу, или подарю господину Кузьмину на добрую память. Да кого интересует хлам, когда мой пытливый ум и прочие пытливые части достигли таких результатов!

Он кивнул на монитор, я туда взглянула, не отрываясь от заваривания чая.

– Что-то важное?

– План «Б», – смуглый палец ткнул в красную линию. – Это варианты временных петель, которыми мы сможем... Хотя забудь, все равно не поймешь.

Я сервировала скудный завтрак, к чаю были тосты и все тот же мед. Рашук покрутил носом, намекнув, что святой долг любой женщины – кормить сожительствующих с нею мужчин свежей выпечкой по утрам, если уж не идентичной эталонной выпечке «Трех с половиной поросят», то хотя бы приближенной по качеству.

Я показала ему язык, намазала тост янтарным медом:

– Так что там с планом «Б»?

– Ну, это теория временных петель. Тебе правда любопытно?

– Угумс, – я энергично кивнула.

– Смотри, – он развернул ко мне монитор, – я рассчитал траекторию, по которой мы с экипажем можем вернуться буквально сразу после аварии.

– Которую вам устроил Итиеш?

– Ну да. Только ему это тоже дорого обошлось. Так вот, мы возвращаемся и берем его тепленького, не способного к сопротивлению. Шах и мат! Правда, здорово?

– А как же бабочка?

– Какая еще бабочка?

– Та, которую кто-нибудь из вас обязательно раздавит сапожищем в моем далеком прошлом. Моя реальность от ваших действий изменится?

– Скорее всего, – он пожал плечами.

– И, например, мой отец никогда не встретит мою мать, отчего я не появлюсь на свет.

– Это будет, то есть было три тысячи лет назад, так далеко я твою родословную отследить сразу не смогу, поэтому ничего тебе не отвечу.

– Я не согласна.

– А твоего согласия никто и не требует.

– Подожди, – я опять зачерпнула мед, неловко вывернув запястье, липкая дорожка коснулась одного из браслетов и моментально исчезла.

– Ты бы их не перекармливала, – пожурил Рашук.

– Это для них вредно?

– Это для тебя тяжело будет. Они же делятся от кормежки, полный доспех формируют, а у него вес, – он задумчиво поднял глаза к потолку, – вполне сопоставим с твоим личным весом.

– Здорово, – я нарочно мазнула ложкой по запястью. – Ты разговор не переводы, будь любезен. План «Б» мне абсолютно не нравится. У тебя есть еще какой-нибудь? И, кстати, что включает в себя план «А».

– С «А» все просто. Мы находим Итиеша здесь и сейчас, но он может не сработать.

– Почему?

– У него было двадцать лет на регенерацию...

– Почему двадцать, а не три тысячи?

Рашук посмотрел на меня слегка затравленно:

– Ты что, в ментальную связь с Коростелевым вошла, чтобы овладеть искусством допроса? Кстати, я в его личном деле порылся, женат наш герой давно и счастливо, на дочери непосредственного начальства. Отомстить не желаешь за то, что он тебя обмануть пытался?

– Не желаю. Желаю знать, что ты от меня скрываешь.

– Три тысячи лет назад – первая точка временной петли, куда мы можем вернуться, вторая – приблизительно двадцать лет назад, географически, – он развернул ко мне другой монитор и ткнул пальцем в карту.

– Это смотровая площадка над Славью, – спокойно проговорила я. – Ты хочешь сказать, что...

Резко поднявшись, я дернула на себя стул, на котором сидел Рашук, мальчишка вскрикнул, халат распахнулся, из-за пазухи вывалилась толстая тетрадь в клеенчатом переплете.

– Ты хочешь сказать, что, пока я отсутствовала, устроил обыск в моем доме, нашел дневники отца и попытался их присвоить?

– Каюсь, – огрызнулся мальчишка, – присвоить не пытался. Я бы их на место положил, ты бы ничего и не заметила. Ты же вообще ничего не замечаешь, хотя у тебя куча подсказок под самым носом все это время была.

– Каких еще подсказок?

– Вот это фото, например, – он кивнул на стену.

– Это мой отец.

– С Бариновым.

– Да? – Я близоруко прищурилась, действительно, никогда ее внимательно не рассматривала. Точно, Баринов, молодой, а не моложавый,

и мой отец. – Это канопа?

– На ней знак Итиеша.

– Мой отец раскопал вашего сердцееда? Молчи!

Я зажмурилась, вспоминая.

«– Арик, каждой мумии обычно полагалось четыре канопы.

– Да, я в курсе, по именам сыновей Гора. Амсет хранит печень, Дуамутеф – желудок, Хапи – легкие, а кишечник охраняет Квебехсенуф.

– Почему здесь их шесть? Почему эти две не стилизованы, а просто залиты воском и закрыты печатью?

– Да какая разница, Лешка? Делим поровну, три тебе, три мне и разбежимся. Я на своего покупателя уже нашел.

– Мне кажется, это сердце. Ты же помнишь, его в мумии не было, что в принципе нетипично. Тогда почему в двух сосудах? Бальзамировщики разделили орган? Святотатство. Или сердец было несколько?

– Да брось, дружище. Давай лучше выпьем...»

Фрагмент разговора всплыл в памяти с невероятной четкостью.

– Говорить уже можно? – подал голос Рашук.

– Да.

– Итиеша забальзамировали по всем тогдашним правилам, большинство внутренних органов оказались захоронены отдельно. Сердцеед три тысячи лет просто не мог начать регенерацию. Пока твой отец и Баринов не завладели... гм... фрагментами и кто-то из них, думаю, не твой отец, а его напарник не собрал этот пазл.

Я сидела на стуле и тоже пыталась собрать пазл, информационный.

– Ты чего зависла?

– Ничего, продолжай.

Тут залился трелью мой мобильный одновременно со звуком автомобильного клаксона, донесшимся со двора.

Черт! Звонил Баринов.

– Доброе утро, дядя Арик, – радостно провозгласила я в трубку, пока Рашук, отодвинув шторы, осторожно выглядывал наружу.

– Выходи, Таечка, – голос магната был полон густого удовольствия, – карета подана.

Пробравшись к окну в лучших традициях шпионских романов, я выглянула поверх Рашукового плеча. У забора стоял блестящий большой автомобиль, за рулем которого восседал безэмоциональный Сергей.

– Ох, – деликатно зевнула я в трубку, – мне в душ надо и одеться. Ваши люди могут полчаса подождать?

– Конечно, моя хорошая, – совсем уж засиропился собеседник, –

собирайся, чисть перышки, эти люди подождут.

– Ничего себе, – протянул Рашук, когда я отключилась. – Умеет твой кровник за женщинами ухаживать.

Я побежала в душ, надеясь, что Сергей не явится в дом, чтобы подождать меня внутри.

– Чем заняться планируешь? В пентхаус к Баринову пойдешь? – Ра-Шу-и-Ки, не страдающий излишней стеснительностью, поплелся со мной в ванную.

– А нужно?

– Мне нужно, – Рашук сел на стиральную машину. – Тут такое дело, мне очень нужно, чтобы в десять вечера в «Пирамиде», в жилой ее части, случился пожар. А так как ты единственная из нас можешь туда пробраться...

Я ощутила что-то вроде ответственности за деяния предков. Все-таки это мой папа этого их Итиеша раскопал, значит, его дочь просто обязана помочь его обратно закопать.

– Я никогда раньше не устраивала пожаров.

– Я тебя научу.

Сергей

Барин явно съехал с катушек, сбрендил, рехнулся, тронулся, сошел с ума. Он буквально бредил хорошенькой блондинкой Таисией. Он даже, наплевав на субординацию, вечером, после того как помощник отвез девушку домой, затащил Сергея в свою спальню и заставил принимать участие в суровой мужской пьянке. Причем пить за двоих пришлось Сереже, сам Барин алкоголя не употреблял.

– Конфетка, скажи, Серый. Конфетка!

Помощник согласился. Таисия и ему понравилась, причем на каком-то очень животном уровне. Это было удивительно, ведь совсем недавно у Сережи был сексуальный контакт с Лерой и, казалось, еще какое-то время у него не должно возникать мужских желаний. Но блондинка действительно была хороша. Высокая, стройная, с округлостями в нужных местах. Да дело было даже не во внешности или не только в ней. То, как она двигалась, как поправляла спадающие на плечи волосы, закусывала нижнюю губу, внимательно глядя на собеседника, то, как блестели ее зеленые глаза, – все это дышало какой-то первобытной сексуальностью. Она не кокетничала, не старалась понравиться и, кажется, даже слегка

раздражалась от мужского внимания. Действительно, конфетка.

Но то, как она подействовала на Аристарха Евгеньевича, выглядело как какое-то колдовство.

– Лера пропала, – Сережа сообщал эту информацию раз в четвертый.

Он, проводив Барина на кухню и убедившись, что тот обеспечен и талой водой, и ломтиками авокадо с йогуртовым соусом, всеми элементами позднего ужина, вернулся в спальню начальника. Выйти из нее самостоятельно Лере бы не удалось, Сергей помнил, что запирает дверь снаружи. Он всегда так делал в целях безопасности. Он подумал, что она от испуга могла забиться в какой-нибудь уголок и там задремать, поэтому методично обыскал апартаменты, сантиметр за сантиметром. Осознав тщетность поисков, он набрал ее мобильный номер, послушал длинные гудки. При второй попытке набора механический голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. Это было тревожно. Сергей вернулся на кухню, убрал грязную посуду в моечную машину, помог Барину настроить телевизор на канал, который того не слишком раздражал, и уже собирался возобновить поиски, когда Аристарх Евгеньевич объявил, что желает спуститься в ресторан.

– Мяска хочется, Серый, – доверительно сообщил он помощнику. – Сегодня можно, я завтра с утра все калории в тренажерке отработаю.

Сергей вызвал обычную группу личной охраны и сопроводил шефа в «Шесему», где как гром с ясного неба на Аристарха Евгеньевича и свалилась Таисия.

– Молоденькая, нежненькая, – кудахтал Баринов, вырывая помощника из воспоминаний.

Таисия не показалась Сергею такой уж молодой, не было в ней юного очарования, присущего, например, Лере. Он бы сказал, что новому интересу хозяина года двадцать три – двадцать четыре. Но, в отличие от Леры, у Таисии был шарм, какой-то аристократический лоск, что в сочетании с сексуальностью давало убойный коктейль.

Значит, Лера получает отставку, где бы она сейчас ни находилась. И значит, путь для Сергея свободен, он может, не скрываясь, попытаться завязать с бывшей любовницей шефа отношения.

Эта мысль его обрадовала, он использовал ее вместо мысленного тоста, когда ему было велено опрокинуть очередную стопочку текилы.

– Заедь за ней завтра, – сказал Баринов, – за Таей, часиков в десять.

– Как прикажете.

– И еще, – мечтательность Аристарха сменилась вдруг какой-то злой сосредоточенностью. – До утра раскопай о моей «доченьке» все, что

возможно узнать. Где была, с кем общалась, почему вернулась в Славигорск.

Сергей кивнул. Такой шеф ему нравился, был привычен и понятен.

– Вы ее в чем-то подозреваете или достаточно будет стандартной проверки?

– Забудь это слово – стандарт. Таисия Берг далека от стандартов. Найди все. И подготовь здесь для нее апартаменты.

– Госпожа Берг будет жить в «Пирамиде»?

– Ну а чего тянуть? – хмыкнул Баринов. – Я человек занятой, мне хороводы вокруг девочек водить некогда.

– А если я что-то нарою?

– Тогда тем более. Врагов нужно держать ближе, чем друзей, тем более таких...

Баринов мечтательно прикрыл глаза и махнул рукой, объявляя окончание посиделок.

По коридору Сергей уходил, пошатываясь, – выпитый на голодный желудок алкоголь жег пищевод и слегка раскачивал пол. Сначала он примет ледяной душ, чтобы прогнать хмель, потом свяжется с Никитой Петровичем, и они вдвоем займутся сбором информации.

Таисия

С таким шиком к «Пирамиде» я еще не добиралась. Салон автомобиля был отделан натуральной кожей и полированным деревом. Из стереодинамиков доносилась негромкая скрипичная музыка, вежливый и собранный Сергей предложил напитки. От которых я, впрочем, отказалась. Мы подъехали к боковому входу, которым мне раньше пользоваться не приходилось. За прозрачной дверью дежурил охранник, мне пришлось пройти сквозь рамку металлоискателя и подвергнуться личному досмотру, к слову, излишне тщательному. Охранник был мужчиной и не смог отказать себе в удовольствии меня пощипать. Одета я сегодня была без изысков, в простой льняной сарафан на бретельках и босоножки на высоком, но устойчивом каблуке. В кожаном портфеле лежал блокнот на проволочной пружинке, мобильный, фольговый тубус жвачки с логотипом «Шутейка» и наручные часы, которые к выбранному мною стилю одежды не подходили. Рамка среагировала на браслеты, я, пожав плечами, сняла украшения и положила их на стойку охранника. Кстати, девочек было уже шесть. Что там Рашук про полный доспех говорил? Кажется, мне хотелось

им воспользоваться. Сергея досмотрели без удовольствия, но с не меньшей тщательностью.

– Извините, – пробормотал он, пропуская меня к лифту. – Таков порядок.

– Ничего страшного.

Пять, шесть. Девочки вернулись на место, по три на каждое запястье.

В кабинке лифта помощник попытался отодвинуться от меня как можно дальше, буквально распластавшись по стене. Я улыбнулась в сторону. Надо же, какой самоконтроль.

Баринов ждал нас в личном кабинете, оазисе хай-тека и минимализма. Огромный письменный стол был почти пуст, лишь по центру столешницы лежал серебристый ноутбук с яблочком на крышке. На стене мерцал плазменный экран телевизора. Аристарх Евгеньевич, сидя на дизайнерском диванчике, смотрел местные новости. При нашем появлении он поднялся, спрятал в выдвижной ящик бюро какие-то бумаги и одарил меня радостной улыбкой:

– Доброе утро, Таечка.

Я улыбнулась в ответ.

Так, соберись. Камер тут быть не должно. Каким бы параноиком ни был Барин, следить за собой он никому не позволит. Значит, мне всего-навсего нужно остаться здесь в одиночестве незадолго до часа «икс», то есть до десяти вечера. Сейчас слишком рано, впереди целый рабочий день.

– Явилась по вашему приказу, шеф.

– Я лично введу тебя в курс дела. Одну минутку. Сергей, какие у меня на сегодня встречи?

Помощник сверился с планшетом и стал перечислять.

– Передвинь все, что было назначено до обеда на... на когда-нибудь. В два мы будем есть здесь, пусть накроют нам на террасе, в четыре...

Он что, собирается провести со мной целый день? Черт, я же не выдержу. Долгие часы смотреть на него, терпеть сухие змеиные прикосновения, будто случайные, но вполне осознанные, и не выпустить наружу съедающую меня ненависть? Рашук обещал, что до вечера я буду предоставлена самой себе. Каким образом, он не уточнил, но в своего учителя я верила.

– Ты завтракала, Таечка? – спросил Баринов.

– Что? Ах да, конечно. Я полноценно подготовилась к рабочему дню.

Он нервно втянул ноздрями воздух, – ответ явно был неправильным.

– Но с удовольствием составлю вам компанию и выпью, например, чашечку кофе, – смягчила я удар.

Меня повели по пустынным коридорам в столовую – полукруглый зал с огромным панорамным окном.

– Какая красота! – всплеснула я руками. – Весь Славигорск как на ладони, и река, и горы!

Баринов улыбался, довольный моим восторгом.

Стол был сервирован на двоих, официант в белоснежном кителе подал мне эспрессо с хрустящими печеньками, Аристарх Евгеньевич получил мисочку овсянки, сухофрукты и травяной чай. Неспешную беседу за завтраком вел, конечно же, Барин.

– Здесь я чувствую себя хозяином мира, – говорил он, кивая в сторону панорамного окна, – очень одиноким и этим миром непонятым.

Я постаралась изобразить на лице сочувствие и понимание, хотя с куда большим удовольствием я бы сейчас валялась на диване и смотрела что-нибудь из жизни насекомых по каналу «Дискавери». Но монолог «хозяина мира» пришлось выслушать. К счастью, время от времени он прерывался Сергеем. Помощник не отлучался от нас ни на минуту, стоя чуть в стороне. Он принимал на свой планшет какие-то сообщения, и, если считал их достойными внимания начальства, тихонько кашлял, привлекая его внимание, и после разрешающего кивка что-то шептал в хозяйское ухо.

Я поискала глазами официанта, тот восторженно и принес мне вторую чашечку кофе. Эспрессо хватало на два глотка, а печенье меня попросту не интересовало.

Эта комната для моих целей тоже подходила, но здесь были камеры, минимум две.

Баринов извинился – ему срочно нужно было ответить на звонок, и они с Сергеем отошли к окну.

– Здесь всегда так безлюдно? – спросила я официанта.

– Еще безлюднее, – он шептал, косясь на начальство. – Здесь месяцами никого не бывает. Только для особых приемов залу открывают. Ради панорамы. Вам нравится?

– Очень. А носик припудрить где можно?

– Я вас провожу.

Туалетная комната была вполне оборудованной: здесь было две кабинки, мраморные умывальники с махровыми полотенчиками в плетеных коробках, недорогая косметика без логотипов производителя и потолочный плафон, в который точно была вмонтирована камера.

Я зашла в кабинку, повесила портфель на дверной металлический крюк. Если обзора камеры хватает и сюда, я попаду в неприятности. Хотя что мне терять?

Мобильник я переместила в кармашек сарафана, неглубокий, но достаточный, чтобы телефон не выпал при ходьбе, достала из портфеля жвачку и подушечку за подушечкой принялась жевать. Руки были свободны, поэтому, не прекращая ритмично двигать челюстями, я выдернула из блокнота проволочную пружинку, бумажные листы, сразу же превратившиеся в неопрятную стопку, отправила обратно в портфель, достав взамен пластиковые наручные часы. На крышке их корпуса, как и на жвачке, был логотип фирмы «Шутейка».

– Ты хочешь, чтобы я подложила Баринову бомбу? – возмутилась я утром, когда Рашук рассказал, чем мне придется заняться в пентахусе.

– Это не настоящая бомба, – успокаивал меня юный террорист. – Пластид, часовой механизм и дымовушка для запаха.

– Дымовушка?

– Потешная бумага. От нее огня мало, а дыма много. Нам главное, чтобы сработала система пожаротушения. Обслугу пентхауса эвакуируют во главе с Бариновым, и мы сможем без помех там пошурудеть.

– Мы?

– Нет, я не пойду, я не полевой агент, и ты не пойдешь, тебе алиби на это время понадобится может.

– Тогда войди в охранную систему «Пирамиды» и отключи камеры.

– Не могу, там таких кордонов поставлено, с которыми ваша техника не совладает, и наша, если честно, тоже не поможет. Тонкая работа. Что еще раз подтверждает мою не требующую подтверждений версию, что Итиеш где-то там.

– Сисадминит помаленьку в службе безопасности?

– Сарказм? Ты от дела не отвлекайся, вон правый глаз уже больше левого. Внимательней с макияжем надо быть, женщина.

Наша планерка проходила в ванной комнате, пока я собиралась на встречу к Баринову, во дворе ждал Сергей, а на стеклянной полке рукомыльника лежало то, что через пару часов превратится в вонючую потешную бомбу. Я очень надеялась, что именно потешную и что ни один человек от моих действий не пострадает.

Бумага, часы, жвачка, соединительный провод – все это должно выглядеть вполне невинно при любом досмотре. Время взрыва мы выставили еще дома. Двадцать два ноль ноль, Рашук сказал, что так надо.

Я вышла из кабинки, оставив портфель болтаться на крючке. Во внешней стене комнаты у самого потолка я заметила узкое как бойница окошко, створка была распахнута.

– Извините, – улыбнулась я.

Баринов уже сидел за столом:

– Не покидай старика надолго, деточка.

Я заверила, что никакой он не старик, он хмыкнул и пообещал лично провожать меня в дамскую комнату.

Черт подери, какая пошлятина! И этому старому козлу я собираюсь изысканно мстить? Метать бисер перед свиньями?

К счастью, завтрак подошел к концу, мы переместились в офис, не тот, в котором я подвизалась бухгалтерским специалистом, а предназначенный для руководителей высшего звена. Меня представили начальникам департаментов, каждому по очереди, заводя в кабинет, приобнимая за талию и как бы ненароком задерживая там руку. Финансовому директору, конечно же, не сообщили, что новенькая претендует на его должность, и он расстарался ввести меня в курс дела. Баринов убедился, что я в теме, сокрушенно проговорил, что у него важная встреча, и на некоторое время оставил меня в покое. Финдиректор сразу же поскучнел, делегировал ознакомительную экскурсию своей секретарше, которая, в свою очередь, никакого пиетета ко мне не испытывала, поэтому, отделавшись парочкой дежурных фраз, вернулась на свое рабочее место.

Я посидела на диванчике для посетителей, установленном в коридоре, попила воды из стоявшего здесь же кулера и с чувством выполненного долга покинула офис. Проведу экскурсию самостоятельно.

Заблудилась я очень быстро. Поэтажный план «Пирамиды», который я изучила, этих помещений не включал. В поисках лифта я шла по коридорам, не снабженным ни указателями, ни табличками. Ничего похожего на лифт так и не обнаружилось, зато нашлась лестница, по которой я поднялась на пол-этажа, оказавшись в другом крыле, видимо, жилком, потому что виниловое покрытие пола сменилось ковролином. Тяжелый запах благовоний ударил в нос.

От просторного фойе в три стороны расходились рукава арочных переходов. Правый заканчивался приоткрытой дверью, за которой я рассмотрела краешек кровати, левый вел на кухню или в столовую, а центральный был подлиннее. Я пошла туда, услышав чьи-то голоса. Поздороваться, извиниться, спросить, где здесь выход, – нехитрый трехступенчатый план. Помещение оказалось чем-то вроде лаборатории. У входа стоял простой белый стол с уймой спиртовок и мензурок, по центру – металлический поддон, в котором дымилась горсть бурого порошка, видимо, источник запаха тех самых благовоний. Дальше была пластиковая ширма, загораживающая мне обзор, и я сделала шаг вперед. У стены стоял саркофаг, уже без защитного стекла, напротив – диванчик, на котором

сплелась в объятиях парочка. Я тихонько охнула и покраснела. Мешать людям в таком деликатном деле не хотелось, но меня уже заметили.

– Таисия? – воскликнула девушка, подняв голову.

– Лера?

Моя случайная знакомая по косметическим процедурам смотрела на меня влажными глазами олененка.

– Это не то, о чем ты подумала.

Да неужели? Мужчину, сидящего на диване рядом с Лерочкой, я тоже узнала. Тот самый великан, поразивший мое воображение на эскалаторе. Правда, тогда он был одет. Сейчас же на экзотическом красавце была лишь белоснежная набедренная повязка. Лера была права, он действительно был сексуален, весь, от кончиков пальцев до ушей, о которых она мне тоже успела рассказать. Пауза затягивалась, я кашлянула и выдавила:

– Извините, что помешала. Я услышала голоса и хотела спросить, как мне отсюда выбраться.

– А что ты здесь делаешь? – в голосе Леры послышалось подозрение.

– Работаю, – под взглядом мужчины, который еще не произнес ни слова, я чувствовала себя неловко. Потому что одно дело – когда тебя, змейку стальную, вождедеют прыщавые юнцы или сальные старикашки, а совсем другое – когда такой вот красавец раздевает тебя глазами, нисколько не стесняясь своей любовницы.

– Аристарх Евгеньевич мне должность в одном из департаментов предложил.

– Арик? – протянула девушка.

И тут, наконец, до меня дошло. Папик, о котором она мне рассказывала, и есть Баринов, а она – Лера, про которую Сергей думает, что она пропала. Тогда полуобнаженный мужчина на диванчике...

– Меня зовут Наг, – сказал он густым басом. – Хлеб и пиво, Таисия.

Он что-то шепнул Лере, отчего та хихикнула и вскочила на ноги:

– Мне, пожалуй, пора.

«Я с тобой, покажешь мне лифт, на котором в торговые залы спуститься можно?» – хотела сказать я, но промолчала. Здесь, в этой комнате в саркофаге был тот, с кем мне очень хотелось увидеться наяву.

Лера, напевая, удалилась.

– Чем вызвано смущение? – сардонически спросил Наг, тоже поднимаясь.

Никогда в жизни я не видела никого столь огромного и столь скудно одетого. Даже когда девчонки после выпускного потащили меня в стриптиз-бар, где мы все, будущие финансистки, напились до поросычьего

визга и в складчину заказали приватный танец, даже тогда темнокожий стриптизер не произвел на меня такого впечатления.

– Вы не могли бы одеться? – холодно ответила я вопросом на вопрос. – Мы с вами находимся на работе и в рабочее время, и мне бы не хотелось... Простите, я, кажется, не представилась. Меня зовут Таисия Берг, я новый финансовый директор.

Он смотрел на меня так, будто ожидал других слов.

– Мое имя вы теперь знаете, я геронтолог, который заключил с Аристархом Евгеньевичем частный контракт. Думаю, что ваши стандарты в одежде на меня не распространяются. Но, будучи джентльменом, я не могу пренебречь вашей просьбой.

– Будьте так любезны.

Он вышел, мне было видно, что он свернул в боковую спальню. Как только Наг скрылся за поворотом, я подскочила к саркофагу.

Как ты здесь, мое существо в процессе регенерации? Что делает с тобой голый геронтолог? Неужели отщипывает кусочки для приготовления молодильных настоек?

Лежащая в саркофаге мумия была мне незнакома. Понимаю, это звучит глупо, но теперь у меня было уже две знакомые мумии. И эта капитаном не была. Я же прекрасно его помнила. На дне саркофага, небрежно обмотанная бурыми бинтами, лежала – я втянула ноздрями воздух, в котором отчетливо пахло резиной, – подделка. Я отодвинула бинты с того, что должно было изображать лицо. Ну и рожа! Обычная резиновая маска, выполненная методом штамповки. Рука зацепилась за что-то твердое, я потянула. Вербочная петелька, прикрепленная под мышкой мумии, заканчивалась пластиковым квадратиком ценника с логотипом «Шутейка».

В коридоре раздались уверенные шаги. Я обернулась ко входу. Наг успел приодеться в строгую пиджачную пару, под которой белела тонкая трикотажная футболка, и даже обуться.

– Где он? – я изо всех сил дернула за веревочку и резиновая подделка вывалилась из саркофага. – Что вы с ним сделали?

Мужчина зловеще улыбнулся. Я сжала кулаки. Убью на фиг мерзавца! Пусть немедленно отдает мне мою мумию, иначе...

Никакого движения я не заметила. Вот он стоит у дверного проема, а уже в следующее мгновение возвышается надо мной, подавляя своим ростом и жаром тела.

Я выбросила вперед руку. Он даже не ушел с линии удара, принимая его твердым, как камень, бедром:

– Это же я, змейка. Узнай, наконец.

Я замерла, Наг прижал меня к себе. Реальные ощущения были даже острее, чем те, что я испытывала, когда он был астральной проекцией. Но ошибка исключалась, тело не врет. Передо мной был дайгон, завершивший регенерацию.

Наг поцеловал меня в ключицу, провел губами по шее и щеке.

– Я рад, что ты ко мне заглянула, желанная. Надеюсь, сегодня ночью мы сможем...

– Делайте это без меня, – я шагнула назад, потом сделала еще шаг. – С Лерой, или в одиночестве, или собрав компанию свингеров.

По большой дуге обойдя слегка растерянного капитана, я пошла к выходу. Значит, пока он не со мной, он тесно общается с молоденькой Лерочкой, любовницей хозяина. Сердце кольнуло. Черт, я могла бы обвинить в этом Нага, но знала, что он тут ни при чем.

А в принципе, чего это я раскудахталась? Он же мне ничего не обещал. Это я сама что-то эдакое придумала, пафосное до невозможности. Отношения... Ах, моя первая и последняя двухнедельная страсть. Пошлятина! Глупость!

Я сбежала по лесенке и вошла в еще неизведанный коридор. Эхо моих шагов двоилось – видимо, это господин изменщик шел следом.

– Таисия, – негромко позвал он. – Кажется, нам следует объясниться.

Я резко развернулась и четко сообщила, куда он может засунуть свои объяснения, и даже топнула ногой. Видимо, каблук босоножки попал на какой-то скрытый в полу рычаг, потому что в стене коридора моментально открылись незаметные в закрытом состоянии двери лифта.

Я заскочила в кабинку, нажала первую попавшуюся кнопку и привалилась к стене, тяжело дыша. Все, эта страница перевернута. Мне не стоит сейчас думать еще и об отношениях или о сексе, если он не связан с моими планами. Хватит. Успокойся, сердце, не нужно пытаться выбраться наружу.

Мне нужен тайм-аут, минуточка, чтоб решить, как действовать дальше. Лифт, будто услышав мои желания остановился, мигнул потолочной подсветкой. «Держи свой тайм-аут, Берг. И что ты с ним теперь делать будешь?»

Я нажала на кнопку с циферкой, с пиктограммой открывания дверей, даже на клавишу вызова диспетчера. Лифт не реагировал ни на что, только опять мигнул лампами. «Ну чего ты, Берг? Вот твой тайм-аут, пользуйся!» Я попыталась отжать двери, расширив щель между ними сантиметров на двадцать.

Мы зависли между этажами? Да уж, положеньице. Позвать на помощь?

Я открыла рот для жалобного крика, когда услышала чей-то голос, мужской, знакомый. По верхнему коридору двигался Сергей, говоря по телефону, и, судя по угодливым интонациям, говорил он с хозяином.

– ...отчет по Таисии Берг готов, я перенес его в ваш личный компьютер в кабинете... да, Аристарх Евгеньевич, никаких копий, ничего не оставил. Потом посмотрите? Ах да, простите, у вас переговоры с японцами. Простите. Но вы сами просили вас набрать... Простите... Отключаюсь.

Сергей удалился, я осела на пол кабинки. Значит, Баринов велел помощнику нарыть на меня информацию? Он что-то подозревает?

Сосредоточенно покусав губы и постучав по ним костяшками пальцев, я слегка успокоилась. Это логично, что меня решили проверить, особенно если в планы Барина входят разные интимные шалости. Мне просто надо подготовиться к расспросам. Это тоже логично. В первую очередь мне придется объяснять, почему я, воспользовавшись девичьей фамилии матери, два месяца работала в «Пирамиде», перед тем как эффектно рухнуть в объятия Аристарха Евгеньевича в зале ресторана. Что еще там может быть? Для того чтобы быть готовой давать ответы, я должна была сама прочитать этот отчет.

Распланировать дальнейшие шаги не получалось. Мне хотелось посоветоваться, например с Рашуком, но я боялась, что лифт прослушивается, к тому же кто поручится, что в моем личном мобильнике уже не установлен жучок. Значит, спланируем только первый шаг. Мне нужно отвлечь Баринова от кабинета, в котором стоит личный компьютер.

Я достала из кармашка мобильный, нажала иконку вызова, и когда вызываемый абонент снял трубку, громко, с чувством разрыдалась:

– Я сейчас умру...

– Таечка! Где ты?

С кем бы там ни общался Аристарх Евгеньевич в данный момент, я оказалась для него дороже.

– В лифте, – я подпустила в голос зловещей хрипотцы. – Застряла между этажами. Дядя Арик, у меня клаустрофобия... Я сейчас... Паническая атака...

Нажав на кнопку отбоя, я привалилась спиной к стене. Угловая камера подмигнула мне красным глазом. Определить, какой из лифтов вышел из строя, – дело трех минут. Я стала ждать.

Вызволяли меня с помпой, только прессы не хватало для полного

счастья. Аристарх стонал, просовывал в щель рученьки, я всхлипывала и часто-часто дышала, изображая паническую атаку. Работяги в одинаковых комбинезонах отжали двери. Самым сложным для них было оттащить от дверей хозяина, чтобы приступить к работе. Через три минуты я уже всхлипывала в объятиях господина Барина.

– Деточка, – он утешал меня, не забывая совсем не по-отечески оглаживать мои бедра.

Пусть. Плевать.

– Я сейчас врача вызову.

– Не нужно, – тихонько возражала я. – Со мной иногда такое случается. Вы меня просто с работы сейчас отпустите. Мне погулять на свежем воздухе надо.

Я выскользнула из мужских объятий, пошатнулась, прикоснулась к виску:

– Все в порядке.

– Пойдем прогуляемся, деточка, – дядя Арик властно притянул меня к себе.

А каблуки надо было пониже надевать, – мой будущий любовник был ощутимо ниже ростом, мне было видно его розовую макушку, просвечивающую сквозь редковатые волосы.

Прогулка на свежем воздухе обернулась настоящим путешествием. Четверка охраны присоединилась к нам по дороге, Аристарх вывел меня в широкий холл:

– Сережа, японцев утихомирь, наври чего-нибудь, сегодня я к ним не вернусь. Никита, хорошо, что ты здесь, мне группа наружки понадобится.

Никита Петрович Кузьмин кивал и вытирал лицо носовым платком.

– Идем, дорогая, – сказал мне Аристарх Евгеньевич. – Не беспокойся, мы воспользуемся самым большим лифтом, ты не успеешь испугаться.

– Дорогая? – визгливый женский голосок остановил нашу процессию.

Лерочка стояла у окна, уперев руки в изгибы бедер.

– Сережа, разберись, – вполголоса велел Барин и потянул меня за собой.

Что сделал Сережа, мне видно не было, но Лерочка успела добежать до вероломного любовника и вцепиться ему в горло. Меня отбросило к стене, и я упала бы, если бы меня не подхватил кто-то высокий и мускулистый.

– Пошел к черту, – пробормотала я Нагу.

– Это вместо благодарности? – шепнул он в ответ.

От его шепота по моей спине прошла горячая волна. Пощечину ему,

что ли, вlepить? Или в горло вцепиться по примеру юной коллеги по любовному четырехугольнику? А хотя... у нас один-один, я лишила ее Аристарха, она меня Нага, такой вот симметричный междусобойчик получился.

Наг уже отвлекся от меня, подошел к Баринoву, с видом доктора Айболита осмотрел ссадины у того на шее, затем достал из кармана плоскую коробочку и почтительно передал ее хозяину. Аристарх, не мешкая, ее открыл, извлек два золотистых шарика и бросил их в рот. Сережа, растерянный и виноватый, подал начальству открытую бутылочку минералки – запить.

– Таечка, дорогая, иди ко мне, – раскрыл Аристарх объятия.

– Хорошей прогулки, – сказал Наг мне в спину.

Я обернулась. За плечом Нага стоял Никита Петрович, судя по его лицу, находящийся на грани апоплексического удара.

Прогуливать меня решили за городом. Поэтому, погрузившись в два бронированных автомобиля, дружная компания, состоящая из меня, Баринoва, четверки наружки, одного немногословного личного телохранителя и двух водителей, отправилась в охотничий домик, который, как мне пояснили, находился неподалеку от Славигорского водохранилища.

В пути я была абсолютно беззащитна перед пощипываниями, оглаживаниями и быстрыми поцелуями в разные части тела. Кажется, в охотничьем домике меня собираются... гм... поймать. Жаль, месть свершится уже сегодня, а мне уже хотелось этот момент оттянуть. В Аристарха как будто каким-то волшебством вдохнули жизнь и молодость. Он вел себя как озабоченный мальчишка, даже всхлипывая от нетерпения. Мне показалось, что кожа на его руках стала мягче и макушка теперь не просвечивала сквозь волосы.

Мы почему-то не съехали на кольцевую сразу от «Пирамиды», а стали петлять по узким улочкам центра города. Особых пробок не было, вообще-то эта часть города была закрыта для частного автотранспорта, но водитель открыл окно и установил на крыше синюю мигалку, позволяющую обойти запрет. Невзирая на будний день, гуляющего народа в центре было много, работали уличные кафешки, уличные музыканты стояли, кажется, на каждом углу, и поодиночке, и небольшими ансамблями. Я смотрела в окно, борясь с желанием заехать любвеобильному господину Баринoву в лоб. Сопровождения он абсолютно не стеснялся, подол сарафана, понятно, что моего, был сдвинут к бедрам, голые колени поблескивали в полутьме салона. «На голову мне его задери, придурок!» – зло подумала я.

На углу рыночной площади у розовой клумбы стола тележка

мороженщика.

– Хочу мороженое, – сказала я капризно.

– Сейчас тебе купят, – дядя Арик отвлекся от моих коленей.

– Сама хочу купить, – я кривлялась как маленькая девочка. – Дай мне денег, пожалуйста.

Наличных у Баринова, разумеется, при себе не было. Несколько купюр нашлось у шофера. Я смяла в ладони бумажки и попыталась открыть дверь. Было заблокировано, поэтому шофер выскочил из машины и открыл дверцу снаружи. Арик оставлять меня не захотел, выбравшись из машины следом.

На улице было шумно, из боковой улочки на площадь выходил строй барабанщиков и горнистов. Славигорск гордился своим марширующим оркестром, и градоначальник выгонял их на улицы при каждом удобном случае. Музыканты отсекали нас от машин, но четверо охранников были рядом. Мороженщик слегка офонарел от обилия черных одинаковых костюмов, я сунула ему деньги и ткнула пальцем в витрину:

– Медовый шарик, пожалуйста.

Оркестр играл вальс «Дунайские волны». Я лизнула лакомство, обернулась к спутнику, чтобы сказать что-нибудь нейтральное. Но Аристарх Евгеньевич властно привлек меня к себе и поцеловал. Я почувствовала резкий вкус ментола. Поцелуй становился жарче и глубже, я боролась с тошнотой и желанием отстраниться, Баринов вжался в меня всем телом, демонстрируя мужскую готовность. Я разжала руку, мороженое упало на асфальт.

Аристарх отстранился на мгновение, чтобы перехватить воздуха, и я заметила синюшную каемку вокруг его губ.

– Человеку плохо! – заорала я. – «Скорую»!

Барин, закатив глаза, рухнул на мое мороженое, охранники подскочили. Кто-то в толпе уже вызывал медиков. Музыканты, сломавшие строй, толпились вокруг, на медных трубах играли солнечные зайчики.

– Не успеем до больницы, – сказал один из охранников.

– «Скорую» надо! – истошно заорала я. – Дефибрилятор. Да сделайте же что-нибудь!

Машина с красным крестом подъехала через три минуты:

– Сердцебиение есть, – сказал врач. – Грузите.

– Я с ним, – подбежала я к машине «Скорой».

– Вы родственница?

– Невеста.

– Залезайте, – разрешил врач.

Охранники попытались повторить мой маневр.

– Все невесты? – весело проорал врач. – Многоженство в нашей стране запрещено, как и гей-браки.

И подмигнул мне безо всякого мужского интереса. Я готова была его расцеловать. Хотя, если мои поцелуи вызывают сердечные приступы, пожалуй, воздержусь.

Баринов был без сознания. И глядя на его неживое лицо, я ощутила и радость, и злость, и удовлетворение. Ты сдохнешь, скотина. Очень скоро и крайне мучительно.

У приемного покоя больницы я вышла первой, посмотрела вослед каталке, на которой увозили Баринова, и спряталась за колонной, потому что вслед за «Скорой» подъехали машины охраны.

Что ж, первую ступеньку я преодолела. Сегодня господин Баринов до своего компьютера не доберется. Я поцеловала браслеты. Молодцы, девочки.

Глава 6. Клубок влюбленных змей

Наг

Змейка от него сбежала, воспользовавшись лифтом. Какая скорость! Даже не позволила ему объясниться. Это ревность?

Дайгон улыбнулся. Ничего, ночью он найдет ее и уже не отпустит. Рой появился в конце коридора, неся слегка наотлет бутылочку с красителем. Пилюли для Баринова были готовы, им оставалось их только раскрасить.

– Размолвка?

– Малышка ревнует.

– Понятно. – Рой прошел в лабораторию, подхватил с пола резиновую мумию и бросил ее в саркофаг. – Рашук счастлив, что нашел нам стальную змейку?

– По всей видимости, да.

– Что собираетесь с ней делать, капитан?

– Мы не можем ее здесь оставить.

– Это понятно. Значит, у нас новый член экипажа?

– Она прекрасно впишется в него.

– Я довольно старый рой, – он уже налил краситель в стеклянную плоску и теперь, подхватывая пилюли пинцетом, одну за одной опускал их туда, – и помню стальную змейку, служившую вашему прадеду. Она была хороша.

– Да?

– Но Таисия лучше.

Пилюли быстро просохли под лампой, Наг положил их в контейнер и вышел из лаборатории. Рой последует за ним чуть позже. Им не стоит показываться на людях вместе. В пентхаусе царил переполох. Наг остановил бегущую горничную.

– Блондинка новенькая, ну знаете, ногастая такая, – девушка показала руками что-то перед грудью, – покалечилась. Барин рвет и мечет.

Покалечилась? Он сбежал по лестнице не в силах ждать лифта. Таисия мелко дрожала в объятиях Аристарха Евгеньевича. Ран Наг не заметил, зато заметил хитрый блеск зеленых глаз. Его змейка что-то задумала.

Пока Лера скандалила. Наг успел перекинуться с Таей парой слов, она вибрировала на полную, дайгону было сложно держать себя в руках. Он

осмотрел начальство, убедившись, что рой успел поделиться своей частью.

– Эффект уже заметен, – вполголоса сказал он Баринову. – Еще две для закрепления.

Контейнер перекочевал из рук в руки.

– Приятной прогулки.

Змейка обожгла его изумрудным взглядом. Баринову можно было только посочувствовать.

Таусия

У меня не было денег. Кошелек я оставила дома. Это было проблемой. Сейчас мне предстояло каким-то образом добраться до «Пирамиды». Километров двенадцать. Эх, был бы у меня сейчас велосипед, который я, кстати, забыла вчера на стоянке торгового центра! Придется идти пешком. Не смертельно. Двенадцать километров? На каблуках?

Я обогнула здание больницы, стараясь держаться как можно дальше от проезжей части.

– Ручку дай, красавица, погадаю, – круглолицая пожилая цыганка ласково мне улыбнулась, блестя золотыми коронками.

– Не дам, – я покачала головой. – Денег нет.

– Все вы так говорите, – бормотала женщина. – А спрошу во второй раз, а в третий, а в четвертый, а в пятый...

Бормотание становилось все более неразборчивым, я даже наклонилась к ней, чтоб понять, что она там говорит. Речевку? Считалку? Наконец до меня дошло.

– Вы меня, тетенька, гипнотизировать здесь собрались?

Она испугалась, подхватила юбки, дернулась в сторону, я ухватила ее за воротник расшитой стеклярусом блузки:

– А вот я вас сейчас в полицию сдам, женщина. Среди бела дня! Да это просто немислимо.

– Пусти, – всхлипнула цыганка, – пусти, ведьма.

Я с удивлением поняла, что она действительно не может вырваться.

– Что тебе надо? – заплакала женщина. – Денег? Бери, все бери.

Она изогнулась и стала доставать из лифчика смятые купюры.

– Забирай все до копеечки, ведьма.

Я разжала пальцы, цыганка, высоко задрав многослойные юбки, уносила от меня через дорогу. Ну что ж, как говорится, деньги не пахнут. Я собрала с асфальта довольно внушительную сумму и отправилась к

стоянке такси.

На углу шла бойкая торговля какой-то дребеденью. Несколько лоточников предлагали приобрести домашние халаты замечательных вырвиглазных расцветок, безразмерное нижнее белье славигорской трикотажной фабрики, брелочки, ложечки, зубные щетки и прочую дребедень. Чуть в стороне торговали париками. Я остановилась. Длинный каштановый парик, надетый на ближайший манекен, мне понравился. Я купила его не торгуясь, а в соседнем лотке разжилась клетчатой ковбойкой. В таком наряде меня в «Пирамиде» никто не узнает. А еще я взяла дешевую зубную щетку и пасту.

Затем я свернула в ближайшее кафе. Время было обеденное, посетителям предлагалось готовое меню. Я сделала заказ, зашла в туалетную комнату и тщательно почистила зубы над умывальником. Мне было адски противно после поцелуев с Бариновым. Вернувшись к столику, я плотно поела, выпила две чашки кофе и, расплатившись, посетила еще раз «на дорожку» дамскую комнату. Там, перед грязноватым зеркалом, я стянула в плотную косу свои волосы и надела поверх каштановый парик. Красота – страшная сила. Рубаха была длиной до середины бедер, я даже не стала ее застегивать.

В таком виде я села в такси и без приключений доехала до торгового центра.

Пропуска у меня, разумеется, никакого не было, поэтому я собиралась пробраться в служебные помещения у фитнес-центра, а там воспользоваться вентиляционной трубой.

Что еще? Ах да. Я же хотела позвонить Рашуку. Телефонная будка стояла справа от входа. С развитием в нашей стране мобильной связи телефоны-автоматы пользовались все меньшим спросом у населения. Их почти не осталось. Но этот оказался рабочим. Я бросила в щель несколько монеток, открыла записную книжку мобильного и, сверяясь с ней, набрала номер. Рашук ответил после первого гудка.

– Змейка? Что это за номер у меня определился?

Я объяснила.

– Нелишняя предосторожность, – похвалил меня мальчишка. – Девять из десяти, что Баринов тебе в трубку жучок поставил. Излагай, что ты там делать надумала.

Я изложила.

– Кхм... – Рашук прокашлялся. – А ты уверена, что оно тебе надо? Ну просто, Аричка у нас мужичок немолодой, может, ты его уже поцелуем на тот свет отправила?

– Он жив. Врач сказал, у него хорошие шансы выкарабкаться.
– Так чего ты его в «Скорой» не облобызала в порыве чувств?
– Это было бы неизящно, – в трубке пискнуло, я опустила в щель еще пару монеток. – Он бы даже не понял, кто и за что его убил.
– Что ж... горжусь, чего уж там. Тогда действуй. Только вынужден тебя разочаровать, через торговые залы ты в пентхаус не проберешься.
– У меня уже это получалось. Помнишь, я даже тебя из твоих апартаментов вытащила и сканер сетчатки глаза обманула. Я переделалась сейчас так, что ни одна камера меня не опознает.
– А если опознает? Увольнением не отделаешься. Тем более ты помнишь, какой шум и гам на десять вечера запланирован? И это еще если не принимать в расчет вечеринку, которую нам всем придется пропустить.
– Ра-Шу-и-Ки, – устало проговорила я, – мой благородный учитель. Может, ты перестанешь говорить намеками, которые до меня не доходят, и поделишься с неразумной ученицей частичками своей мудрости?
– Вот это правильно, – мурлыкнул мальчишка. – Предлагаю тебе воспользоваться окном пентхауса.
– В смысле? Ты себе представляешь, какой там этаж?
– А ты себе представляешь, что такое левитрон полного доспеха?
Я ахнула. Полный доспех? Хочу-хочу-хочу.
– Значит, отправляйся за медом, его тебе понадобится очень много.
– Поняла.
– Потом дождись эвакуации торгового центра и действуй.
В трубке послышался какой-то шорох и дребезжание.
– Так, Тая-Таечка-Таисия, у меня тут дельце срочное, неотложное. Прощаюсь. Если что, звони.

И он отключился.

Мед я купила в супермаркете, смела в тележку пол стеллажа и остановилась только тогда, когда пластиковые баночки перестали в нее помещаться. Сложив покупки в плотную матерчатую сумку с логотипом «Пирамиды», которые продавались на кассе, я вышла из торгового центра. Сумка была тяжелой, наверное, скорее всего, но я несла ее абсолютно без усилий и, пройдя пару метров, закинула ее длинные ручки на плечо.

– Девушка, – мускулистый молодой человек заступил мне дорогу, – меня зовут Тимур и мне поручено передать вам привет... – он сделал картинную паузу, – от моего сердца. Оно вами очаровано.

Я взглянула через площадь на неплотные ряды нарядных многоэтажек. До десяти уйма времени, мне придется вломиться на чердак одного из этих домов, чтоб покормить девочек.

– Кстати, я живу вон там, – сказал Тимур, показывая на ближайшее к торговому центру строение. – Восьмой этаж. И, кстати, дома сейчас никого нет. Не желаете чаю?

Я желала. Восьмой этаж? Я очень желала. Тем более, у меня к чаю было килограммов тридцать сладостей.

Парень, не веря своему счастью, повел меня домой. Был он слегка туповат и обладал слегка, да нет, даже не слегка завышенной самооценкой. Он ощущал мои вибрации, но ослепленный победой, списывал их на свое личное очарование. В прихожей гостеприимный хозяин предложил мне переобуться в домашние тапки. Я согласилась. Ноги устали от каблучков. Сумку с медом я оставила у стены, присела в глубокое кресло.

– Вереск? Это фамилия?! Красиво... «А мне костер не страшен, пусть со мною умрет моя святая тайна, мой вересковый мед»

Тимур болтал, слушая свой голос. Я заметила спрятанный между книжными корешками окуляр видеокамеры. Боже, какой тупица! Поцеловать его, что ли? Легонько, без особой страсти? Но вредить абсолютно постороннему человеку не хотелось.

Я прошла взглядом по комнате, рассматривая семейные фотографии. У одной из них в голос рассмеялась. На ней Тимур стоял рядом со статной взрослой женщиной, в которой я узнала нашего главбуха Маргариту Александровну.

– Мама?

Он кивнул:

– В Египет отдыхать полетела. Так что хата гуляет.

– У тебя собака есть? – мне вдруг пришло в голову, что домашние животные моему плану могут помешать.

Он заверил, что нет. Тимур еще что-то говорил, я вообще не вслушивалась, я смотрела на его движения, на то, как он произносит фразы, на четкие, будто отработанные движения, которые за ними следовали. То, что он пытался со мной сделать, было сродни гипнозу. Ритм, дыхание, он постоянно мысленно сверялся с какой-то табличкой у себя в голове. Я поймала его прямой взгляд, резко наклонилась и взяла за руки:

– Смотри мне в глаза, мальчик. Тая-Таечка-Таисия говорит с тобой на твоём языке.

– Да, – он с усилием сглотнул. – Говори... те.

– Сиди здесь тихо, как мышка, Тая-Таечка-Таисия угостит тебя медом. Мед вкусный, полезный, сладкий...

Теперь я понимала, что имел в виду Рашук, когда говорил «продавить», ощущение, что я продавливаю какую-то мембрану, было

почти осязаемым.

– Сиди, – ласково сказала я Тимуру, – до тех пор, пока я не скажу «Таисия Вереск». Тогда ты отомрешь и начнешь меня обрабатывать. Как это называется? То, что ты хотел со мной сделать?

– Пикап, – опять сглотнул Тимур. – Ты моя сотая цыпочка.

Я покачала головой. Интересно, Маргарита Александровна в курсе, чем ее чадо занимается?

– Замри, – велела я Тимуру и отправилась в ванную.

Планировка квартиры была стандартной.

Я заткнула сток умывальника и вылила туда пару баночек меда. Браслеты погрузились в жидкость полностью, все шесть. На полу появилось липкое пятно, текло из сумки, я стала перебирать банки, обнаружила несколько поврежденных, видимо, тонкая пластмасса растрескалась под весом других. Я пошла на кухню и, используя всю оказавшуюся чистой посуду, спасла драгоценную субстанцию. Когда посуда на кухне кончилась, я взяла супницу из сервиза, стоящего в горке в гостиной.

Пока я суежилась, браслеты опустошили умывальник, их было восемь. Я налила добавку и, воспользовавшись городским телефоном квартиры, позвонила Рашуку.

– Ну ты даешь! – выслушав мой отчет, расхохотался мальчишка. – Пикап, говоришь? Ха-ха! Это приключение у этого Казановы надолго охоту отобьет. Ты его поцеловала?

– Продавила, – сказала я с гордостью. – Я же не хочу его убивать.

– Адрес диктуй, я подъеду, когда освобожусь, хотя нет, адрес не нужно, я его уже нашел, пикапера твоего.

– А подъедешь ты зачем? Я вроде и без тебя справляюсь.

– Сколько уже браслетов?

– Восемь.

– А будет шестьдесят четыре. Сможешь их все одновременно на себя надеть? Вот тут тебе твой старый учитель и пригодится.

– Да нет, ты не понял. Я на самом деле рада. Конечно, подъезжай.

Рашук явился через сорок минут, позвонил в домофон и, когда я нажала клавишу подъездного замка, скомандовал кому-то вполголоса:

– Восьмой этаж, в лифт заносите.

Когда я открыла ему дверь квартиры, на лестничной клетке кроме Рашука обнаружилось десять картонных коробок.

– Доставщиков я отпустил. – Рашук вошел, потеснив меня плечом, – Так что давай, змейка, ручками поработай. Сила увеличилась?

– Увеличилась. – Я подняла первую коробку, в ней оказались плотно стоящие баночки с медом.

– Лишним не будет, – Рашук прошел в ванную комнату, пересчитал браслеты, остался доволен их количеством, потом прошел в гостиную, помахал растопыренными ладонями перед лицом замершего Тимура и тоже, кажется, остался доволен.

Время шло к вечеру, темнело поздно, но шарик солнца почти скрылся из вида.

– Идеальное место. – Рашук сидел в плетеном кресле на балконе и потягивал что-то неприятно-бурое, составленное из всех напитков, найденных им в баре.

– Что? – я выглянула из ванной комнаты.

Попотеть пришлось изрядно, браслеты размножались, мед исчезал, я складывала пустые баночки в пластиковый мусорный мешок, постепенно заполняя его.

– Говорю, место хорошее, – благостно повторил Рашук. – При хорошей оптике можно рассмотреть... Таисия. Надень-ка пару браслетов и иди сюда.

Я послушалась. Вечерний ветерок приятно охлаждал щеки.

– Смотри туда, – махнул рукой мальчишка. – Напрягись. Что видишь?

Я поднесла к вискам руки, браслеты звякнули на запястьях.

– Пентхаус снаружи, балюстраду, окна. Вон то окошко, узенькое такое, как бойница, четвертое, если справа считать. Это окно туалета, в котором я заложила бомбу.

– Великолепно.

Я опустила руки, «Пирамида» отдалилась, как будто я смотрела на нее в перевернутый бинокль.

– Что это было, Рашук?

– Доспех, это был доспех, девочка. И это здорово. Ты превосходишь самые смелые мои ожидания. Сколько браслетов уже готово?

– Шестьдесят.

– Успеваем. Меда много еще осталось?

– Пара коробок.

– Пойдем, я тебе помогу.

В четыре руки мы опустошили коробки, выливая мед прямо в ванну.

– Раздевайся, – буднично сказал мой учитель.

– Зачем?

– Затем, – он сдернул с моих плеч ковбойку. – Не стесняйся, поверь, за свою долгую жизнь я видел тысячи голых женщин и с каждой из них у меня могло быть больше, чем может быть с тобой.

Меда в ванне оказалось немного, можно сказать, на доньшке. И, пока я снимала одежду, Рашук до упора открыл краны, добавляя туда воды.

– Лезь туда.

Я опустилась в желтоватую непрозрачную жидкость:

– Объясни мне про женщин.

– А чего объяснять? Змейки не для рашуков, мы их только создаем.

– А для кого?

– Ну вообще мы создавали вас для дайгонов, идеальных охранниц, идеальных спутниц. Это традиция, которая почти исчезла, если ты понимаешь, о чем я говорю.

– То есть, – возмутилась я, всплеснув руками, отчего вода пошла волнами, – ты сделал меня для своего капитана?

– Не хочешь капитана, можешь попробовать охранять Итиеша, – хохотнул мальчишка. – Он тоже дайгон.

Я фыркнула:

– Хорошо, что я скоро умру.

– Ты не умрешь, Тайка. – Мальчишка склонился к куче браслетов, высящейся на кафельном полу. – Во-первых, браслеты, скорее всего, справились с твоим редким аутоиммунным заболеванием.

Он проговорил последние слова, кривляясь и явно пародируя мой тон.

– А если этого будет недостаточно, мы подлечим тебя в регенерационной капсуле. Наши технологии справлялись и не с такими проблемами.

Ну да, если сравнить, каким был его капитан, когда я его первый раз увидела, и каким он стал сейчас, можно поверить и в мое излечение.

Рашук надел на меня пару браслетов.

– Я ненавижу Нага, – сказала я в пространство. – Если у меня будет выбор, я предпочту сердцеда.

– Нага? – Вторая пара браслетов щелкнула на запястьях. – Ну, видишь, вы уже почти подружились, он доверил тебе свое имя.

– Я застала его с Лерой, – начала я ябедничать. – Они занимались сексом, я вошла и испортила им все малину.

– Наг ее вот так обнимал? – быстро перебил меня Рашук и показал как.

– Похоже, – я приподняла руки, принимая на них еще пару браслетов.

То ли от того, что я сидела в непрозрачной воде, то ли еще по какой причине, но браслеты, соприкоснувшись с моей кожей, теряли серебристый цвет, становясь прозрачными, почти невидимыми. И еще, кажется, они сползали по плечам к груди, обволакивая тело плотным коконом.

– Тогда при случае передай разлучнице от меня одно слово.

– Какое?

– Муравейник.

Я ничего не поняла, но расспрашивать дальше не стала. Было сонно и как-то томно, кожу изнутри будто покалывали тысячи тоненьких иголочек. Ощущение было скорее приятным.

Рашук бормотал что-то себе под нос, подхихикивал и все надевал на меня части доспеха. Когда последние кольца защелкнулись на моих запястьях, он удовлетворенно хлопнул в ладоши:

– Вставай! Походи, привыкни к ощущениям.

Доспех был абсолютно прозрачным, поэтому, чтоб не выглядеть голой, я натянула поверх свой сарафан. Мокрый ниже плеч парик прилип к спине. Почему я его не сняла, перед тем как ванну принимать? А, плевать.

– Ты меня каким-то чудовищным весом доспеха пугал, – я попрыгала на месте. – Почему я тяжести не чувствую?

– Через несколько часов все ощутишь, в полном объеме, – зловеще пообещал мальчишка.

Было почти десять. Тимур все так же сидел на диване, уставившись в одну точку.

Я опустилась в кресло, у которого стояли домашние тапки.

– Да уж, Таисия Вереск, – сказал из коридора Рашук.

– Пришел король шотландский
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

Тимур отмер, услышав кодовое слово, и начал свое пикаперское соблазнение по второму кругу. Это было страшновато. Рашук неподвижно стоял в коридоре, наблюдая, как я собираюсь справиться с новой проблемой.

Я улыбнулась Тимуру и подала свою реплику. Текст повторялся практически дословно, в какой-то момент я стала получать удовольствие от фантасмагоричности происходящего.

– Тебе, наверное, неудобно в кресле? Давай, ко мне. Диван длинный, мы вдвоем поместимся.

Я вытаращила глаза. Про диван уже было?

– Фильм какой-нибудь могу поставить. Ты что хочешь посмотреть?

Я посмотрела на настенные часы. Секундная стрелка подползла к

верхней точке.

– Сегодня, в двадцать два ноль-ноль я хочу смотреть на пожар.

За окном рвануло, запыкали автомобильные сигнализации. Меня буквально вынесло из кресла. Левитрон направлял движения. Я практически парила над полом. Шторы разъехались в стороны. «Пирамида» полыхала багровым заревом, через плечо я укоризненно посмотрела на Рашука. Потешная, говорите, дымовуха?

– Это торговый центр? – взвизгнул Тимур.

– Он самый. – Я сдернула с головы парик и тряхнула своими волосами. – ТЦ «Пирамида» – надежда и оплот городской экономики. Правда, красиво?

Я куражилась, кривлялась, в меня будто вселился бесшабашный дух трикстера.

– Ты блондинка!

– Иногда, – я захохотала, глядя, каким испугом искажается лицо незадачливого пикапера. – Если ситуация того требует.

– Что тебе от меня нужно? Денег?

– Денег всем нужно, – я подошла к парню, чтоб через его плечо показать язык безмолвному Рашуку. – Только твоих финансов мне для счастья не хватит.

– Тогда чего?

По щетинистым щекам детинушки потекли слезы.

– Не бойся, мышонок. Я тебя не обижу. Замри и слушайся дядю Рашука. Отомрешь на слово «синхрофазотрон», его вряд ли кто-нибудь произнесет при тебе случайно.

На улице была суматоха, истошно выли пожарные сирены, из громкоговорителей звучали неразборчивые мужские голоса. Началась эвакуация.

– Что теперь? – через плечо неподвижного Тимура спросила я своего учителя.

Мне показалось, что я увидела в глазах Рашука тень такого ж, как у Тимура, испуга.

– Лети, змейка, – сказал мальчишка. – Я буду ждать тебя здесь.

Он взял меня за руку, мы вышли на балкон.

– Меня заметят.

– Не заметят. – Он потянул за бретельки сарафана, который тут же упал к моим ногам. – Доспех сделает тебя невидимой.

– А ты не мог мне заранее полную инструкцию пользователя надиктовать? – за сварливым тоном прятался страх, потому что высоты я

боялась.

– Ты не пользователь, госпожа моя, ты владелица, – он проговорил это благоговейным шепотом, а потом толкнул в грудь, перебрасывая через невысокие перила.

Я даже заорать не смогла, таким невыразимым ужасом меня накрыло. Я зажмурилась до слез, сжала зубы до скрипа и досчитала до десяти. Этого хватило бы на то, чтоб свалиться с высоты восьмого этажа и разбиться в лепешку. Осторожно открыв глаза, я убедилась, что левитирую, зависнув напротив Рашука.

Он показал что-то такое руками. Я повторила жест, меня развернуло и я, вытянув вперед правую руку как чертов супермен, полетела в сторону «Пирамиды». Внизу копошились люди. Полицейские гнали от стен стайку нарядно одетых барышень. А ведь это я уже вторую вечеринку людям порчу. Сначала покушением на Барина, теперь вот – взрывом и поджогом.

Самое сложное было – протиснуться в бойницу туалетного окошка. Мне пришлось сложиться чуть не вдвое и долго дергать застрявшей в раме головой. Бесшумно спрыгнув на кафельный пол, я оказалась в плотном дыму. Сработали пожарные брызгалки, поэтому меня еще и намочило. Я прошлепала к выходу, благо мебели, за которую можно запнуться, в туалетах не бывает, вывалилась за дверь и закрыла ее. Было темно, электричество отрубили. Я продышалась, очищая легкие, потом поднесла запястья к вискам и убедилась, что доспех сработал прибором ночного видения. Что делать дальше, я знала.

Кабинет Барина был заперт. Я вышибла дверь ударом ноги, пожар все спишет, и ринулась к столу. Компьютер стоял там с почти полной батареей, в чем я с удовольствием убедилась, включив его. На секундочку обожгла страшная мысль, что, если Барин запаролит свой ноут, все мои старания пойдут насмарку. Я нажала клавишу «энтер», выскочило окошко пароля. Я похолодела и нажала «энтер» повторно. С заставки мне улыбалась хорошенькая Лерочка. Бинго! Видимо, помешанный на безопасности Барин был уверен, что до его личного компьютера никому не удастся получить доступ.

Отчет нашелся в текстовых файлах. Я пробежала его глазами. Ничего особенного. Да, Таисия Берг под фамилией Вереск проработала в «Пирамиде»... Отзывы положительные... Коэффициент...

А зачем я вообще здесь? Если я не умру через две недели, Рашук мне это пообещал, если я не умру, смогу ли жить дальше после того, как отомщу?

Я пару минуток подумала, листая страницы и ничего на них не видя. Перед глазами проносилась череда больниц и больничек, нищета детского дома, операции, наркозы, лица родителей.

Смогу. Мечь – это мечь, а жизнь – это жизнь. У меня будет жизнь. А Баринов ее недостоин. Око за око! Судьба подарила мне шанс на продолжение. Что ж, поблагодарим судьбу и добрых инопланетян, решивших, что я подхожу на роль стальной змейки. А еще спасибо девочкам, которые выбрали меня своей хозяйкой. А еще... вот Нага я благодарить не буду. Пошел он... Я так ему при случае и скажу.

Компьютер пикнул, принимая сообщение электронной почты. Несмотря на отключение электричества, ноутбук Баринова оказался присоединен к мировой сети. Мобильный интернет, – опознала я иконку в нижнем углу монитора.

Я открыла сообщение не потому, что оно меня интересовало. Пальцы действовали автоматически.

Уважаемый Аристарх Евгеньевич. Я получил ваш личный адрес электронной почты ценой невероятных усилий...

Глаза скользнули вниз. Подпись – Дмитрий Шторм. Доктор Шторм? Я вернулась к тексту письма.

В прикрепленном файле небольшой видеоролик, который убедит вас в том, что я обладаю всей необходимой информацией. Свяжитесь со мной по этому телефону, как только его посмотрите. О цене мы поговорим при личной встрече...

Я кликнула на значок-скрепку, плеер автоматически открыл приложенный файл.

Девушка в расстегнутой на груди блузке сидела на стуле, откинувшись на его спинку. Лица видно не было, его замазали в видеоредакторе. Копна белокурых волос спускалась ей на плечи из дымчатого облака.

– В третий раз я воспользовалась помповым ружьем, – монотонно говорила она.

Голос тоже изменили.

– Я спрятала его под балахоном. Из-за птичьей маски хорошо прицелиться не получилось, я спряталась за колонну...

В кадре появилась мужская рука, накрывшая правую грудь девушки.

– Продолжай, милая...

Мужской голос тоже был изменен, но кольцо на безымянном пальце я знала. Доктор Шторм. Он сжал пальцы, массируя, на экране появилась вторая рука.

Желудок свело спазмом, я открыла ящик стола и меня туда вырвало.

Потому что я знала, кого так бесстыдно ласкает Дмитрий Шторм, знала этот пятнадцатисантиметровый шрам, идущий почти через всю грудину. На видео была я, Таисия Вереск, несколько дней назад.

Письмо я стерла, потом подчистила историю скачиваний, потом кеш, а потом в исступлении просто запустила форматирование. Черт! Черт! Черт! Уродский гипнотизер! Насильник! Чудовище!

Ноутбук треснул, монитор раскололся, клавиши бусинами посыпались на столешницу. Я вскочила со стула. Хотелось крушить, ломать и кричать в голос. Я выбежала из кабинета, понеслась по коридору. Я не видела, куда именно бегу, зацепилась за что-то плечом. Но меня это не остановило. Я выбросила вперед кулак, с хрустом ударила, на пол посыпалась штукатурка.

– Что происходит?

Кто-то зашел сзади. Я развернулась на пятках, ударила, подпрыгнула, ударила ногой. Меня блокировали, дернув за щиколотку, повалили на пол. Я откатилась, получила удар в голень, от которого взвизгнула. Мой противник навалился на меня сверху, придавливая всем телом, резко дернул за плечо, разворачивая на спину.

– Тебе еще учиться и учиться, змейка, – зло сказал Наг и буквально впечатался губами в мой рот.

– Да пошел ты, – могла бы сказать я, если бы мне было чем, вместо этого исступленно ответила на поцелуй.

Он опять был почти голым, стянуть его набедренную повязку было секундным делом. Я обхватила его ногами, протяжно застонала. Доспех мешал невероятно. Я отщелкнула правый запястный браслет, отчего все они посыпались на пол, звеня как тысячи колокольчиков. Или это звенело у меня в ушах. Резкая боль была мгновенной и даже доставила мне некое извращенное удовольствие. Наг что-то неразборчиво пробормотал. Я испугавшись, что он перестанет, изогнулась бедрами ему навстречу, проорала:

– Еще! – И закружилась вместе с ним в древнем, как сама жизнь, ритме.

Это было ни на что не похоже, резко, бешено, прекрасно.

В какой-то момент он повернулся, я оказалась сверху, уперлась ладонями в плотные мышцы его груди.

Мигнули потолочные лампы, я на мгновение увидела его запрокинутое лицо, искаженное гримасой наслаждения, и застонала. Лампы опять потухли, он схватил меня за бедра, подался вперед и вверх. Его стон скорее походил на звериный рык, он разнесся, казалось, по всем пустынным этажам «Пирамиды».

А потом я бесконечно долго лежала на его груди, свернувшись калачиком, а Наг гладил мои плечи и спину. Мы молчали.

– Если бы я знал, что это твой первый раз, я попытался бы проявить осторожность, – наконец шепнул он, прикусив мне мочку уха.

– Ты еще не сдох? – вяло огрызнулась я. – Когда смертельный яд стальных змеек отправит тебя в поля камыша?

– На дайгонов он действует, – в голосе Нага звучал притворный испуг. – Так что, если ты таким сладким образом пыталась меня победить, я вынужден тебя разочаровать.

– Я что-то такое подозревала, – чтоб зевнуть, пришлось уткнуться лицом в его грудь, – если ращуки создавали змеек для дайгонов, они должны были предусмотреть момент с сексом. Змейки привлекательны, и, если дайгон – мужчина, он может рано или поздно не устоять...

– Это был рой, – перебил меня Наг. – Лера, которую ты видела со мной, это не Лера, а бортовой компьютер.

– Зачетное вранье! – восхитилась я почти искренне. – И часто ты занимаешься сексом с бортовым компьютером?

– Я его обнимал для большей площади контакта. Это как... Ну как флешку у вас засунуть.

– Засунуть флешку – это такой особенный инопланетный эвфемизм?

Неожиданно зажегся свет. Я поднялась, покачнувшись. Утешало, что у Нага от долгого лежания на твердом полу сейчас должна болеть спина. А с доспехом что делать? Снять его, как оказалось, проще простого, а как теперь обратно надеть?

Я посмотрела на россыпь совершенно одинаковых колечек.

– Держи, – Наг выбрал вполне уверенно.

Я надела браслет на правую руку. Тут же все они ожили, брэнча друг о друга, как рой диковинных насекомых.

– Второй.

Левое запястье потеплело. Громкий звон возвестил о том, что мой доспех возвращается на место. Наг поднялся на ноги.

– Прощай, – независимым голосом проговорила я в пространство.

Его набедренная повязка валялась метрах в пяти дальше по коридору, я отводила глаза и краснела.

– Куда ты собралась?

«Не твое дело», – хотела я ответить, но коридорную тишину нарушал мерный звук шагов. Может, сюда наконец добралась пожарная команда? Но это, звонко цокая каблучками, к нам приближалась Лерочка. В отличие от меня, нагота Нага ее нисколько не смутила.

– Муравейник, – вспомнив Ращуков наказ, громко сказала я.

– Хлеб и пиво, барышня, – улыбаясь ответила Лера. – Мелкий опять меня вычислил.

По этому «хлеб и пиво» и по «барышне» я его узнала.

– А зачем вы сегодня утром Баринова душили, если вы не Лера? И куда настоящая Лерочка подевалась?

– Она уехала, – ответил за роя Наг. – А физический контакт с Аристархом ему был нужен, чтоб незаметно поделиться с ним генетическим материалом. Я же геронтолог, мои лекарства должны на клиента действовать.

– Я думала, Леру выгонят после скандала.

– Господин Ищук не смог, – рой мне подмигнул.

И улыбаясь Лерочкиным ртом, он пустился в объяснения того, как крошечные букашечки, из которых он состоит, могут повлиять на белковое тело.

Я слушала вполуха, потому что со спины ко мне подошел Наг и обнял. И сквозь доспех я чувствовала, что он не против повторить.

– Значит, получается, я для вас шутейную бомбу заложила? – спросила я, когда рой смолк.

– Мы искали логово Итиеша, нам нужна была свобода действий.

– Нашли?

– Логово, да. А Итиешу удалось бежать.

– Скорее всего, он узнал, что мы у него на хвосте, – сказал рой с сомнением. – Хотя непонятно, каким образом. Если я вам сегодня больше не понадобится, позвольте откланяться. Господин Ищук очень переживает, когда я покидаю его надолго.

Капитан его отпустил.

– И что теперь? – спросила я.

– Будем искать Итиеша. – Наг немножко отодвинулся, мне стало легче дышать. – А сейчас, желанная, я хочу, чтоб ты легла в регенерирующую капсулу и не ерзала в ней, пока мы будем проводить диагностику.

– Не сейчас. У меня есть дело.

– От которого я тебя отвлек?

Я покраснела:

– Именно.

– Ну, раз я виноват, мне придется исправлять свою оплошность.

От его улыбки у меня заныло в груди. Я не умру. С этим мужчиной я смогу быть очень-очень долго, я могу видеть его улыбку еще миллионы раз. У меня защипало глаза от готовых хлынуть сентиментальных слез.

Наг сказал, что пойдет со мной, что бы я ни намеревалась делать. Он потащил меня в свою спальню, от пожара не пострадавшую, с сожалением посмотрел на кровать, но достал из гардероба какую-то одежду.

– Одолжи и мне что-нибудь, – попросила я. – Не думаю, что мне стоит идти туда в таком виде.

Кивнув, он потянулся глубже в недра шкафа, откуда протянул мне розовый спортивный костюм и беговые кроссовки.

– Рой оставил здесь несколько комплектов дамской одежды. Не думаю, что он будет против, если ты этим воспользуешься.

– Как будем выходить? – спросила я, застегивая молнию спортивной куртки.

– Наверное, через окно.

Что он несет? Я-то в доспехе, мне это несложно. А он...

Пока я злилась, Наг сдвинул в сторону оконную раму, шагнул на подоконник и подозвал меня:

– Сможешь принять часть моего веса на себя? Доспех справится?

Я сомневалась, поэтому капитан схватил мою руку и прыгнул, увлекая меня за собой. Доспех справился, замедляя падение. У самой земли Наг отпустил руку и мягко, по-кошачьи приземлился на асфальт.

– Ну и где живет твой доктор Шнупс? Ты знаешь, а ведь я впервые вижу небо вашей планеты...

– Не Шнупс, а Шторм, – у меня опять увлажнились глаза, и, чтоб скрыть это, я говорила ворчливым тоном.

А кстати, интересный вопрос. Где живет Шторм, я не знала. Но для связи Баринову он оставил стационарный телефон офиса, его я помнила наизусть, потому узнала. Значит, вероятность того, что Дмитрий сейчас в офисе, велика. Он ведь думает, что Баринов кинется ему звонить, как только посмотрит видео.

– Знаешь, нам придется вызвать такси, там километров восемь, а городской транспорт ночью не ходит.

– Что вы тут делаете? – молоденький охранник вышел из-за угла.

– Гуляем, – брякнула я первое, что пришло в голову.

– Бегаем, – поправил меня Наг.

И мы побежали по ночному городу.

Доктор Шторм

Димочка был трезв и собран как никогда в жизни. Он отправил Баринову письмо около двух часов назад, но тот не откликнулся. Что произошло? Друг детства журналист Еськов, поделившийся адресочком, уверял, что Аристарх Евгеньевич проверяет почту ежеминутно. Может, он не поверил, может, еще не читал, может...

Илона совершенно озверела, стала требовать от него ребенка, и Дмитрий, которому физически неприятно было щупать ее мясистые телеса, был вынужден исполнять супружеский долг каждый раз, когда жена решала, что температура, день цикла и расположение звезд способствуют зачатию. Это выматывало.

Шторм сбежал в свой офис, воспользовавшись тем, что супруга отправилась в салон красоты, и не собирался возвращаться домой. Ему срочно нужны деньги, он не выдержит насилия больше ни дня.

Доктор Шторм поморщился, выпить хотелось до обморока. Вот с Таечкой Вереск он бы исполнил все детозачательные процедуры с большим удовольствием. Даже немножко жалко, что ничего у них и не случилось. Если бы произошло чудо и Таисия еще один раз явилась бы к нему на сеанс...

Телефон зазвонил, Шторм сорвал трубку и разочарованно выдохнул, звонила женщина.

– Простите за поздний звонок, Дмитрий Яковлевич, это Таисия.

Легка на помине.

– Ничего страшного, Таечка. Что с вами случилось?

– Мне очень плохо, доктор, – девушка на том конце провода всхлипнула. – Вы позволите мне прийти?

Димочка выдержал паузу, за которую малышка, наверное, успела испугаться отказа, предвкушающе улыбнулся и ответил:

– Конечно, приходите, Таечка.

– Я имею в виду сейчас...

Раздался стук во входную дверь. Доктор отпустил трубку, подбежал к глазку.

Боже, какое счастье, что Илона настояла на двойном дверном полотне, укрепленном металлом, на титановых петлях и прочих предосторожностях. Шторм накинул цепочку, задвинул засов, защелкнул замок.

– Кто там?

Приникнуть к глазку он не успел, дверь слетела с петель, Дмитрия

отнесло к стойке ресепшена. На пороге стояла Таисия Вереск в розовом спортивном костюме.

– Спасибо, доктор, – сказала она и громко, зло расхохоталась, опуская в карман мобильный телефон.

Таечка явилась к нему не одна. От мысли звонить в полицию Дмитрий отказался сразу, только взглянув на ее спутника: настоящий уголовник, головорез, бандит и убийца. Огромный, как шкаф, и опасный, как крокодил перед броском. Он так многозначительно раздул ноздри, будто принюхиваясь, так громко хрустнул пальцами, разминаясь, что доктор понял: если что, убьет, просто оторвет голову.

Его невежливо пихнули в кресло для посетителей. Бандит был выше рослого Шторма сантиметров на тридцать и, соответственно, массивнее. От толчка доктор буквально впечатался в кресло, продавив поролоновую обивку до самого корпуса. Его не привязали, не приставили к виску пистолет или нож к горлу. Если бы Дмитрий Яковлевич подавил панику, мешающую ему думать, он бы понял, что ночные гости ничем не вооружены.

Тая села за стол, включила компьютер, стала увлеченно просматривать файлы, а ее подельник обошел кабинет, будто принюхиваясь, сдвинул в сторону картину, скрывающую сейф и... открыл его, как будто это не требовало никаких усилий.

– Это какие-то носители информации? – он спрашивал не Шторма, а Тая, обернувшись через плечо.

– Их уже почти не используют, – ответила девушка.

– Эти носители подписаны, – он бросил стопку на стол. – Доктор Шторм не удосужился как-то их зашифровать.

Таисия схватила наугад один из дисков, было заметно, что руки ее дрожат, буквально сорвала с него картонный конверт и вставила диск в дисковод.

Из динамиков полились звуки секса.

– Какая гадость, – сказала Тая.

Громила обошел стол.

– Она в гипнотическом трансе, – внимательно глядя на экран, проговорил он, – не осознает, что делает. Фиксация взгляда, расширенные зрачки, фасциляция – дрожание век...

– Может, наркотики? – спросила Тая и вставила следующий диск.

– Нет, – громила качнул головой.

Димочка подумал, что он серьезно попал, а также, что у Таечкиного подельника на редкость густая шевелюра.

Уголовник смотрел на экран не отрываясь, его смуглое инородное лицо было абсолютно неподвижно. Звук не было, видимо, Таечка его отключила.

«Кто там? Кто?» – томился доктор Шторм.

Громила отвел взгляд от монитора и медленно подошел к пленнику.

Димочка вжался в кресло и вздрогнул, когда страшный человек взял его за руку.

– Я ничего с ней не делал, только разговаривал! – взвизгнул Димочка. – Ну потрогал немножко, от нее не убудет. Коитуса не было. Вы должны это учитывать!

У страшного человека были страшные глаза, чернее ночи, он кивнул, как бы признавая Димочкину правоту, а потом легко сломал ему палец. Раздался противный хруст, доктор Шторм зарыдал от боли. Но садист не успокоился, он методично ломал палец за пальцем. Димочка хотел лишиться чувств, хотел перестать слышать этот мерзкий хруст, хотел, чтобы все наконец закончилось. Десять! Все? Он же не будет ломать ему пальцы на ногах или будет?

Его спасла Таечка. Дай ей бог здоровья на оставшиеся пару дней. Она тронула разбойника за плечо:

– Пойдем, желанный, я уже все сделала.

Димочка не понял, что именно она сделала, поэтому вознес благодарственную молитву небесам.

Подельники ушли, оставив его в одиночестве, прихватив диск, на котором он записывал свое общение с Таисией. Остальные диски остались на письменном столе. Доктор Шторм пытался их собрать калеченными руками, одновременно активируя голосовой набор мобильного, чтоб вызвать «Скорую помощь» и полицию. Кисти распухли и не слушались.

– Помогите! – закричал он в отчаянии. – Помогите кто-нибудь!

– Дмитрий Яковлевич, что с вами? – В приемную вбежала медсестра Леночка, верная соратница, которая жила неподалеку от работы.

– Слава богу! – заплакал Шторм. – Леночка, смотрите, что они со мной сделали!

Но Леночка смотрела на стол, на диски, которые ему так и не удалось убрать.

– Сейчас посмотрю, – сказала она со значением и выхватила картонный конверт с надписью «Лена Иванова, медсестра».

Когда не было пациенток, доктор развлекался с коллегой. Она впадала в транс от ключевой фразы «Давайте пошалим».

– Мне в месенджер сообщение по рассылке пришло, – девушка уже

возилась с дисководом. – Там семь номеров было, в рассылке, думаю, зрителей у нас с вами скоро прибавится.

«Давайте пошалим», – раздалось из динамика, доктор Шторм подумал, что это его шанс. Медсестричка сейчас впадет в транс, и все еще можно будет исправить.

– Вы слышите? – дрожащим голосом сказал он. – Давайте пошалим, Леночка.

– Обязательно, – ответила та, протягивая к нему руку, в раскрытой ладони блестела расстегнутая английская булавка, измазанная кровью. – Болевой шок мешает расслабиться, не правда ли, доктор?

Дмитрий рухнул в кресло и отключился. Сознание возвращалось к нему урывками. Кто-то приходил, кто-то визжал у него над ухом, кто-то дергал за волосы, щеки обжигали пощечины. Сколько это продолжалось, он не знал. В бреду ему слышался голос Илоны и даже тестя, тот бурчал что-то вроде: «Пададь, как ты мог так меня подставить?» И какая-то женщина редела: «Я позора не испугаюсь, пусть он под суд пойдет».

Наг

Таисия перегнулась через парапет и бросила в реку компьютерный диск.

– Ну вот и все.

В офисе доктора Шторма было многолюдно, они наблюдали из подъезда противоположного дома, как к нему заходили женщины, которым Тая разослала сообщения, как приехала жена на представительском автомобиле с мигалкой в сопровождении своего отца.

– Все правильно, – шептала Тая, прижимаясь к Нагу всем телом, будто ища защиты. – Женщины, над которыми он надругался, должны решить, что с ним делать. Так тому и быть.

Наблюдательный пост они покинули, когда во двор дома въехала машина полиции, и побрели куда глаза глядят, просто наслаждаясь тем, что они рядом, что теплая ночь подходит к концу. Рассвет застал их на набережной. Тая выбросила диск, как будто похоронив часть своего прошлого в водах реки Славь.

– Мстить приятно? – спросил Наг, привлекая ее к себе.

– Противно, – она сморщила носик, собираясь заплакать. – Не знаю, хватит ли у меня сил поступить правильно с Бариновым.

– Хочешь, я принесу тебе его голову?

– А ты сможешь? – Она хихикнула. – Хотя дурацкий вопрос. Как визжал Шторм, когда ты ломал ему пальцы!

– Насильников нигде не жалуют. И он посмел прикоснуться к моей женщине.

– Что с нами будет, Наг? – доверчиво и невпопад спросила она.

– Мы будем вместе, так или иначе.

– Почему? Потому что я змейка?

– Потому что ты моя змейка, – он поцеловал ее в уголок рта, потом в глаза. – Не нужно думать почему, давай просто принимать то, что дает нам судьба.

– Я согласна, желанный.

Она тихонько зевнула:

– Меня Рашук, наверное, заждался. Ты хотел еще засунуть меня в саркофаг?

– Проведем диагностику уже на корабле, – Наг обнял ее за плечи, они медленно пошли вдоль реки. – Рой займется доставкой капсулы туда.

– А где ваш корабль? Где-то в горах?

– Он на орбите, глупышка, никто не опускает такие вещи на планеты.

– Вы его починили?

– Команда уверена, что да. Я не мог в этом участвовать, как ты понимаешь.

Он проводил ее к многоэтажному строению, из которого она вечером перелетела в «Пирамиду».

– Пока, – просто сказала Тая. – Скоро увидимся, не покидай меня надолго.

В груди кольнуло плохое предчувствие. Он мог не возвращаться туда, мог остаться с Таисией, но Итиеш еще не найден, поэтому легенду, заграничный геронтолог на службе у Аристарха Евгеньевича, необходимо поддерживать. К тому же рой был там, изображая волоокую Леночку. И Наг с неохотой отпустил свою стальную змейку.

О вчерашнем пожаре не напоминало почти ничего. Охранник служебного входа провел личный досмотр, проверил пропуск, не подозревая, что внимательно рассматривает пустоту. Нагу пришлось слегка продавить служаку, чтоб он увидел то, чего не существует. Он поднялся на лифте, сообщил следующему охраннику, что выходил на утреннюю пробежку, и подвергся еще одному досмотру. В коридорах сновали уборщицы. Наг вспомнил, чем он занимался ночью в этом коридоре и с кем. Это все нужно будет повторить при первой же возможности. То есть не драку и разрушения, а то, что за ними последовало. В первый раз он был

недостаточно нежен и вынослив, он слишком хотел свою змейку. Теперь нужно будет постараться, разбудить в ней не только страсть, но и любовь. Проходя мимо столовой, он задержался, оттуда доносились вкусные запахи свежей выпечки и кофе. Приветливая официантка выглянула в коридор:

– Извольте позавтракать, господин Наг.

Девушка его знала. В прошлый свой визит сюда он перекинулся с ней парой слов. Дайгон улыбнулся:

– Ну раз вы приглашаете.

Завтрак занял около получаса. Тогда Наг не знал, что теряет драгоценное время. В столовой, несмотря на ранний час, было довольно многолюдно. Многие менеджеры стремились перекусить здесь перед началом рабочего дня. Кофе был крепчайшим, выпечка – нежной и вкусной, заправленный йогуртом фруктовый салат – свежим. Разыгравшийся после бурной ночи аппетит заставил его буквально смести все со стола и попросить добавки.

Так что когда Наг вошел в свои апартаменты, в «Пирамиде» уже начался рабочий день.

– Капитан, у нас проблемы. – Рой выбежал из лаборатории, цокая каблучками. – Взгляните.

Аристарх Евгеньевич Баринов, склонившийся над саркофагом, повернул голову к вошедшим. Из рта мужчины свисал кусок жеваной резины.

– Что с вами?

– Он безумен, – сообщил рой. – Мне не удастся привести его даже в подобие нормы.

– Когда он появился?

– Его привезли из больницы после полуночи. Я слышал, как его транспортировали в апартаменты. Сергей, навестивший хозяина, сказал, что тот чувствует себя неплохо, но врачи рекомендовали ему еще пару дней полежать. Потом, около четырех, на мобильный Сергею поступил вызов. Он собрался и ушел. Через час рассвело, я прошел в спальню к Баринову. Там никого не было, ни Аристарха, ни Сергея.

Баринов все чавкал резиной. Если бы его сейчас увидела Таисия, интересно, посчитала бы, что ее месть свершилась?

– В лаборатории я был около пяти, Баринов сюда явился минут сорок назад.

– Зачем он жует мумию, он вам объяснил?

– Он считает, что поедание мумифицированной плоти даст ему вечную молодость, – пожал плечиками рой. – Мы сами внушили ему эту мысль.

– Власть, богатство, вечная жизнь и медовая конфетка Таечка, – дребезжающим старческим тенорком пропел Аристарх Евгеньевич.

– Вы пытались его допросить?

– Да, – ответил рой, – он абсолютно невменяем. Думаю, нам следует еще раз осмотреть логово. Я не рискнул спускаться туда в одиночку.

– Вы правы, идемте, а затем транспортируйте регенерационную капсулу на корабль.

– Я уже сделал это, капитан. Капсула на корабле, а это, – он повел подбородком в сторону саркофага – подделка под Древний Египет из запасников нашего безумного хозяина.

Они вышли из апартаментов, Баринов семенил следом, держа в зубах резиновую мумию как собака поноску.

– Что заставило вас так спешить, рой?

– Предчувствие, капитан.

В груди Нага во второй раз за это утро кольнуло.

Труп Сергея они нашли в тронном зале, усыпанном человеческими костями.

– Серый, – пискнул Баринов. – И Лера.

Сумасшедший поднял с пола гладкий, будто обглоданный дочиста человеческий череп. Хотя почему будто бы? На теменной доле четко различались следы зубов.

– Значит, юная Лера не уехала, – задумчиво сказал Наг. – Не успела. Бедная девочка.

Тронный зал этот они осмотрели вчера тщательно, но, конечно, не смогли опознать останки бывшей любовницы Аристарха Евгеньевича.

– И, значит, ваше, рой, появление в роли госпожи Козловой стало для Итиеша неприятным сюрпризом.

Рой кивнул, но как-то нервно, кажется, приходила пора очередной трансформации, ему становилось трудно удерживать форму.

– Расслабьтесь, – разрешил капитан. – Уже нет нужды притворяться.

Штурман и бортовой компьютер выдохнул с благодарностью и моментально осыпался на мозаичный пол мелкими блестящими жучками.

Наг к этой трансформации отнесся равнодушно, продолжая говорить:

– Он вас увидел и понял, кто вы, и именно поэтому решил бежать из своего логова.

Жучки на полу сложились в огромный вопросительный знак.

– Это значит, что за последние двадцать лет Итиеш прекрасно ассимилировался в местное общество и что мы с вами не узнали его среди...

– Существо хотело канопу, – пропищал Баринов, о котором Наг, честно говоря, успел позабыть.

– Какую именно? – Дайгон присел на корточки. – Что в ней?

Он скользнул в сознание Аристарха, пытаясь продавить, собрать какие-то осколки информации, но разум не откликнулся, нейронные связи в мозгу были нарушены необратимо. Итиеш умел наказывать нерадивых слуг.

Разогнувшись, Наг заметил, что несколько блестящих жучков ползут по его ноге. Широко раскинув руки, дайгон дождался, пока взлетевший в воздух рой полностью облепит его тело. Бортовой компьютер хотел пообщаться.

Мир роя был трехмерной проекцией, а сам он, бледным контуром, отдаленно похожим на человека.

– Что? – спросил Наг.

– Рашук попал в засаду, Таисия с ним.

Таисия

Рашук смотрел по телевизору какую-то утреннюю передачу. Ведущие были до отвращения бодры и веселы, заряжая своим позитивом зрителей. Мальчишка открыл мне дверь и вернулся в кресло:

– Хлеб и пиво.

Я тяжело опустилась на диван рядом с Тимуром, парень поминутно сглатывал, веки его дрожали. Пора заканчивать балаган. Я не была уверена, что долгое пребывание в гипнотическом трансе безопасно для здоровья.

– Идем домой, – жалобно сказала я Рашуку. – Я очень устала.

– Доспехними, – велел тот. – Он истощился, уж не знаю, что ты там делала, что потребовалось столько энергии, но истощенный доспех не сможет держать даже сам себя.

Я, не снимая спортивного костюма, отстегнула колечко на запястье, доспех осыпался.

– Чудесно, – сварливо проговорил Рашук. – Пару минут подождать не могла? Нам теперь его по всей квартире собирать придется.

Он вышел в коридор, притащил оттуда чемодан на колесиках и кивнул:

– Собирай.

– Мы украдем чемодан Маргариты Александровны?

– Она не расстроится. Я тут пошурудел немного, у мамочки этого разгильдяя здесь столько денег по углам порассовано, что она будет

счастлива тем, что откупилась всего лишь чемоданом.

Я стала собирать свои браслеты:

– А остальное подчищать не будем?

– Что? Мед? Пустые банки? Мне неохота. Пусть Тимур Олегович сам что-нибудь придумает.

– О, ты даже отчество его выяснил?

– Тоже мне проблема, – мальчишка присел рядом со мной на корточки и посмотрел мне прямо в глаза.

У него не было зрачков.

– Прикинь, я все-таки хакнул вашу систему.

– В смысле, систему «Пирамиды»

– Не-а, – он улыбнулся, мне показалось, что в глазных яблоках его мелькают строчки кода, – вообще планетарную. Но ты в чем-то права, нам бы хватило и системы торгового центра. Итиеш все это время компактненько существовал в пределах четырех квадратных километров.

– Ух ты! – восхитилась я, застегивая молнию чемоданной крышки. – Тогда мне можно вернуться домой и поспать? Вечером неплохо было бы еще Барина в больничке навестить.

– Тебя там что-то держит? – в коридоре спросил Рашук. – Я имею в виду в твоей избушке? Какая-нибудь памятная вещь? Что ты хотела бы взять с собой, если бы покидала эти места навсегда?

– Все, что у меня есть, – грустно улыбнулась я и прижала руку к груди, – здесь.

Рашук вышел первым, волоча за собой чемодан на колесиках. Черт, я забыла вывести из транса Тимура.

– Синхрофазотрон! – прокричала я из прихожей. – Отомри.

В комнате царило безмолвие, я немножко струхнула. Неужели я его сломала?

Я вбежала в комнату, с порога увидела, что диван пуст и полетела лицом вниз от подставленной подножки. Без браслетов я была слабее котенка. Тимур этим воспользовался, он дернул меня за плечо, перевернул, навалился сверху, прижав руки к полу над головой?

– Мы еще не закончили, кошечка.

– Отпусти, идиот, – взвизгнула я. – А то хуже будет.

Дурак, какой же он дурак! Я не боялась насилия, я боялась, что этого придурка не успеют откачать.

Он потянулся ко мне лицом, я отдернула голову, отвернулась, пряча рот. Тимур, перехватив оба мои запястья одной рукой, второй вцепился в мои волосы, потянул, поворачивая голову, мазнул влажными губами по

уголку рта и обмяк.

– Как только разберемся с твоим сердцем, змейка, – Рашук подал мне руку, помогая выбраться из-под неподвижного тела, – ты начнешь тренировки. Твоя физическая форма – позор для любого рашука.

Я покраснела, опустив голову. Без своих инопланетян я на Земле не выживу. Вибрации стальных змеек в сочетании с виктимностью, которой я раньше за собой не замечала, убьют меня раньше остановки сердца.

– Что с ним? – я указала на распластанного Тимура.

– Подожди у подъезда, я сам тут разберусь.

Я послушалась. Не воспользовавшись лифтом, чтоб дать себе время успокоиться, я спустилась по лестнице на первый этаж и толкнула подъездную дверь.

– Девушка, а вы туфельку не потеряли?

У кованых перил стоял невысокий полноватый молодой человек.

– Тут я должна спросить: «Какую?», – я чуть не прыснула, вспомнив, где видела его раньше, это был приставала из электрички, – а ты ответить: «Хрустальную?»

– Ну да, – выдохнул он. – А потом ты должна сказать, как тебя зовут и дать номер телефона.

На толстячка явно действовали вибрации, он смотрел на меня так, будто пытался запомнить каждую черточку, и громко сопел.

– Бог подаст! – раздраженно бросил выходящий из подъезда Рашук. – А это, извини, мужик, не твоей лиги барышня.

Мой достойный учитель тащил чемодан и, кажется, нелегкая ноша добавляла ему раздражения.

– Не злись, Рашук. Может, это любовь с первого взгляда, – я отобрала у него чемодан. Доспех мой, значит, мне его и носить.

Они еще немного поскандалили на кураже, но толстячок огрызался без задора, норовя разузнать мое имя и телефончик, потом стал совать визитку, где были только имя «Эдик» и номер телефона.

– Возьми! Если захочешь меня найти...

– Тоже мне, неразрешимая задача! – Рашук, кажется, растерял остатки терпения. – Тебя! Самца озабоченного! Найти!

Его глаза стали неподвижны, зрачки растворились в строчках кода:

– Эдуард Сидоренко, двадцати трех лет, проживающий с родителями по адресу: улица Индустриальная, пятнадцать, квартира три, временно безработный, вторая группа крови, плоскостопие...

– Рашук!

Он моргнул:

– Живи пока, Сидоренко, торопимся мы!

Эдик остался у подъезда.

– Я не хочу возвращаться в твою избушку, – капризно протянул Рашук, когда мы уже пересекли парковку, приближаясь к автобусной остановке. – Далеко, долго, бессмысленно.

– Как хочешь, – я пожала плечами. – Тогда давай в больничку поедем, Баринава навестим. Страстный поцелуй в честь выздоровления он заслужил.

– Меня твой Аричка интересует в стопятидесятую очередь, – фыркнул Рашук. – Ты, наверное, про это забыла, но я здесь нахожусь не для того, чтоб твои мелочные счета сводить.

Я хотела возразить насчет мелочности, но в кармане зазвонил мобильный. На экране высветился номер моего домашнего телефона.

– Алло.

– Таечка, – Васильевна говорила тоненьким девчачьим голоском. – А ты скоро дома будешь?

– Что-то случилось, Света?

– Да я тут у тебя прибиралась...

Кто ее вообще об этом просил?

– И нашла кое-что, надо, чтоб ты посмотрела.

– До вечера это подождать не может?

– Это отца твоего вещи, и, боюсь, я что-то повредила по скудоумию, – Васильевна всхлипнула и совсем уж запищала, – за-ради бога, Тайка, приходи, каждая секунда на счету.

И она бросила трубку.

– Планы поменялись, – сообщила я Рашуку. – Мне домой надо. Васильевна там что-то расколотила.

– Достойная причина.

– Она в истерике бьется. Сегодня же суббота, не все фирмы работают, так что пробок нет, да и рабочий день еще не начался.

Идею забрать с парковки свой велосипед я отмела сразу же. Чемодан я на нем не увезу, значит, остается только такси. Денег при себе нет, но я заплачу уже на месте, в комоде у меня припрятана пара купюр на такой вот случай.

– Я с тобой, – Рашук склонил голову к плечу, будто прислушиваясь. – Я с компьютеров не успел все стереть.

– А силой мысли слабо? – Я уже призывно махала рукой желтому автомобилю с шашечками на дверцах. – Ты же все хакнул.

– А я их отключил от сети, компы свои, – пожаловался Рашук. – В

целях предосторожности, теперь и сам к ним доступа не имею.

В машине я дремала, прислонившись виском к стеклу, Рашук вполголоса беседовал с водилой о трудностях водительской жизни и спать мне не мешал.

– Приехали, – тронул он меня за плечо, когда машина остановилась.

– Посиди тут, – я зевнула в ладошку. – Я деньги из дома принесу.

Таксист не возражал, дело было обычное.

Я взбежала на крыльцо, толкнула входную дверь:

– Света, я уже дома. Погоди пару минуточек, я за такси расплачусь и будем с твоими разрушениями разбираться...

Я споткнулась о кучу какого-то хлама в коридоре, остановилась, сфокусировав взгляд и замерла.

– Хлеб и пиво, Таисия Алексеевна.

У меня из легких будто выкачали весь воздух. Никита Петрович Кузьмин сидел в моей гостиной, то есть в том, что когда-то ею было, потому что комната была полностью разгромлена, как и кухня, как и спальня, обломки межкомнатных перегородок причудливо перемещались с останками мебели, разбитой посудой, неопрятными кучами одежды и постельного белья. Кузьмин сидел на единственном уцелевшем стуле прямо по центру этого Армагеддона.

– Где Светлана?

Он широко повел рукой:

– Где-то здесь.

Я заметила, что ладонь его испачкана чем-то бурым. Кровь?

Воняло гадостно, будто на помойке, в воздухе носились жирные мухи. Кузьмин, оскалившись, вывалил изо рта язык и облизнул руку:

– Вы знали, Таисия Алексеевна, что коронарная кровь обладает нежнейшим насыщенным вкусом?

– Сердцеед, – сказала я потерянно, – Итиеш, убийца народов.

– Моя слава идет впереди меня, – Кузьмин, побряхтывая, поднялся с сиденья.

Может, мне хватит сил его обезвредить? Он же просто рыхлый пожилой человек, а я молодая, хоть и не очень спортивная. Если я заеду ему куда-нибудь в болевую точку...

Но движения Итиеша не прекратились, он все еще продолжал вставать. Я даже нервно моргнула, решив, что мне привиделось. Он все вставал и вставал, как будто огромная змея выбиралась из своей кожи, он вырастал, сбрасывая с себя личину пожилого начальника охраны, а отброшенная личина рассыпалась в целый рой навозных мух.

– Ваши насекомые, Таисия Алексеевна, на редкость тупы, агрессивны и ничтожны.

Настоящий Итиеш мало походил на человека. И дело было даже не в росте, метра под три, он касался макушкой потолочной балки, и не в темной коже синюшной черноты, и не в глазах, тоже черных, а, наверное, в выражении этих глаз.

– Но даже самые тупые создания способны к организации при хорошем руководстве.

– Вы выдрессировали мух? – я сглотнула.

– Я составил из них рой, огромный, мегарой. Ты знаешь, что такое рой, дайгонова шлюха?

Ответить не получалось, одновременно с вопросом он продавливал меня. По сравнению с его действиями транс, наведенный на меня Рашуком, был просто детским лепетом. Я почти физически ощутила липкие пальцы, забирающиеся мне в голову.

– Где мое сердце, шлюха?

Я опять не ответила, рот был занят, я изо всех сил кусала себя в мягкую часть ладони. А потом я поняла, что болевой шок мне не помогает, а потом... потом почувствовал, что помощи в отражении ментальной атаки мне не требуется.

Он оставил попытку, липкие пальцы покинули мою черепную коробку.

– Хороший щит, давно таких не видел. Где сердце?

– Может, вы его съели? – вежливо переспросила я. – Вы же сердцеед. А какое именно, может, нужно было уточнить параметры поиска?

Противное жужжание мух мешало сосредоточиться, мне хотелось почесаться, хотя ни одна из них меня еще не коснулась. Интересно, а как он меня убьет? Натравит свой рой? Кстати, ничего «мега» я в нем не заметила. Нет, конечно, столько мух я не видела никогда, но приставка «мега» к этому рою не подходила.

– Баринов сказал, что спрятал канопу здесь, в доме Бергов. Он сказал, что сам забыл, где именно.

– Канопу?

– Эту, – он пошевелил ногой с длинными синими ногтями, из кучи мусора выкатилась глиняная ваза, которая обычно стояла в моем подвале и собирала всю возможную пыль.

– Она пуста.

– Ты пытаешься шутить, шлюха?

Я пыталась тянуть время. Рашук уже обо всем догадался, он что-нибудь придумает.

– Ну чего ты тут застряла, змейка – легкий на помине мальчишка вошел в дверь, – Степан воды просит...

Таксист шел следом, он замер на пороге. Итиеш просто выбросил вперед огромную руку, цапнул его за грудь, водитель осел на пол, дернулся, из рваной раны толчками выплескивалась кровь.

Воспользовавшись секундным преимуществом, Рашук подскочил ко мне:

– За спиной держись, – и рванул с плеч свой халат.

Теперь я поняла, почему он почти никогда не расставался с этим рубищем. Халат будто моментально растянулся на каркас, как воздушный змей, как щит, которым он, скорее всего, и являлся.

Итиеш жевал, по подбородку текли блестящие дорожки.

– Ты не выстоишь против меня, рашук, и шлюха твоя тоже. Скажи ей, пусть отдаст мое сердце, и я, может быть, отпущу вас наблюдать закат этой планеты.

Мухи, угрожающе жужжа, выстраивались в клин, направленный прямо на нас.

– Каким образом ты решил покончить с этим миром? – мой учитель спрашивал спокойно, но мне было видно, что плечи его дрожат.

– Экологическая катастрофа, – с удовольствием ответил сердцеед, он засунул в пасть последний кусочек и облизал пальцы. – Земля погибнет от насекомых. Отдай мое сердце, и я позволю тебе самому все увидеть.

– Тая, отдай, – вдруг сказал Рашук, – нам этот кусочек мышцы погоды не сделает.

Я правда не знала, где его поганое сердце. Когда я вернулась сюда полгода назад, каноба уже была пуста, она валялась в подвале с расколотой крышкой. Дом вообще был в ужасном состоянии, в нем жили крысы, целые полчища крыс. Я их выводила с большим трудом, вызвав специальную команду крысоловов и крысотравов.

– Его съели крысы...

Я запнулась, потому что взглянула в окно за плечо Итиеша, на горизонте набухала воронка торнадо.

– Это рой, – осклабился Итиеш, проследив за моим взглядом. – Один из...

Огненный шар разорвался под потолком, крыша сорвалась, как будто ее срезали ножом. Итиеш взвыл, на него сверху спрыгнул Наг, сбил с ног, они покатались по полу.

– Отходим, – скомандовал Рашук, поводя щитом из стороны в сторону. Мушиный клин распался сантиметров за двадцать до него.

– Здесь Света, может, она жива.
– Забудь. – Рашук вытащил меня во двор, небо темнело от роящихся мух. – Итиеш не оставляет в живых никого.

Щит вспыхнул, мальчишка тряхнул рукой, сбрасывая горящую ткань.
– Его еще надолго хватило. Уходи, Тайка, это не твоя битва. Рой! – проорал он, подняв лицо к небу.

Что он орал потом, я не понимала, видимо, называл наш рой по имени. Золотистые жучки рассыпались блестками, собрались длинной лентой, которая потекла в сторону дома.

Наг! Там Наг! Я должна его защищать.

Я побежала к такси с распахнутыми дверцами, достала из багажника чемодан и высыпала доспех прямо на траву. Ну же, девочки, не подведите.

Быстро надев два браслета, я каким-то образом знала, что именно они исходники и что остальной доспех истощен и бесполезен, побежала в дом.

Итиеш был гораздо выше и массивнее Нага, но дело было не в этом. Их битва велась сразу на нескольких уровнях, они не только поливали друг друга градом ударов, но и использовали ментальное оружие. От мощного толчка в грудь Наг отлетел к остаткам стены. Я закричала. Итиеш перевел взгляд на меня и, прежде чем мой дайгон успел подняться, молнией метнулся ко мне.

– У твоей шлюхи доброе сердце, – сообщил он. – Я скормлю его крысам, как она скормила мое.

Наг медленно поднял голову:

– Зачем тебе комочек забальзамированной плоти? Я подарю тебе новое сердце. Отпусти Таисию.

– Я не верю тебе, дайгон, ты умеешь морочить головы.

– У меня есть регенерационная капсула. Она восстановит твое сердце, – Наг задумался, будто подсчитывая, – примерно за двадцать лет, по сравнению с тем, сколько ты уже провел на этой планете, это ничто.

– Где она?

– Помнишь саркофаг, в котором меня доставили к господину Баринову?

– Мне ли не помнить. Я же организовывал твою доставку, дайгон, твою и твоего Рашука. Простить себе не могу, что не понял сразу, что за странных клоунов занесло в мой город.

– А когда ты понял?

– Когда увидел с тобой жопастую шлюху Лерочку, которую убил за пару часов до этого. Я понял, что это рой, значит, и дайгон неподалеку.

– Я так и думал. Так что, обмен состоится? Таисию за капсулу?

– Никогда не понимал, что вы все находите в этих ядовитых шлюхах, – Итиеш рассмеялся. – Говори, где капсула, и, если ты меня обманул, я еще успею вернуться и сожрать оба твоих сердца.

– Я оставил ее в «Пирамиде», – криво улыбнулся Наг, – убедись в этом, мы подождем.

От толчка я пролетела метров пять, Наг успел поднять меня в сантиметре от пола.

Итиеш воздел к небу руки, вокруг него роились мухи, как будто обматывая, слой за слоем, собираясь в плотную каплевидную форму. Мушинная мумия, брр... Рой поднялся, завис над полом, затем рванул вверх.

– Надо бежать, – спокойно сказал Наг и поцеловал меня в макушку.

– Куда?

– На корабль. Еще немного, и мы погибнем вместе с этим миром.

– Капитан! – потрепанный Рашук выбрался из-под обломков. – Ты выиграл нам время! Тайка, ты умеешь водить машину?

Мы выбежали во двор, к такси.

– Нет, – я смутилась. И здесь от меня никакой пользы.

– Рой! – крикнул Наг.

Поблескивающий рой, принявший подобие человеческой формы, сел за руль.

Наг затолкал меня на пассажирское сиденье, сел рядом. Автомобиль рванул с места.

– Как ты узнал, что мы в беде? – тихонько спросила я.

Мы выезжали на кольцевую, рой врубил дальний свет, но видимость была ужасная. Трасса стояла, то здесь, то там фары выхватывали остовы покореженных машин, метались люди, многие съезжали к обочине и глушили моторы, плотно закрыв все окна, пытаясь переждать нашествие насекомых.

– Рашук нас позвал. – Наг обнял меня, я ощутила биение его сердца. – Рой нашел транспорт, и мы помчались к вам.

– Я все только порчу... Если бы я не заорала.

Его рука на моем плече закаменела:

– Мне казалось, что тебе чуждо дамское кокетство. Что сделано, то сделано. Ошибки надо исправлять, а не просить утешения.

Мне стало стыдно до обморока.

– А он в хорошей форме, правда, Наг? – с переднего сиденья проговорил Рашук. – Сильная скотина. И мух мы в расчет не взяли, мониторили военные базы. Итиеш в первый раз такой фокус проворачивает. Не реви, Тайка, даже если бы нашего сердцеда сейчас

скрутили, планета все равно погибла бы. А этого мы допустить не можем.

– Так что делать?

– План «Б», помнишь я тебе говорил? Мы откатим все назад. Три тысячи лет, сразу после катастрофы... Мы аннулируем эту реальность, все переиграем. Новый виток!

От водительского места к Рашуку протянулось блестящее щупальце, мальчишка замер:

– Капитан, рой говорит, корабль не выдержит такой длинный прыжок. Он не хочет рисковать.

– Мы разберемся на месте, – холодно сказал Наг.

Руку с моего плеча он убрал, и я почувствовала себя покинутой.

Рашук, все еще державшийся за щупальце, громко расхохотался:

– Слышишь, Тайка, а капсула-то, на которую тебя обменяли, поддельная, не отрастит себе Итиеш своего второго сердца.

Второго? А, плевать, мой мир рушится.

– Куда мы едем? – спросила я Рашука.

– На корабль.

– На такси? На орбиту?

Машину занесло, взвизгнули тормоза, Наг потащил меня наружу. Не видно было ни зги.

– Здесь, – орал Рашук, как будто сквозь подушку. – Рой говорит, он чувствует маячок.

Наг дернул меня за плечи, развернул лицом к себе, прижал к груди:

– Не бойся, это быстро.

Вспыхнул нестерпимо яркий свет, я зажмурилась, внутренности выворачивало, воздух кончился, по ощущениям казалось, что я несусь в скоростном лифте сквозь тело огромной медузы.

– Успели, – сказал Наг и разжал объятия.

– Добро пожаловать, Таисия.

Я свалилась в обморок.

Пришла в себя, лежа в полной темноте, под головой было что-то мягкое. Я вытянула руку, встретила преграду, вскрикнула, запаниковала, преграда поддалась, впуская ко мне косо́й луч света.

– Не ожидал, что ты очнешься так быстро, – Рашук развернулся ко мне от какого-то полупрозрачного монитора. – Я провел диагностику, с твоим сердцем все в порядке.

Я огляделась. Обычная комната, хай-тек и минимализм, только без окон.

Я села, опершись локтями о бортики знакомого мне саркофага.

– Объясни мне, что происходит, – жалобно попросила я Рашука, который, к слову, был одет в набедренную повязку.

– Мы на корабле, – ответил мой учитель. – Когда мы покинули орбиту твоей планеты, она уже почти превратилась в руины. Мы нырнули в чревоотчину, вынырнули из нее, и капитан с роем сейчас решают, каким образом мы будем все исправлять.

– Ты говорил что-то про новый виток.

– Ну да, если мы изменим что-то в ключевой временной петле...

– Меня не станет? – перебила я его.

– Нет, змейка, – быстро ответил Рашук, – ты выскользнула из той реальности, где Земля погибла, так что останешься с нами.

Я поняла, что он врет.

– Эта штука, которая подняла нас на корабль... Это что?

– А, это, – он махнул рукой, радуясь смене темы, – телепорт. Раньше мы использовали для этих целей ялики, но телепорт удобнее и быстрее. Правда, и до телепорта приходится добираться. Ты думаешь, почему наш рой в личине дяди Вити постоянно на электричках туда-сюда мотался?

В комнату (или правильнее называть ее каютой?) вошел Наг.

– Собирайся, Рашук. Высадка. Тая, ты останешься здесь.

– Мы где?

Он провел перед собой раскрытой ладонью, часть стены отъехала в сторону, открывая... открывая...

Я подбежала к прозрачному окну. Там была Земля, голубая и зеленая, нарядный шарик на темном бархате космоса.

– Мы когда?

Наг покачал головой. После того разговора в машине мне казалось, он ко мне охладел.

– Я расскажу тебе все после. Просто дай мне время.

Они вышли в открывшийся дверной проем, рой, паривший в воздухе в виде роя, ждал их там. Я поплелась следом. Зачем? Ну, наверное, проводить. Я все еще была одета в грязный спортивный костюм и только браслеты на запястьях намекали, что я нахожусь на корабле по праву.

Телепорт оказался световым кругом, вычерченным на полу полутемной сводчатой залы. Я на космическом корабле! Я в космосе! Я совершила прыжок во времени! Мое сердце в порядке!

Ни одна из этих мыслей меня не радовала, несмотря на мысленные восклицательные знаки, которыми я их снабжала.

Команда сгрудилась в центре круга, вспышка, они исчезли.

Наг на меня даже не посмотрел. Я вытерла глаза рукавом и

решительно ступила за световую черту. Пах! Вспыхнуло, внутренности съежились, я зажмурилась и сжала зубы. Пах!

Я открыла глаза. Перед ними несла свои воды река Славь. Я находилась неподалеку от смотровой площадки.

Стараясь держаться обочины, я побрела вверх по серпантину. Что бы там ни происходило, я должна это увидеть. Мимо пронесся черный джип, натужно урча мотором. Я побежала. По ушам ударил визг тормозов. Я выбежала из-за поворота. На асфальте смотровой площадки чернели следы заноса. До них было метров четыреста. Дорогу перегораживал микроавтобус с затемненными стеклами.

– Лешка! – закричал какой-то парень, стоящий около него. – Лешка Берг! Выходи!

«Да это же Баринов», – поняла я. А это...

Из высокой кабины джипа спрыгнул на асфальт молодой человек, нескладно-высокий, с волосами до плеч и загорелым лицом. Папа!

– Лешенька! – раздался женский крик.

Мама! Я действительно на нее похожа, только она в тысячу раз красивее.

Из микроавтобуса высыпали люди, один из них, вооруженный коротким автоматом, ударил отца прикладом в живот.

Я побежала. Четыреста метров – это не много. Только почему так колет сердце, почему дыхание вырывается из горла колючими шариками?

Багажник джипа прикрылся, из него на меня уставились зеленющие, как лягушки, глаза. Тая-Таечка-Таисия...

– Тая! – он спрыгнул на меня откуда-то сверху, подхватил на руки, прижал к себе.

– Я люблю тебя, Наг, – тихонько сказала я, смотря, как десантный отряд космических охотников раскидывает славигорских бандитов.

– Отпустите меня, я поделюсь, – визжал Баринов, пытаюсь уклониться от жалящих ударов роя.

– Медовая девочка, – прошептал дайгон. – Зачем ты пришла?

– Попрощаться, – я улыбнулась. – Ведь понятно, что моя реальность – та, где Земля погибла.

– Этой реальности уже нет. Мы пленили Итиеша, он не сможет вам навредить.

– Но тогда и меня, Таисии, которая мечтала отомстить за смерть родителей и встретила дайгона, тоже не существует.

Он прижал меня к груди, будто баюкая.

– Если бы ты осталась на корабле, у нас был бы шанс.

– И я не смогла бы никогда покинуть корабль. Превратилась бы в корабельного призрака? – я вздохнула и закашлялась.

– Прости.

– Скорее всего, ты не хотел меня терять.

– Я собирался обречь на смерть целую планету, – глухо сказал Наг. – Собирался отдать приказ преследовать Итиеша в других мирах.

– Я бы не смогла себе этого простить.

Говорить было сложно, я перевела взгляд на девочку, все еще сидящую в багажнике и подмигнула ей.

– Я люблю тебя, Таисия.

Я посмотрела на свою руку, она была полупрозрачной. Я истаивала, как снегурочка под солнцем.

– Нет, желанный, твоя змейка тебя недостойна. Слишком слабая, слишком глупая и неловкая. Может быть, в следующий раз...

Меня не стало. Браслеты покатались по асфальту.

Наг

Он плакал. Таисия, его змейка, все поняла правильно. У них не было шансов, кроме одного, призрачного, что временное поле корабля продлит ей жизнь.

Она так и не узнала, что все-таки отомстила Баринову, пусть и руками Итиеша.

Он посмотрел на все продолжающееся побоище. Рашук веселился, растягивая удовольствие. А может, отвлекался, чтоб не скорбеть. Тая-Таечка-Таисия...

Наг подошел к автомобилю. Открыл багажник, там, забившись в уголок, свернулась калачиком крошечная девочка со знакомыми изумрудными глазами.

– Вы это искали? – ножка со сбитой коленкой пододвинула к краю глиняную канопу, затем еще одну. – Там, в ящике, еще много.

– Да, спасибо. – Наг взял вазу, осмотрел, вернул в багажник. – Не бойся, все скоро кончится, и ты с родителями вернешься домой.

Она ничего не ответила, взгляд стал рассеянным, как будто она высматривала что-то на дороге у него за спиной.

Наг неторопливо отошел от машины. Тая-Таечка-Таисия...

– Капитан, мы всех повязали, – молодежато отрапортовал Рашук.

– Молодцы, – кивнул Наг. – Теперь собери все запчасти нашего

сердцееда и транспортируй их на корабль.

– Слушаюсь.

– И, Рашук, – Наг многозначительно покачал головой. – Повзрослей уже, мне неудобно будет просить высшую награду для мальчишки.

– Ладно, – он потупился. – Где Таисия?

– Вон она, – дайгон указал на девочку.

Та уже выбралась из багажника и как раз подбирала что-то с асфальта.

Он не стал смотреть на слезы своего подчиненного, пошел вперед, к светловолосому молодому человеку, который нетвердо стоял на ногах, опираясь на плечо своей жены:

– Алексей Берг? Меня зовут Наг, и мне нужно с вами поговорить.

Глава 7. Его медовое сердце. Петля замыкается

Таусия

За окном заливисто лаяла собака. Я посмотрела на часы. Четыре тридцать. Будильник я накануне ставила на пять, и получалось, что целых полтора часа я могу посвятить... да чему угодно.

Я спрыгнула с кровати, распахнула окно, вдыхая свежий запах сирени. Собака все лаяла, наверное, увидела на дереве какую-нибудь белку.

Я надела спортивный костюм, зашнуровала кроссовки и сбежала с крыльца.

– Ты чего в такую спозарань, Тайка? – Васильевна уже несла стражу у своего забора.

– И тебе доброго утречка, Светлана Васильевна, – напевно ответила я. – У меня пробежка, а ты, если хочешь в компании позавтракать, на кухне меня подожди.

– У меня как раз пирожки спели, – обрадовалась Светка. – Тебе чай или кофе?

– Пожалуй, кофе, – подпрыгивая на месте, чтоб не сбивать ритм, решила я.

Соседка отправилась за пирожками, а я побежала по грунтовке в сторону лесопосадки. Двери у нас в поселке никто не запирает, так что Светлана Васильевна сможет войти ко мне без помех.

Поселок наш за последние годы основательно разросся, но соседям удавалось поддерживать в нем порядок, сохраняя при этом хорошие отношения друг с другом. У шлагбаума постоянно дежурили сменные охранники, бдительно проверявшие документы приезжих и знавшие всех местных жителей в лицо и по фамилии. Это было удобно и безопасно. Жили у нас люди в основном состоятельные, готовые за безопасность и удобство платить. А еще за удачное местоположение нашего поселка. В четырех километрах к северу начинался серпантин, ведущий через горный хребет, в двух к югу – несла свои воды полноводная Славь, новая кольцевая дорога позволяла доехать до города за сорок минут.

Из будочки охранника выглянул Степан:

- Раненько вы сегодня, Таисия Алексеевна.
- Стараюсь быть в форме.

Подожвы кроссовок шуршали по грунтовке, я вставила в уши пуговицы наушников и включила музыку. Хорошо!

У лесопосадки на полянке, была оборудована спортивная площадка. Мною, если честно, оборудована. Соседи мои предпочитали заниматься фитнесом в городе, в фитнес-зале с тренером, сауной и беговыми дорожками. Но мне для моих занятий чаще всего требовалось одиночество. Я сбросила на бревно спортивную куртку, оставшись в трикотажной майке, и пятьдесят раз подтянулась на турнике. Плечи приятно заныли. Я встала в стойку, отработала несколько связок, осталась недовольна, повторила все сначала и повторяла, пока не довела движения до автоматизма. По спине тек пот, тело горело, сердце колотилось о грудную клетку. Хо-ро-шо! Прежде чем бежать обратно, я опять надела куртку, чтоб не застудить разогретые мышцы.

Васильевна уже вовсю хлопотала на кухне. Я забежала в душ, надела халатик с длинными, до кончиков пальцев, рукавами и присоединилась к ней.

– Вот, – сказала Светка, ставя передо мной кружку с дымящимся кофе и тарелку пирожков. – А он мне вчера говорит, ваши, говорит, глаза, Светочка как озера.

У Васильевны была бурная личная жизнь, перипетиями которой она любила делиться. Сейчас за ней ухаживал вдовый полковник с соседней улицы.

– А ты ему? – Я достала из шкафчика мед в глиняной банке. Гречишный, вкуснота!

– А я ему: у вас тоже глаза... есть.

Мы захихикали. Светка была баба молодая, но ушлая, в свой тридцатник прекрасно понимала, что почем, владела ювелирной лавочкой в самом большом славигорском ТЦ и женихами перебирала.

– Ну так я собираться? – спросила она меня, поднимаясь. – Ты же в город сейчас?

– Ну да, только что там тебе в такую рань делать?

– Всегда есть, чем заняться. Балансики свести, ценники подновить, ну и там по мелочи.

– Так бы и сказала, что хочешь из дома сбежать, чтоб своего полковника помучить, – хихикнула я. – Он ведь тебя обычно на работу возит.

– А сегодня ты.

– Ну ладно, собирайся. Я еще маме хотела с утра позвонить, у них как раз вечер...

– Ну давай, я в окно покричу, когда готова буду.

Я закинула грязную посуду в посудомойку и откинула крышку ноутбука. Мама была в сети. Я нажала на зеленую иконку вызова.

– Доченька!

Все-таки какая она у меня красивая.

– Привет. Ты чего такая нарядная? В ресторан ходила?

– В театр, – мама поправила локон, выбившийся из высокой прически. – Мы с Яной ее спонсоров развлекали.

Мамина подруга Янина Павловна была директором детского дома и постоянно занималась устройством сирот. Мама ее всячески поддерживала и деньгами, и связями. Сейчас они были в Австралии, убеждая некоторых наших бывших соотечественников заняться благотворительностью.

– Как твои дела, ребенок?

– Все хорошо, мам.

– Папа привет передает, говорит, что скучает.

– Скажи ему, я со всем справляюсь.

– Он в тебе не сомневается.

– Как близнецы? Ты с ними говорила?

– Как обычно, шалят, – притворно вздохнула родительница.

Сашку с Машкой она обожала, и хотя моим брату и сестре в этом году должно было исполниться по девятнадцать, все их проделки до сих пор называла «шалости».

– Звонил их декан. Говорит, они какое-то тайное студенческое общество организовали, лигу справедливости и добрых дел...

Я дослушала историю до конца, подхихикивая.

– Как Сережа? – серьезно спросила мама. – Вы назначили время свадьбы?

– Ну мам, ну какая свадьба еще? Хочешь, мы съедемся, чтоб твоя душенька уже была спокойна?

– Я сама с ним поговорю на следующей неделе, когда вернемся, – тон родительницы ничего хорошего ни мне, ни Сергею не предвещал.

Бедняжка Серый, ему и так непросто соответствовать высокому званию жениха Таисии Берг, а тут еще мои родители на него давить начнут.

Я попрощалась, передавая приветы всем, кого могла вспомнить.

В окно уже стучала Васильевна.

Я проорала ей, что еще минуточку, сайгаком понеслась в гардеробную, натянула брючный костюм, провела по волосам щеткой и схватила со

столика ключи, а со стула кожаный портфель.

– Ничего не забыла? – Светка, дождавшись, когда я нажму на кнопку брелока и отопру двери, забралась в салон «Ягуара». – Ключи, деньги, документы?

– Все взяла, – я повернула ключ в замке зажигания.

– Я крышу открою. Хорошо? – Светлана Васильевна обожала кабриолеты, особенно процесс их превращения.

– Доброе утро, девочки, – появившийся из соседнего коттеджа дядя Арик помахал нам рукой.

Он тоже выходил на утреннюю пробежку. В свои пятьдесят он старался молодиться и физическими нагрузками не пренебрегал.

– И вам того же, – проорала я в ответ.

Аристарх Евгеньевич был папиным другом детства, они и в университете вместе учились. Сейчас, конечно, особо не общались, но относились друг к другу вполне приветливо. В прошлом у них была какая-то некрасивая история, подробностей я не знала, но история эта слегка омрачала мужскую дружбу. Папа занимался бизнесом, Аристарх Евгеньевич преподавал, так что виделись они довольно редко, только когда отец отдыхал на даче.

– Не нравится он мне, – сказала Светка, потрянув головой и подставляя лицо порывам ветра.

– Кто?

– Да Баринов этот. Слыхала, он со своей студенткой шашни крутит?

– С Лерой? Он нас знакомил пару месяцев назад. Милая девочка.

– Она ему в дочери годится! Шестой десяток разменял, а туда же.

Я пожалала плечами, тему не поддерживав.

Машинка была новая, но послушная, выехав за шлагбаум, я вжала педаль газа, а уж когда грунтовка сменилась асфальтовым покрытием трассы, разогналась до ста тридцати и включила круиз-контроль. В ушах свистел ветер.

День обещал быть насыщенным. Две или три встречи, видеоконференция после обеда. Как говорит Васильевна, всегда есть чем заняться.

– Снаружи мне останови, – велела Светка, – у меня от вашего подземного паркинга – мороз по коже.

Я высадила ее у главного входа, свернула на подъездную дорожку и спустилась в гараж, минуя открытый шлагбаум.

Охранник служебного входа щелкнул каблуками:

– Доброе утро, Таисия Алексеевна.

– Привет, Володя.

Он покраснел от удовольствия. Знал бы он, сколько усилий я прилагаю, чтоб запомнить по именам всех подчиненных.

Рабочий день еще не начался. Эскалаторы не работали, только девушка за стойкой информации проверяла микрофон:

– Раз, два, проба... Дорогие славигорчане и гости нашего города, мы рады приветствовать вас в торговом центре «Ярила».

Для меня осталось загадкой, почему отец выбрал для своего детища такое пафосное название, но, кажется, оно принесло ему удачу. Теперь ТЦ входил в международный концерн с многомиллионным оборотом и процветал, впрочем, как и вся семья Бергов. Папа у меня был по настоящему деловым человеком, уж не знаю, как после своего исторического факультета он решил сменить сферу деятельности, но у него получилось.

Я воспользовалась лифтом и поднялась к себе в офис. На кабинете висела табличка «Директор».

Папа, устроив здесь все и отладив как часы, передал руководство торговым центром мне. Я побрыкалась для виду, пеняя на кумовство и свой недостаточный опыт.

– Ребенок, – серьезно сказал тогда отец. – У тебя диплом очень престижного учебного заведения и внешность, которую любит камера. Поработай нашим лицом.

Я вздохнула и согласилась.

Меня действительно любили камера и журналисты. Про меня писал дамский глянец и серьезные толстые издания. Я вела умеренно активную светскую жизнь, общалась со славигорским истеблишментом, а когда заметила проявляемый ко мне интерес сына нашего губернатора, объявила о помолвке с Сергеем Ищуком, папиным, а по наследству теперь моим заместителем. Мы были обручены уже шесть лет. Мама права, с этим надо что-то делать.

В кабинет просунула голову Лерочка.

– Я на месте, Таисия Алексеевна.

Это и было основной причиной, почему я не хотела сплетничать со Светкой о романе Баринова. Месяца два назад он пришел ко мне на работу и попросил устроить его малыша.

– Ты знаешь, какая у меня зарплата, Таечка? А студенческая стипендия – это просто курам на смех. Молоденькие девочки нынче балованные пошли, хотят красивых тряпочек и независимости.

Свободной ставки у меня в штате не было, я взяла Валерию Козлову к

себе секретарем и вот уже два месяца платила зарплату из своего кармана.

– Хорошо, Лера. Разбери папку со входящими.

– Слушаюсь, шеф.

Я знала, что с заданием она вряд ли справится, но, честно говоря, у меня не такой документооборот, чтоб там можно было что-то напортачить. Вот по департаментам, там кипит жизнь, а моя должность скорее декоративная. Я – красавица-директор, перерезающая красные ленточки на торжественных мероприятиях, выгуливающая дизайнерские наряды на красных дорожках и регулярно появляющаяся в местных новостях.

Ну разве что Лера пропустит какое-нибудь приглашение. Но, во-первых, мне Сергей напомнит о важных, а во-вторых...

Я нажала кнопку стационарного телефона:

– Сергей, зайдите ко мне.

Субординация – наше все. Он явился через две минуты, ровно столько требовалось, чтоб преодолеть лестничный пролет, кабинет Сергея был этажом ниже.

– Доброе утро.

Я кивнула ему за спину, он, поняв намек, плотно закрыл дверь.

– У меня день рождения через месяц, – сказала я шепотом.

– Ты хочешь какой-то особенный подарок?

– Мама надеется, что мы назначим день свадьбы и объявим ее на приеме в честь моего двадцатилетия.

Его обычно безэмоциональное лицо осветила улыбка, он раскрыл объятия.

– Мы на работе, – покачала я головой. – Помни о деловой этике.

Я отпустила заместителя, разложила на компьютере пасьянс, и поднялась из-за стола.

– Лера, меня, наверное, до обеда не будет.

На лифте я поднялась на последний этаж. Им никто не пользовался, здесь не было даже офисов. Когда «Ярила» был еще только архитектурным проектом, на последних нескольких этажах задумывался жилой пентхаус. Но отец после окончания строительства сказал, что жить на работе может только псих. Так что на верхних этажах была свалка разного хлама, нужного или не очень, а еще здесь был прекрасный вид на Славигорск и терраса, на которой я любила бывать.

Я поднялась по ступенькам на пол-этажа, вошла в крошечное фойе, расходившееся тремя рукавами. Все три комнаты были пусты. Я прошла в центральную и села на пол, скрестив ноги.

Через месяц мне двадцать шесть, с Сергеем надо что-то делать. Я

взглянула на циферблат мобильного, наручных часов я не носила, потом набрала номер своей приемной. Трубку никто не снял.

Я спустилась на лифте и толкнула дверь с табличкой «С.П. Ищук. Заместитель». Было, разумеется, заперто, но офисные двери делают из всякой ерунды вроде прессованной стружки, а уж петли на них...

Дверное полотно слетело с одного бокового удара. Сережа лихорадочно натягивал брюки, Лерочка, взвизгнув, спряталась под стол. Я изобразила лицом скорбь и равнодушие. Уволить я его, конечно, не уволю. Работник он замечательный, а вот Леру... Хотя и она пусть остается. Такая полезная сексуальная малышка.

– Вы отказывались с ним спать, Таисия Алексеевна, – крикнула она из-под стола.

Я посмотрела на Сергея влажным обиженным взглядом. Мой заместитель застегнул ширинку:

– Лера, выйди, пожалуйста, мы с Таисией Алексеевной сами все обсудим.

Она всхлипнула, просеменила в дверной проем.

– Вернись на свое рабочее место, милая. Не нужно подслушивать, – Сергей повел рукой, предлагая мне занять место для посетителей.

Я села, все еще изображая мировую скорбь.

– Один-один, Тая-Таечка-Таисия. – Ищук опустил за письменный стол. – Ты меня сделала.

– То-то же, Серый, – я зло улыбнулась. – Думаешь, то, что ты журналистам информацию про меня сливаешь, никто не знал? Таисия Берг отказывается принимать участие в рекламе нижнего белья, потому что не хочет показывать публике свои татуировки?

Он перегнулся через стол и отодвинул рукав моего жакета, запястье обнажилось, на нем извивалась тоненькая черно-красная змейка.

– Но это же правда.

– Тогда господин Еськов, главный редактор «Славигорских ведомостей», сегодня узнает правду о том, как жених Таисии Берг наставляет ей рога на своем рабочем месте. Думаю, жалеть будут меня.

– Чего ты хочешь?

– Пусть все остается как было. Убеди моих родителей, что мы хотим еще проверить свои чувства, прежде чем идти к алтарю.

– Что-то еще?

Я посмотрела в его лицо. Сергей явно нервничал.

– Ты говорил, тебе секретарша нужна? Может, Леру у меня заберешь?

Мы обсудили, кто теперь будет оплачивать услуги сексапильной

студентки, остановились на кандидатуре Сергея, вызвали бригаду ремонтников подчинить дверь, и я покинула кабинет.

Строчку «разобраться с личной жизнью» в моем ежедневнике можно было вычеркивать. Я зашла в дамскую комнату, умылась и, заперев дверь изнутри, распахнула на груди сначала жакет, затем блузку. Татуировки побледнели, но были еще вполне читаемы. Нужно будет на днях посетить татуировщика, подновить рисунки.

На рабочее место возвращаться не хотелось. Я позвонила Светке:

– Ты на месте? Может, перекусить куда-нибудь сходим.

– Я в городе, – ответила подруга. – Помнишь, я тебе на головокружение пожаловалась, а ты мне терапевта модного посоветовала? Доктора Шторма?

– Ты у него?

Фоном в трубке звучал чей-то диалог на повышенных тонах.

– Тайка, – хихикнула Светка. – Тут такое... Короче, заказывай столик в «Велесе», я сейчас подъеду и такое тебе расскажу...

Ресторан «Велес», названный в честь древнеславянского бога животных, располагался в здании нашего ТЦ и столик у меня там был по умолчанию.

– Да, да, я свидетель! – проорала Васильевна в сторону, потом мне, уже потише: – Пока, скоро буду.

В «Велесе» трапезничал Максим Еськов, которым я угрожала неверному Сергею. Журналистов было принято всячески привечать, поэтому здесь для них всегда были в наличии свободные столики, комплименты от шеф-повара и ощутимые скидки по счету.

– Здравствуйте, Максим, – кивнула я. – Все в порядке?

– Новостей никаких нет, – пожаловался Еськов. – Тишь да гладь в вашем королевстве. Желаете летучее интервью провести? Расскажем читателям, где предпочитает обедать самая красивая невеста Славигорска.

– А я слышала, скандал у нас в городе, – я доверительно склонилась над столиком. – Известный врач, зять нашего почетного гражданина, склоняет девушек к сексу при помощи гипноза...

Я наклонилась еще ниже, шепча собеседнику на ухо. Пушок на его шее встал дыбом, я знала, что моя близость действует на мужчин особым образом, поэтому не удивилась:

– Дмитрий Шторм.

Еськов вскочил, отбросил салфетку:

– Таисия, я ваш, со всеми потрохами!

Он побежал к выходу, на ходу выхватывая мобильник, как пистолет из

кобуры:

– Славик! Срочно выезжайте. Да, съемочную бригаду тоже...

Я улыбнулась, мне нравилось, когда люди увлечены тем, что делают.

Официант проводил меня к столику у окна:

– Желаете обедать?

– Рановато для обеда, – я взглянула на настенные часы. – Сделайте мне кофе, пожалуйста, а когда подойдет моя подруга, мы решим, что будем заказывать.

К эспрессо мне подали розеточку с медом. Все знали, что Таисия Берг девушка со странностями, мед она поглощает в невероятных количествах.

Я склонилась над розеточкой, потянула носом. Липовый – вкуснота!

Светка вбежала в ресторан запыхавшаяся, возбужденная, счастливая.

– Слушай! – плюхнулась она за столик, потом, обернувшись к подошедшему официанту, сказала: – Мне, пожалуйста, салатик и апельсиновый фреш, я худею. И на десерт – тирамису и кофе-гляссе, мне нужна глюкоза.

Официант удивления не выказал, они здесь ко всему привычные, и перевел вопросительный взгляд на меня.

– А мне еще кофе и двойной, нет, лучше тройной мед.

Он удалился, Светка легла грудью на стол.

– Твой Шторм оказался насильником, – ее шепот был насыщен такими децибелами, что все немногочисленные посетители «Велеса» повернули головы в нашу сторону. – Представь, сегодня прихожу к нему в офис, а там... Оказывается, поступил анонимный сигнал, что доктор проводит над своими пациентками гипнотические манипуляции без их согласия. К нему отправили девушку-полицейского под видом пациентки и поймали с поличным!

– Ничего себе, – я спрятала улыбку за ободком чашки. – В полиции знают, кто с ними информацией поделился?

Светка на вопрос не ответила, ей нужно было выговориться о своих приключениях:

– Главное, я прихожу, ресепшен там, медсестричка приветливая, сижу в приемной, журнальчики листаю. Вдруг шум, гам, в кабинете орут, дерутся, с лестничной площадки целое маски-шоу с автоматами, мы с медсестрой под стойку залезли от греха...

Она выдохнула, взяла из рук официанта стакан с фрешем и опрокинула его в себя:

– Короче, весело. Теперь не знаю, где нового врача искать, чтоб и к работе близко, и отзывы хорошие. Хотя, на фига мне врач? Замуж, наверное

пора, вот голова кружиться и перестанет.

Я пожалала плечами:

– Замуж тоже хорошо, но провериться лишний раз не мешает, особенно в нашем с тобой возрасте.

– Я старше, – протянула Светка, – значит, мне нужнее.

Официант принес ей еще сока и салат, и десерт, Светлана Васильевна основательно приступила к трапезе.

Под конец нашего то ли позднего второго завтрака, то ли раннего обеда, она решила:

– Сейчас полковнику своему позвоню, пусть с работы меня заберет. Если догадается быть сегодня настойчивым, я кочевряжиться особо не буду. Такой адреналин, Тайка! Ух!

Она убежала в свою лавочку, потому что адреналин адреналином, а деньги сами не заработаются. Я побродила по торговому центру, остановилась у витрины одного из бутиков. Там на ростовом манекене висело маленькое черное платье с принтом по подолу.

«Хочу», – решила я.

В примерочную кабинку я никого не пустила. Платье село как влитое.

– Туфли и клатч к нему, пожалуйста, подберите, – попросила я продавца, высунув голову за шторку.

Расплатившись, я подхватила пакеты и спустилась на лифте в подземный паркинг. Список дел на сегодня закончился, я могла себе позволить выходной.

Погрузив покупки в машину, я выехала с территории торгового центра и отправилась в другую часть города, на окраину. Здесь, в промзоне, прислонившись к каким-то давно покинутым складам, находилось здание спортивного клуба. Клуб был закрытым, только для своих, даже вывески на облупившейся стене не было. Владел сим заведением отставной спецназовец, кряжистый пожилой мужик, неприветливый и немногословный. Мы звали его майор.

Я припарковалась во дворе, подняла крышу салона, включила сигнализацию, в этих краях никакие предосторожности лишними не бывают.

– Привет, – буркнул майор, отработывающий удары по груше. – Чего среди дня заявилась? Сегодня вообще никого из ребят не будет.

Его собака, огромный мохнатый кавказец, лениво подняла на меня лобастую башку и зевнула.

– Погоняйте меня, что-то вялая я сегодня.

– Переодевайся.

Мой шкафчик был в захлавленной кладовке, в окружении поломанной мебели, каких-то швабр, распотрошенных боксерских груш, старых матов. Я переделалась в спортивный костюм с пузырями на коленях. Если бы славигорские журналюги увидели изысканную Таисию Берг в этом рубище, их настиг бы когнитивный диссонанс.

– Разогрейся, – майор кинул в мою сторону веревочную скакалку.

Я поймала ее левой рукой и минут двадцать, пока не взмокла, прыгала, считая вполголоса и стараясь держать дыхание.

Потом был спарринг. Майор меня никогда не жалел. Я уворачивалась от прямых в голову, уходила с линии удара, блокировала те, от которых не могла отклониться.

– Неплохо, – сказал наконец учитель и бросил мне полотенце. – По сравнению с тем, какой квашней ты была, когда пришла сюда впервые, даже здорово.

Я улыбнулась. Да уж. Тогда меня вынесло бы с первого же удара. Я потеряла грудь.

– Сердце? – спросил майор равнодушно. – Ты бы проверила сердечко, Тая. У тебя от усилий синяя кромка вокруг рта выступает, нехороший признак.

– Мне МРТ нельзя делать, – я вытерла лицо застиранным до ветхости полотенцем. – Татуировки.

– Бред все это. У меня тоже немало на плечах набито, и ничего. Регулярно магнитно-резонансную томографию прохожу.

Когда я, переодевшись, покинула зал, уже стемнело. Фонари не горели. Я села в машину, повернула ключ. Мотор рыкнул и заглох. Кажется, пока я тренировалась, местные гопники слили весь бензин. Чертыхнувшись, я вышла из машины. Можно было кому-то позвонить, чтоб меня забрали, но я решила справляться самостоятельно. Захлопнув дверцу и щелкнув брелоком сигнализации, я пошла в сторону ближайшей заправки. Мне нужно две канистры бензина, будем считать, что тренировка продолжается.

Пахло тиной, река была недалеко, за плотными рядами шиповника начинался берег Слави. Полная луна выглянула из-за облаков. Навстречу мне шел полицейский в форме. На поясе высокого плечистого мужчины покачивалась дубинка.

– Все в порядке? – спросил полицейский, поравнявшись со мной.

Я не успела ответить. Быстро оглядевшись, он выхватил дубинку и нанес удар мне в солнечное сплетение. Я полетела спиной в кусты. Колючки шиповника больно полоснули незащищенную кожу.

От удара, кажется, весь воздух из легких исчез, я со всхлипом

вдохнула.

– Сладенькая, – протянул мужчина, – мягонькая, – и опять занес дубинку, свободной рукой расстегивая ширинку.

Я выбросила вверх правую ногу, нанесла удар в пах, соперник с криком отскочил. Я, оттолкнувшись согнутыми ногами от земли, вскочила и приняла боевую стойку.

Фальшивый полицейский замахнулся, как бы примериваясь, потом резко побежал в сторону. Бегал он хорошо, но я все равно была лучше. Продравшись сквозь кусты, он скатился по берегу к самой воде, встав там на четвереньки, стал подниматься. Я прыгнула следом, он не успел разогнуться, всем весом тела я ударила его по спине, упала в воду, вскочила, поднимая тучи брызг.

– Ты кто такая? – тяжело дыша, он рванул из кобуры пистолет.

Отвечать я не собиралась, лунный свет блеснул на полированном стволе. Уклоняться от пуль я не умела.

Выстрел, казалось, разорвал мои барабанные перепонки. Насильник рухнул.

Майор спускался к воде, дуло гладкоствольного карабина, который он нес в руке, дымилось.

– Вепрь-12 молот? – спокойно спросила я.

– Он родимый, – майор приблизился. – Проверь, дышит ли.

Насильник застонал.

– То-то девчонки дворовые говорили, шарит кто-то по округе, боятся они поодиночке ходить, как стемнеет.

– У вас будут большие проблемы, – стонал раненый. – Я полицейский.

Наклонившись, я рванула карман его форменной куртки, достала корочки.

– Он не врет, майор.

– Полицейский, это не господь бог, – майор плюнул под ноги. – Или, Тайка, тебе в новостях светиться ни к чему, я сам тут все порешаю.

– У меня бензин слили.

– Завтра вернут и машину твою к дому отгонят. Давай ключи, а сама такси возьми.

Я отдала майору ключи, вскарабкалась наверх, к дороге. С одежды текло.

Свет автомобильных фар слепил, машины мчались мимо, грудь сдавило. Ну давай держись. Подними руку. Даже в таком виде, грязная и жалкая, ты можешь...

Я упала на колени, вдохнуть не получалось, справа у ребер горело

огнем. Я упала на обочине, закрыла глаза.

– Еще одну машину «Скорой помощи», – услышала я над собой голос майора. – Дефибриллятор готовьте. Сердце.

Я отключилась.

Сознание всегда возвращается по частям, в первую очередь почему-то слух. Равномерно пикали какие-то приборы, вдалеке кто-то разговаривал. Я прислушалась. Это был телевизор с местной новостной программой.

– ... Вчера в городскую больницу была доставлена Таисия Берг, владелица и руководитель торгового центра «Ярила», у нее диагностировали остановку сердца. Наши журналисты сообщают, что длившаяся восемь часов операция по пересадке прошла успешно. Это первый случай в современной...

Я открыла глаза. Все вокруг было белым, даже льняная распашонка, в которую я была теперь одета. Короткие рукава не скрывали испещренные татуировками руки, от локтя к стойке тянулась трубочка капельницы. Я выдернула из ноздрей пластиковые раструбы кислородного аппарата.

– Вы уже пришли в себя? – молоденькая медсестра, улыбаясь, поворачивала какие-то рычаги. – Все прошло хорошо. Ваши родители уже в дороге, господин Берг звонил из сиднейского аэропорта перед вылетом. Через несколько часов они приземляются.

Я повернула голову. Шею свело судорогой, я застонала, в горле першило.

– Не шевелитесь, – испугалась девушка. – Я сейчас вам водички дам. После наркоза всегда пить хочется.

Я опять застонала.

– Ваши браслеты здесь. Господин Берг сказал, что вы первым делом этим поинтересуетесь. Вот они.

Она достала откуда-то сбоку, наверное, с прикроватной тумбочки, которая была вне зоны моего обзора, два серебряных чеканных браслета.

– Хотите их надеть?

Я кивнула.

Когда браслеты привычно обхватили запястья, она поднесла к моему рту поилку. Горло спазматически сокращалось, пропуская влагу.

– Теперь поспите, – проговорила девушка, – доктор вас после посмотрит. Но вы не переживайте, все точно в порядке, операция прошла успешно. Вам повезло, случайно в нашей больнице с визитом находился очень известный хирург, международное светило. Донорское сердце прижилось. Спите, Таисия Алексеевна. Спите.

Я уснула и проспала часов двадцать, потому что, когда я открыла глаза,

у кровати уже сидели родители. Мама была бледная и заплаканная, отец схватил меня за руку.

– Да нормально все, – прошептала я.

Слова давались с трудом.

Родители просидели у меня до вечера, мама кормила меня с ложечки какой-то перетертой гадостью, я чувствовала себя маленькой и от этого хотелось плакать. Отец куда-то выходил, разговаривал с врачами, получал результаты каких-то обследований, распечатанные на мелованной бумаге, тут же их просматривал, делая пометки, и отправлялся беседовать дальше, уточняя какие-то спорные моменты.

– Кто был донором? – спросила я, когда он в очередной раз вернулся.

Папа присел у кровати и взял меня за руку.

– Лиечка, сходи погуляй. Там на этаж ниже автоматы со снеками и кофе стоят. Возьми мне кофейку.

Мама вышла.

– Попробуй воспринять то, что я тебе сейчас расскажу, спокойно, – сказал отец.

Я кивнула.

– Двадцать лет назад я познакомился с одним довольно странным человеком. Он сказал мне, что ты смертельно, неизлечимо больна, но болезнь проявится лишь спустя десятилетия. Я не мог ему не поверить, очень уж при странных обстоятельствах мы с ним встретились.

– И что?

– Разумеется, тебя сразу же отправили на обследование, но врачи ничего не обнаружили. Тогда странный человек появился опять. Он передал мне контейнер в обмен на некую услугу... Я показывал его потом специалистам, все они твердили, что наши технологии на это не способны.

– В контейнере было сердце?

– Да. Этот человек сказал, что это сердце – твое, и единственное, которое не отвергнет твое тело. Он сказал мне, как называется твоя болезнь. Я собрал море информации, вся она сводилась к тому, что при таком диагнозе пересадка невозможна. Поэтому я поместил контейнер здесь, в медицинской лаборатории. Ты же знаешь, наша семья уже двадцать лет спонсирует эту больницу, мне предоставили все необходимое для хранения оборудования. Я оставил медикам четкие указания, что делать, если когда-нибудь тебе понадобится...

Он вздохнул:

– Прости, ребенок, – мне не стоило уезжать.

– Ну ты же не знал, когда именно мое старое сердце откажет, так что

нечего страдать. Проблемы нужно устранять, а не требовать от окружающих жалости.

Папа вытер влажные глаза ладонью:

– Моя дочь.

В больнице я провела еще четыре недели. Медики удивленно качали головами, видя, как пятнадцатисантиметровый шрам на груди заживает. Сердце работало как часы. Я стала потихоньку вставать с постели, много гуляла в больничном парке. Меня навещала Васильевна, всегда нагруженная пирожками или фруктами, приходил Сергей с букетом бледных лилий. Как и предполагалось, торговый центр «Ярила» продолжал приносить прибыль и без своего фотогеничного директора. Однажды с визитом явились Баринов с волоокой Лерочкой. Девочка смущалась, видимо, опасаясь, что я расскажу дяде Арику о ее шалостях с моим женихом. Баринов болтал что-то о новых препаратах для омоложения, которые стал производить исследовательский центр больницы, и просил меня поспособствовать ему, чтоб попасть в команду тестеров. Лерочка закатывала глаза, желания любовника ее забавляли.

Самое забавное, что я действительно пыталась поспособствовать, Баринов обладал даром убеждать окружающих делать то, что ему было нужно. Под экспериментальную лабораторию был отведен целый этаж. Вход туда был только по пропускам после проверки отпечатков пальцев и еще чего-то там, вполне допускаю, что состава слюны. Но меня даже не осмотрели. Волшебная фамилия Берг открывала любые двери. Руководитель лаборатории провел для меня ознакомительную экскурсию, показал белых юрких мышек, на которых тестировали новые препараты. Грызуны весело копошились в клетках, бегали, крутя сетчатые колеса, вкусно хрустели семечками. Я представила на их месте весело хрустящего дядю Арика и улыбнулась.

Еще мне показали шкаф, в котором двадцать лет хранилось донорское сердце, огромный холодильник со стальными запорами, установленный в отдельном помещении.

Я уважительно покачала головой:

– Действительно, очень солидно выглядит. А это что? – У стены стоял продолговатый массивный предмет, выглядевший здесь абсолютно нелепо. – Древнеегипетский саркофаг?

– Мы не знаем, что это, – улыбнулся мой сопровождающий. – Господин Берг сказал, что эта вещь должна стоять здесь столько, сколько понадобится. Особого ухода она не требует.

– Что в нем? – У меня даже кончики пальцев похолодели от

любопытства.

– Он заперт, его никогда не открывали. Может быть, ключ от него находится у вашего отца?

Я, не дослушав ответ, уже поднимала крышку саркофага. К общему удивлению, она поддалась. Саркофаг был пуст. Я разочарованно вздохнула.

Когда мне разрешили сменить диету на привычную, первым делом я попросила принести мне баночку меда.

– Тайк, а Тайк, – Васильевна сидела у меня уже часа полтора и уходить не собиралась. Полковник по имени Тимофей ждал ее в машине на больничной парковке, а Светка тянула время, чтоб он не воображал там себе. Высокие отношения, чего уж там... – а чего это на тебе понаписано?

Я опустила взгляд к обнаженным рукам.

– Это древнеегипетский алфавит.

– И чего, ты его знаешь?

– Выучила.

– Так ты сама это все писала?

– На бумажке – сама, а на кожу, конечно, татуировщик переносил.

– Что? Что это все значит?

– Ну, тут написано, кто я, имя, возраст.

– А вот это вот? – Светка ткнула пальцем в ямочку у локтя.

Там было написано: «Доктор Шторм, гипнотизер и насильник», то есть не конкретно этими словами, но ближайшими по соответствию. Но сказать это Светлане свет Васильевне я не могла, как и о том, что специально отправила ее туда на прием, опасаясь, что тесть Димочки Шторма отмажет его, в новостях ничего не покажут, и я не узнаю о реакции полиции на мое анонимное сообщение.

Татуировка была уже совсем бледной. Ее можно не восстанавливать, эта строчка в ежедневнике уже неактуальна.

– Однажды я поняла, что страдаю частичной амнезией, – приговорила я вслух. – Поэтому стала записывать некоторые вещи.

– А почему не на бумажке?

– Потому что при потере памяти человек может забыть, что и где он записал. А кожа всегда при мне.

– Логично, – Васильевна любовно погладила мою руку. – Ты самая загадочная женщина из всех моих знакомых, Таисия Берг. Если б я книжки писать умела, я бы про тебя роман изваяла, честное слово. И назвала его как-нибудь вычурно – «Медовая змейка».

Я рассмеялась:

– Медовая, понятно, я мед люблю. А почему змея?

– Не змея, а змейка, есть в тебе что-то... – Она прищелкнула пальцами
– Манера такая, ты сначала смотришь не мигая, как будто не на собеседника, а сквозь него, а потом делаешь быстрое движение, как бросок.

Мы еще немножко поболтали, к моему облегчению не обо мне, а о сложной судьбе полковничьей невесты.

Я слушала Светку рассеянно. Мысли, зацепившись за слово «полковник», перескочили на майора, я подумала, что он меня ни разу за это время не навестил. В тот день он вызвал мне «Скорую», я четко слышала его голос, но потом куда-то пропал. Даже когда ко мне приходил с допросом следователь Коростелев, ни словом о майоре не обмолвился. Сказал, должна каждодневные молитвы возносить за то, что мимо какой-то охотник проходил. Какой-то охотник... Славигорского насильника, которого он подстрелил, взяли под стражу прямо в больничной палате. Он действительно служил в полиции, но вещественные доказательства, полученные при обыске, указывали, что он планировал убийство по крайней мере трех жертв. Я попала на его пути случайно, и в материалах дела значилась четвертой. Доктор Шторм наказания избежал. Занятия гипнозом не попадали ни под одну из статей Уголовного кодекса, показаний жертв не было, вполне возможно, что первую свою попытку насилия Дмитрий совершил с подставной пациенткой. Правда, жена его все равно бросила, и доктор Шторм лишился поддержки всесильного тестя. А после серии статей, которой разразились «Славигорские ведомости», Шторму пришлось закрыть практику и уехать из города. Хотя Еськов, опасаясь судебного иска, никаких имен не упоминал, разразившись инвективами против поругания врачебной этики в целом.

Про все это мне рассказал Коростелев, когда наш допрос перетек во вполне дружескую беседу. Следователь был довольно приятным молодым человеком, но когда он попытался пригласить меня на свидание, я твердо отказалась.

– Не хотите расстраивать своего жениха? Или не встречаетесь с нищелюдами? – спросил он обиженно. – Кто я, скромный чиновник, и кто вы – наследница миллионного состояния.

– Не в этом дело, – я взяла его за руку, на безымянном пальце белела полоска от недавно снятого обручального кольца. – Думаю, что ваша жена нашего свидания не одобрит.

В утро дня выписки я прогуливалась в парке. Самочувствие было неплохим, настроение сносным, погода великолепной. Высокий мужчина в

докторском халате шел по дорожке с видом повелителя мира. Его черные волосы контрастировали с белоснежной крахмальной тканью халата, длинные глаза равнодушно скользнули по мне, сидящей на скамейке под цветущим кустом сирени.

Он вежливо кивнул.

Я поздоровалась:

– Кажется, вы именно то мировое светило, которое меня оперировало?

Он присел рядом, у него были изящные руки, смуглые, жилистые с длинными пальцами.

– Как вы себя чувствуете? – У него был пробирающий до мурашек низкий голос.

– Немного растерянной, – честно ответила я. – Я не привыкла к равнодушию окружающих меня мужчин.

– А я равнодушен?

– Мне почему-то так кажется.

Он перевел взгляд на мои руки:

– Красивые браслеты.

Вдалеке залаяла собака. Он поднялся:

– Простите великодушно, мне пора.

– Спасибо.

– За что?

– За вашу хорошую работу, – я прикоснулась кончиками пальцев к груди.

Он кивнул и ушел в сторону больничных корпусов.

Тут же ожил мой мобильный в кармане халата, звонила мама, которая приехала забрать меня домой.

Дома было здорово, многолюдно, суетливо и весело. Близнецы оккупировали верхний этаж, заняв свои старые детские, мне, как не вполне здоровой, выделили мою же спальню, а мама с отцом расположились в гостиной.

В кухне пахло запеченным мясом, клубничным вареньем и пирожками. Мама любила и умела готовить, и то, что могла при желании купить любой славигорский ресторан вместе с обслуживанием, ее кулинарного подвига не останавливало. Меня усадили за стол, сунули под нос тарелку с молодой посыпанной укропом картошкой.

– Банку с медом ей дайте, – сказал жующий Сашка. – Тайка без меда ничего есть не будет.

Мама на него шикнула, но достала из шкафчика литровый туесок.

Машка рассмеялась. Брато-сестры мои были из той породы непохожих

друг на друга близнецов, которые при всей внешней непохожести, действовали синхронно, думали одинаково и, кажется, на расстоянии чувствовали мысли друг друга.

«Как же мне хорошо», – я вытерла рукавом крошечную слезку.

– Тебе на день рождения что дарить? – спросил Сашка, подчищая тарелку хлебной корочкой.

– Вязальные спицы и котенка, – фыркнула Мария. – Двадцать шесть – это уже стародевический возраст.

– Может, мне тогда уже к земле начать привыкать? – Мама легонько стукнула Машку по лбу деревянной ложкой. – Кстати, Таечка, день рождения уже послезавтра. Мы с папой решили прием в честь этого устроить в «Яриле». Ты не против?

Как будто я за полтора дня могу изменить то, что они готовили четыре недели, пока я была в больнице. Поэтому промычав что-то вроде «прекрасная идея», я отправилась в спальню.

– Как она вообще? – громким голосом спросил Саша. – Вроде настроение неплохое.

– Врачи говорят, регенерация тканей просто поразительная, – ответила родительница.

Я разделась перед зеркалом, посмотрела на розовую дорожку послеоперационного шрама. Внешние швы уже сняли, внутренние должны были раствориться сами.

Целый день я спала. Еще в больнице я заметила, что сны мои стали приобретать отчетливый сексуальный характер. То ли действовал подступающий возраст с гормональными колебаниями, то ли просто так сложились звезды. Но ночные видения выматывали меня до горячего пота. Этот дневной сон был из той же серии. Я изгибалась, до боли закусив губы, и проснулась от своего стога.

Пришлось брести в душ, открывать до упора кран холодной воды и стоять под ледяными струями, усмиряя плоть как какой-нибудь средневековый послушник.

Потом я завернулась в халат, побрела на кухню, плотно пообедала или поужинала, запив все сладким медовым чаем.

– Ты куда? – спросила мама из гостиной, когда я выходила, уже одевшись и прихватив с комода ключи.

– В городе прогуляюсь, – я тряхнула волосами. – Врачи не настаивали, чтоб я все время в постели лежала.

– Мобильный при тебе?

Я кивнула.

– Может, давай я тебя подвезу? А если тебе плохо за рулем станет? Мне? Плохо? За рулем?

Я расхохоталась. В нашей семье бытовал легенда, что Тая научилась водить машину незадолго до того как пошла в первый класс. Мама говорила, что я стащила ее туфли на высоких каблуках, чтоб дотягиваться до педалей, и попыталась угнать родительский джип.

Мама поняла причину моего веселья и тоже улыбнулась:

– Ладно, ладно. Если что, звони.

Мой «Ягуар» стоял на привычном месте. Кстати, странно, ключи ведь лежали на комодe, куда я их обычно кладу. Майор пригнал машину и влез в дом?

– Ма-ам, – крикнула я в окно.

Створка отворилась.

– Мою машину кто пригнал, ты видела?

– Полицейские, деточка.

– Понятно, спасибо.

Сначала я съездила в промзону, постучала в знакомую дверь. Майор мне не открыл, хотя, может, его просто не было. Потом, оставив автомобиль на стоянке у набережной, зашла в тату-салон, расположенный в центре. Татуировщика моего звали Эдик, и я сомневаюсь, что на Земле существует другой человек, видевший меня настолько обнаженной.

– Да уж, – протянул Эдик, рассмотрев меня под ярким светом лампы.

Я лежала в кресле, по пояс голая и нисколько не стеснялась.

На заре наших деловых отношений Эдик попытался что-то такое сделать с моим телом, что-то такое непрофессиональное, то ли за грудь ущипнуть, то ли еще что, я уже не помнила, но я пригрозила сломать ему палец или два, после чего Эдуард, догадавшись, что «нет» это «нет», а девушка с таким мышечным рельефом действительно может сломать тонкую косточку фаланги, как карандаш, извинился.

– Что да уж? – передразнила я татуировщика. – Можешь исправить.

– Тайка, – он прижал к груди пухлые руки, к своей груди, не к моей. – Ты же знаешь, для тебя хоть звезду с неба. Ну не берет тебя тушь.

– Что значит не берет? Значит, глубже вкалывай.

– Смотри, – он цапнул меня за запястье, где над браслетами змеились черно-красные, а скорее уже серо-розовые татуировки, свободной рукой схватил держатель татуировочной машинки, поднеся наконечник к моей коже.

Машинка зажужжала, наконечник чуть углубился в кожную ткань, впрыснул порцию краски. Я поморщилась, процедура была болезненной.

– Теперь смотри, – Эдик отпустил держатель и раскрытой ладонью провел по моему запястью. Это было на редкость негигиенично. – Видишь?

Краска осталась на его ладони, а не на моей коже. Более того, даже следа от наконечника на ней не удавалось рассмотреть.

– Что это значит?

– У тебя нечеловеческая регенерация. Можешь еще пирсинг попробовать, зуб даю, любой прокол у тебя за полчаса зарастет.

Пирсинг я пробовать не захотела. Вместо этого я попросила лист бумаги, ручку и отправилась в туалет. Там при свете синей потолочной лампы я все тщательно переписала и перерисовала. «Меня зовут Таисия, я стальная змейка, я защищаю...» Следующий символ я никогда не могла расшифровать. Рисуночное письмо, черт его дери. Это могло читаться и как фараон, и как солнце, и как желание.

Когда я вышла из туалета, в кресле у Эдика сидел новый клиент.

– Спасибо за ручку, – сказала я, положив ее на стойку. – Пока.

– Девушка, – протянул из кресла мускулистый парень. – Где вы прячете свои крылья? Вы же ангел?

Эдик скривился:

– Брось, Тимур, она на пикаперские штучки не ведется. Не твоей лиги барышня.

Я вернулась на набережную, купила у лоточника карамельное яблоко на палочке, и, сидя в машине и хрустя лакомством, любовалась ночной рекой, проплывающими катерами, тем, как причудливо дробится в волнах фонарный свет.

Низкий мужской голос вывел меня из задумчивости:

– Таисия?

У машины стоял мой доктор-спаситель, без белого халата, но вполне узнаваемый. Черная футболка плотно облегла рельефную грудь. В руке он держал точно такое же, как у меня, яблоко.

– Добрый вечер, – я отсалютовала лакомством. – Гуляете?

– Перемещаюсь, – он улыбнулся. – Из точки «А» в точку «Б».

– Точка «А» – это больница, а «Б», наверное, дом?

– Я живу в отеле, – ответил доктор.

– Хотите, я вас подвезу? – неожиданно спросила я.

Он кивнул:

– Меня не часто подвозят хорошенькие пациентки.

– Значит, я все-таки хорошенькая? – дождавшись, когда он займет пассажирское место, я завела мотор.

– Я никогда не утверждал обратного.

Дорогу я знала, нам не пришлось даже сверяться с навигатором. На трассе я привычно ускорила, мой попутчик наблюдал за моими действиями со вниманием инструктора автошколы, о чем я ему не приминула сообщить.

– Вы давно водите?

– Ну, права я получила в шестнадцать, значит, десять лет. Это была неловкая попытка выяснить мой возраст?

– Таисия, я читал вашу медкарту, так что знаю и более скрываемые тайны.

– Например, какие?

Он округлил глаза и выдохнул:

– Все!

Мы синхронно расхохотались.

По дороге мы почему-то решили, что ехать ему сейчас в отель глупо. Я предложила обзорную экскурсию гостю нашего города. Он с радостью согласился. И мы поехали на обзорную площадку, с которой открывался самый красивый вид на Славигорск.

Я заглушила мотор, когда мы добрались до места, и тишина опустилась с неба, накрыв нас будто пологом. Не уверена, кто из нас сделал первый шаг, вполне может быть, что я, но уже через пару минут мы самозабвенно целовались, срывая друг с друга одежду.

Он подхватил меня под бедра, перетащил на свое сиденье, дернул замок джинсов, стягивая их с меня.

– Нет, – я вдруг поняла весь ужас происходящего. – Мне нельзя.

Он мотнул головой, тяжело задышал, дернул джинсы, плотная парусина с треском разошлась.

– Это опасно, – я вяло отбивалась, чувствуя горячую волну, бегущую по позвоночнику и понимая, что сопротивляюсь неубедительно. – Ты можешь умереть.

Он сказал что-то вроде «плевать», а потом стал делать что-то такое, отчего я решила, что умру из нас двоих именно я и уже немедленно. Может, он, этот мужчина, и есть тот самый нечитаемый знак, фараон, солнце и желание?

– Как тебя зовут? – простонала я, изгибаясь.

– Меня... зовут... Наг...

Я проснулась на рассвете. Солнце вставало над Славигорском, вызолачивая его до нереальной глянцевой картинке. Я была одна. О том, что ночное приключение мне не привиделось, напоминала рваная и замаранная одежда.

Я достала из багажника запасной спортивный костюм, оделась, драные тряпки сложила в мусорный пакет и забросила в багажник. Там шуршали еще какие-то пакеты, бумажные. Я вспомнила, что купила в бутике маленькое черное платье.

Он ушел, не разбудив меня. Что ж, будем считать, что в жизни любой двадцатилетней женщины должно быть место хотя бы одному такому спонтанному сексу с незнакомцем. Черт! Двадцать шесть! У меня сегодня день рождения!

Я нашла свой мобильный на полу машины, неотвеченных вызовов было штук пятьдесят, все от мамы.

Я нажала вызов, и после первого же гудка услышала:

– Надеюсь, ты с Сережей?

– А ему ты, значит, не звонила?

Сарказм моего вопроса был проигнорирован.

– Звонила, он сначала сказал, что ты спишь, потом, что в душе. Если ты наконец выспалась и отмылась, может, займешься собственной вечеринкой?

Я пообещала приехать в «Ярилу» немедленно, попрощалась, набрала Сергея:

– Спасибо.

– Я был уверен, дорогая, что мужчины тебя не интересуют.

– Я тоже так думала.

Он рассмеялся:

– Ладно, чисти перышки. Я выиграл нам еще четыре года для проверки чувств.

– О, здорово. Как тебе это удалось?

– Тебя вызывает... – тут он назвал достойное учебное заведение, в котором я получала высшее образование, – для достижения ученой степени. Курс рассчитан как раз на четыре года.

– Хочешь избавиться от соперников в карьере, женишок?

– Ты видишь меня насквозь.

Он отключился, я покачала головой. Тогда действительно придется, наверное, уехать. Мне давно хотелось путешествовать.

Для подготовки вечеринки мама оккупировала весь пентхаус, там было многолюдно, нервно, стояли какие-то раскладные столы, ширмочки, вешалки. В одной из комнат взопревший от усилий охранник наддувал воздушные шары ручным велосипедным насосом.

– Готова к труду и обороне, – бодро проговорила я, входя в большую залу.

– О боже! – вскричала родительница. – Быстро в душ и позавтракать. Откройте для Таисии одну из ваннных комнат. Здесь подключена сантехника?

Все оказалось в рабочем состоянии, я решила не мелочиться, набрала полную ванну горячей воды, насыпала туда соль, обнаруженную на одной из полочек, легла сама и надолго отключилась. Мышцы ныли в самых неожиданных местах, но это были довольно приятные ощущения.

– Ты готова, желанная?

Я готова была поклясться, что окно ванной закрыто, но лицо мое оведал самый настоящий приятный ветерок, а на коже будто пробежали электрические разряды.

– К чему?

– Мне казалось, ты уже помнишь...

Слуховая галлюцинация тоже была приятной, особенно когда она перестала быть исключительно слуховой. Я тихонько застонала.

В дверь громко застучали.

– Таисия! – в голосе мамы звучало раздражение. – Ты там не утонула?

– Сейчас выхожу.

Полотенца не обнаружилось, я надела спортивный костюм на влажное тело. Я должна быть к чему-то готова? Я опять что-то забыла?

То, что память меня подводит, я догадалась довольно давно. Часто я узнавала какие-то предметы и людей, о встрече с которыми не помнила. Психиатры, к которым я обратилась втайне от родни, только разводили руками. Пришлось сражаться с проблемами в одиночку. Я исписывала десятки тетрадок обрывочными фразами, которые казались мне хоть сколько важными, короче всем, что только приходило мне в голову. Потом я заметила закономерность. Некоторые слова и фразы постоянно повторялись, именно их я решила сделать татуировками. Почему я выбрала древнеегипетский алфавит? В родительской библиотеке было много книг по этой теме. Мне показалось, что кириллица на коже смотрится более нелепо, чем египетские иероглифы, к тому же часть моих дневниковых записей и без того пестрела древними закорючками.

Я вышла в коридор, мама ждала меня у двери:

– Отец там, он хочет с тобой поговорить.

– Хорошо.

Алексей Берг сидел в одной из гостиных на уютном диванчике, на полу у стены стоял работающий телевизор. Папа смотрел международные новости. Диктор говорил на английском с мягким колониальным акцентом:

– ...в трех с половиной милях от основного захоронения, разоренного

двадцать лет назад черными археологами, обнаружена была зеркальная пирамида Итиеша, фараона, оставившего в нашей истории самые страшные следы. Золотые слитки и драгоценные украшения оцениваются...

Отец заметил меня и выключил телевизор.

– Это мы с Аристархом основную пирамиду раскопали, – устало сказал он.

– Итиеша? – Я присела на диван.

– Хотели. Конечно, зеркальную, но кто же знал, что она на три с половиной мили...

Он замолчал. Я с нежностью подумала, что он здорово сдал, волосы стали совсем седыми, носогубные складки оформились в глубокие морщины.

– Сергей сообщил нам сегодня, ты собралась уехать. Куда?

– Он разве не сказал? Университет...

– Тайка, – перебил меня отец. – Просто скажи правду.

– Я не знаю, пап, – вздохнула я. – Куда-нибудь. Только за Сережу замуж я даже под наркозом не пойду, и работа директора в «Яриле» мне не нравится. У меня постоянно чувство, что я не живу, а проживаю какое-то время для галочки. И постоянно кажется, что еще чуть-чуть и начнется настоящая жизнь.

– Прости, ребенок, – он взял меня за руку.

– За что?

– Мне нужно тебе раньше было обо всем рассказать. Но мне казалось, что не стоит ворошить, что все в порядке...

Он отпустил мою руку, подошел к подоконнику, на котором стола пузатая бутылка коньяка и два бокала, налил янтарной жидкости на доньшко, отхлебнул.

– Помнишь, я говорил о странном человеке, который подарил тебе сердце?

– Конечно.

– Одним из условий передачи было то, что я сохраню примерно в течение двадцати лет некий предмет.

– Саркофаг? Я его видела, он у стены в лаборатории стоит.

– Уже не стоит. Вчера утром он исчез.

– И что это значит?

– Сейчас я просто дословно могу повторить слова, которые когда-то слышал. Петля замкнулась, вернувшись к тому моменту, когда все началось.

– Это звучит очень странно.

– Еще не все. Дальше просто какой-то бред.

– Продолжай.

– Итиеш, – осторожно проговорил он, следя за моей реакцией. – Стальная змейка, желанный...

В глазах потемнело, как будто наступила ночь, моя личная ночь.

– Мечь.

Почему-то ключом сработало именно последнее слово, я вскрикнула, прижав ладони к вискам, браслеты царапнули кожу щек. Девочки, вы, наверное, проголодались?

Он говорил Итиешу, что регенерация сердца занимает двадцать лет. Он отдал мне свое сердце, одно из двух, и лег в саркофаг на все эти годы. Он ждал меня. А я... Почему я вчера его не узнала? Наг, мое солнце, фараон и желание. Почему ключом сработала «мечь», а не «любовь»?

Папа рухнул на диван, бокал покатился по ковровину, расплескивая свое содержимое.

– Значит, это все правда... Ты вернула нам жизнь, пожертвовав собой. Петля, а на самом деле все случилось совсем иначе...

– Ну что ты такое говоришь? – я разревелась. – Нет того иначе, есть здесь и сейчас, ты, мама, близнецы, целая планета.

– Но ты уйдешь с ним!

– Я люблю его, пап. Он... мое сердце, – я прижала ладонь к груди, – и его сердце мое.

Я опустилась на пол, спрятала лицо на отцовых коленях, как будто опять стала маленькой и принесла к нему свои девчоночьи беды.

– Но если вы с мамой меня не отпустите, я не смогу уйти.

– Маме ничего не говори. Она ни о чем не знает. Я думаю, что она забыла о том инциденте на смотровой площадке. Лия?

Я подняла лицо. Очень бледная мама стояла на пороге:

– Не знаю? Конечно, если тебе было легче думать так все эти годы.

Она промаршировала к окну, плеснула в бокал коньяку и залпом выпила.

– Я знаю, Лешенька, все знаю, и жду с таким же ужасом, как и ты.

Я почему-то в этот момент подумала, что близкие люди должны друг другу все рассказывать, потому что вместе все делать легче: и ждать, и бороться с ужасом.

Чуть звякнув доньшком, бокал вернулся на подоконник. Мама подошла к дивану, села и ревниво переложила мои руки к себе на колени:

– Что он за человек, твой фараон?

– Он не фараон, – улыбнулась я сквозь слезы, и не совсем человек, если честно, но тревожить маму еще больше не хотелось. – Он очень добрый, и верный, и сильный.

– Там у себя, – родительница пошевелила рукой в воздухе, не желая произносить вслух, где именно, – он занимает достойное положение?

– Ну какая разница, мам?

– А такая, что женщины должны выбирать мужчину, который сможет прокормить ее потомство!

– Или помочь мужчине достичь высот, – папа взял маму за руку, – как ты, дорогая. Ты вышла замуж за нищего историка.

Я посмотрела на родителей. Им явно хотелось целоваться. Поэтому пробормотав: «Я еще вернусь», выбежала из комнаты. Мне срочно нужно было видеть Нага.

«Ягуар» неся, как будто за его владелицей гнались сто тысяч чертей. С визгом затормозив на смотровой площадке, я отправилась к телепорту, то есть к тому месту, где он, как я помнила, был. Поляна, к которой я свернула, спустившись по серпантину на четыреста метров, была пустынна. Никаких световых кругов, или их не положено было видеть днем. Я попрыгала, кажется, на каждой травинке, до хрипа наоралась, зовя своего желанного по имени и вдоволь наревелась, поняв, что он оставил меня, теперь навсегда.

– Я научилась драться! – кричала я, запрокинув лицо к небу. – Я стала сильной! Я вожу машину, как автогонщик. Стреляю, как снайпер! Это все для тебя!

Наг

Вернувшись на корабль, он отправил телепорт в спящий режим.

– Ты ее видел? – Рашук заглянул в капитанскую каюту, по обыкновению что-то жуя.

– Она меня не узнала.

– И что теперь? Может, наконец плюнем на стальную змейку и...

Из-за стены раздался собачий лай.

– Рой тоже считает, что Итиеша пора бы доставить к месту назначения. Он болтается с нами на орбите уже двадцать лет в разобранном виде и в любую минуту додумается начать дрессировать мух.

– Хорошо, – Наг бросил на пол одежду, прошел в дезинфектор, застегнул на бедрах облачение. – Давай как можно скорее покинем эту

планету.

– А как же Тая? – испугался Рашук. – Тая-Таечка-Таисия! Моя идеальная стальная змейка! Наг, я пошутил.

Капитан многозначительно помолчал, почесал за ухом вбежавшего в каюту роя, которому форма земной собаки очень нравилась, и только после этого серьезно проговорил:

– Я тоже, Рашук. Я тоже пошутил.

И расхохотался.

Таисия

Жизнь была кончена. В этот раз абсолютно. Я вернулась в «Ярилу», поднялась в пентхаус, даже не забыв захватить из багажника свое маленькое черное платье. Прием был назначен на пять, стенные часы в лифте показывали шестнадцать тридцать. За полчаса я вполне успею причесаться, одеться и умереть. Нет, умирать нельзя. Родители этого точно не переживут. Мне надо продолжать как-то существовать, несмотря ни на что.

В пентхаусе не было никого, кроме уборщиков, все спустились в зал приемов. На столе валялся список гостей, я узнала мамин почерк, она предпочитала писать от руки. Пятьдесят человек, самые близкие, надо думать. Напротив фамилии Баринава стояла пометка «плюс один», значит, предполагалось, что он приведет Лерочку. Интересно, она успеет пошалить с Сережей, пока Баринав будет занят беседой с кем-нибудь из подходящих ему по возрасту гостей?

Я отправилась в ванную, встала под душ, высушила мокрые волосы. Татуировки исчезли совсем, поэтому я без сомнения надела платье и застегнула его на спине, ступила в туфельки, положила в клатч мобильный телефон. Небольшой дискомфорт доставляло то, что белье я захватить забыла, поэтому даже легкий ветерок, залетавший под принт платья, вызывал нескромную дрожь.

Проходя мимо стола со списком я еще раз в него заглянула.

Доктор Наг. Ну да, отец не мог не пригласить на праздник спасителя дочери. Только вот спаситель не придет, пап. Он обиделся, или решил, что выплатил долг сполна, или встретил другую стальную змейку, более хорошенькую или сексуальную. Стук моих каблучков отбивался от стен пустых коридоров. Я зло печатала шаг. Хотелось что-нибудь разрушить или кого-нибудь убить.

Периферийное зрение зацепило какую-то тень. Я замедлила шаг. Повернула голову. Тень исчезла. Коридор был абсолютно пуст. Я возобновила движение, сзади раздался шорох. Резко развернувшись, я бросила вперед клатч, ушла с линии удара. Он толкнул меня к стене, шелк платья скользнул вверх, обнажая бедра:

– Знаешь, змейка, я решил, что буду заниматься с тобой сексом, пока ты меня не вспомнишь.

И тут же приступил к процессу восстановления памяти.

Можно было бы, конечно, заорать что-то вроде: «Я помню тебя, желанный!» Но процесс меня настолько увлек, что я обхватила ногами бедра Нага и ничего не сказала.

– Лучше всего это у меня получается после драки, – проговорила я спустя довольно продолжительное время.

Мы уже давно переместились из коридора в одну из комнат, проверили на прочность забытый офисный стол, кожаный диванчик, подоконник, ковролин жесткого пола. Наг не желал останавливаться, будто каждый раз был последним или первым.

Сейчас мы лежали на полу, вся одежда осталась где-то там, по ней, как по крошкам, оставленным в лесу Гензелем и Гретель, можно было проследить весь наш путь.

– Тебя поколотить? – он легонько шлепнул меня и притянул к себе.

– У меня, между прочим, торжественный прием, – хихикнула я. – И жених, и гостей пятьдесят человек, включая господина Баринава с любовницей, которая по совместительству любовница моего жениха.

– Какая у тебя сложная жизнь, – Наг поцеловал меня в ключицу. – Так когда ты вспомнила?

– Мне кажется, я знала об этом всегда.

Я рассказала о своих снах, о татуировках, о слове-ключе, которое расставило все на свои места.

– Я понял, что ты это ты, когда ты подняла браслеты. Ты была крошечной девочкой, абсолютно не похожей на себя нынешнюю, я сначала тебя не узнал. Но ты подняла браслеты, и я подумал о временной петле, о шансе догнать тебя настоящую.

– Но я же не совсем та, – покачала я головой. – Та Таисия была женщиной с израненной душой, одержимая мстостью, слабая и влюбленная в тебя.

– А ты?

– Я – благополучный ребенок в благополучной семье, со вполне состоявшейся карьерой. А еще я сильная, тренированная, посмотри, какие

у меня функциональные мышцы.

Он провел рукой по функциональным мышцам, но остановил ладонь на левой груди.

– Но ты меня любишь?

– Конечно, – выдохнула я, когда он сжал руку, – и именно поэтому я это все-таки я. Одна душа, одна любовь... Почему ты этого не говоришь?

– Чего, желанная?

– Того, что любишь меня?

– Я отдал тебе свое сердце.

– Это шантаж?

– Нет, признание. Я твой, Тая-Таечка-Таисия, и да, это любовь.

Мы немножко помолчали, меня переполняла нежность, я водила пальцами по груди Нага, чувствуя биение обоих сердец.

– Знаешь, а ведь мы впервые занялись любовью примерно здесь, в том коридоре. Только тогда торговый центр назывался «Пирамида», владел им не отец, а Баринов...

– А сразу после мы отправились мстить доктору Шнупсу.

– Опять? Не Шнупсу, а Шторму. Кстати, меня, уже сейчас, мучила фраза «доктор Шторм – гипнотизер и насильник», и я сообщила о нем в полицию.

Он зевнул, зарылся пальцами в мои волосы, повернул лицо к себе:

– Мне стоит поломать ему еще парочку пальцев?

– Да нет, мы с ним не общались. Но он собирался сделать это с другими девушками. А ведь если подумать, то все ключевые события, произошедшие тогда, в эпоху «Пирамиды», повторились здесь, но в более мягком варианте. Я дралась с маньяком, который еще не успел убить свою первую жертву, предотвратила преступление Дмитрия Шторма, даже занялась с тобой любовью на том же самом месте. Не повторилась только моя ненависть к Баринову. Может, потому, что в этой петле он не сделал ничего, за что мне хотелось бы отомстить.

Я стяхнула с головы его руку и поднялась:

– Давай пойдем в зал. Я хочу убедиться, что покушение на владельца торгового центра не повторится в этой реальности.

Наг никуда не хотел, он хотел в душ и в постель, желательно со мной, о чем он мне и сообщил, растягиваясь на спине и заложив руки за голову. Мой жадный взгляд скользнул по плоскому животу.

– Я тоже этого хочу, желанный, в постель с тобой на целую вечность, но меня грызет предчувствие. Люди не меняются, и никакая петля этого не изменит. Плохой человек останется плохим, даже если ему не представится

шанса проявить свою черную сущность. Пойдем, Наг.

Дайгон сказал, чего мне это будет стоить. Я покраснела, но пообещала. И мы отправились по своим следам, как Наполеон по Смоленской дороге.

К счастью, платье не было порвано, как и его костюм. Сорочка была, конечно, в клочья, но этого не было заметно под застегнутым пиджаком. Мы помогли друг другу одеться, Наг застегнул на спине мое платье, я повязала его галстук. И это было почему-то интимнее всего, что у меня сегодня было.

Мы вошли в лифт. Зеркальная стена отразила мое счастливое лицо с искусанными губами.

Лифт остановился, Наг пропустил меня вперед. В зале играла скрипичная музыка, гости танцевали. Я с ужасом поняла, что вечеринка тематическая. И темой был Древний Египет. Официанты разносили канапе и напитки, одетые в безразмерные черные балахоны, их лица скрывали птичьи маски.

– Ты получил приглашение? – обернулась я к Нагу.

– Да.

– Там было написано о Египте?

– Да. Но я не придавал этому значения, тем более что приписка внизу гласила, что маскарадный костюм желателен, но не обязателен.

Я похолодела. Петля повторялась.

К нам подошел Сергей, на его груди болталась на веревочке блестящая полумаска.

– Ты нас представишь?

Я кивнула:

– Познакомьтесь. Это Сергей Ищук – мой жених, а это Наг – мой...

– Муж, – закончил за меня Наг и, видя мои приподнятые брови, добавил: – Во веки веков.

Пока Серый не отключился от обилия противоречивой информации я быстро его спросила:

– Ты видел Леру? Она должна была прийти со своим... немолодым человеком.

– С Бариновым? – хмыкнул жених. – Извини, дорогая, но я вычеркнул их из списка приглашенных. Твоя Лерочка стала излишне навязчива.

Я облегченно вздохнула:

– Молодец, Ищук. Выпиши себе премию за хорошую работу.

Васильевна ко мне не подошла, а подтанцевала.

– Тимофей, – представила она своего молодцеватого спутника.

– Наг, – дернула я за рукав желанного.

– Один-один, – заржала Светка, и я догадалась, что напитки она дегустирует уже не первый час.

Нас потащили танцевать, дайгон вполне уверенно вел меня под медленную мелодию.

– У тебя остались неоконченные дела? – спросил он, прикоснувшись губами к моим волосам.

– Я должна попрощаться с родителями. Сделаю это после праздника.

– Значит, сегодня ночью?

– Да, – произнесла я одними губами и добавила: – Я люблю тебя.

Музыка смолкла. К микрофону поднялся мой отец.

– Я не мастер говорить речей, – голос его дрожал от переполняющих чувств. – С днем рождения, ребенок!

Свет мигнул, стал менее ярким, тележка с многоярусным тортом, на котором живым огнем горели свечи, двигалась сквозь толпу. Скрипачи завели тематическую мелодию, сначала тихо, потом все громче и громче.

Я вышла в центр залы, загадывая, что если смогу задуть сразу все свечи, то...

Свет потух. Раздался выстрел. Я истошно закричала, оборачиваясь. У сцены угадывался силуэт лежащего человеческого тела.

– Папа!

В зале началась паника, в полной темноте гости пытались бежать, натыкались друг на друга, кричали.

Включился свет. Скрипачи пробивали себе дорогу в толпе своими инструментами.

Я подбежала к сцене. Отец сел, прислонившись спиной к бортику.

Наг уже был рядом:

– Он в порядке. Догони того, кто стрелял, – он, поморщившись, прижал руку к плечу, там была кровь.

– Ты поймал пулю?

– Это ерунда, вспомни о моей регенерации. Почему ты медлишь?

– Потому что знаю, кто он, – я улыбнулась очень широко. – И не вижу смысла за ним бегать. Хочешь, пап, я принесу тебе его голову?

Наг хихикнул, особенно когда увидел реакцию моего родителя.

– Лешенька, – через зал бежала мама, ей приходилось двигаться против течения, поэтому она, не глядя, отвешивала по сторонам тумачи.

– У нее поставленный удар, – решил Наг, пуля из его руки покатила по паркету. – Я, кажется, начинаю опасаться знакомства с тещей. Пойдем за головой вместе.

Мы переждали пробку в дверях и спокойно вышли наружу. Вдалеке

слышались полицейские сирены.

Мы спустились на лифте, вышли из здания, свернули на наземную парковку. К алюминиевым перильцам был пристегнут чей-то велосипед, я сентиментально вздохнула.

Наг пошевелил рукой, остался доволен и с улыбкой спросил:

– Ты так уверена, что он повторит твой путь после покушения?

– Процентом на семьдесят.

– А в том, что это Баринов?

– Процентом на девяносто.

– Куда теперь? – Неподалеку раздался залиvistый собачий лай. – Кажется, Рашук решил нас поторопить. И рой с ним.

– Да некуда ему больше идти, – я ощутила укол сомнения. – Выход там, за мусорными контейнерами, шахта лифта сообщается с туннелем бомбоубежища, там целый лабиринт под землей. Что? Рашук?

Я обернулась. С холма спускалась кряжистая фигура, только на этот раз вместо карабина он держал в руках поводок, с которого, повизгивая и виляя хвостом, пыталась сорваться огромная кавказская овчарка.

– Майор? Рашук! Рой!

Я, заорав, бросилась к ним, потискала слюнявого кавказца, обняла за плечи Рашука.

– Ты снова меня учил.

– Кто-то должен был заняться твоей физической формой, пока капитан отращивал себе новое сердце.

– И рой! Я тебя не узнала бы ни за что, ну разве если бы ты вдруг начал курить, разгоняя насекомых.

– У него теперь новый фетиш, – наябедничал Рашук, – антиблошиный порошок. Кстати, о фетишах, ты не могла бы уговорить дайгона, чтоб он позволил мне опять стать мальчишкой?

– Это он тебя заставил?

– Не хотелось бы мешать радости вашей встречи, – раздался за моей спиной густой бас Нага, – но мне несколько затруднительно держать преступника раненой рукой.

Я обернулась очень быстро. Баринов лежал на земле, он даже не снял свой черный балахон, короткое помповое ружье валялось рядом. Петля замкнулась.

Аристарха Евгеньевича арестовали. Он кричал, обвиняя в своих бедах Лешку Берга, который двадцать лет назад отнял у него драгоценную мумию, которая, в свою очередь, обещала Баринову власть, богатство и вечную жизнь. Полицейские косились на него даже с сочувствием, как на

городского дурачка, но заковать в наручники не забыли.

Мы стояли на смотровой площадке над Славигорском, обнявшись, все пятеро, образовывая такую себе скорбную кучу-малу. Я прощалась с семьей. Петля замкнулась и здесь, все вернулось к началу. Родители не плакали, наверное, уже не могли, близнецы, будто ищущие друг в друге поддержки, шмыгали непохожими носами.

– Обещай мне, что будешь счастлива, – сказала мама.

– Да.

– И пойдешь туда, куда позовет тебя сердце.

Я молча кивнула и ушла, с усилием разомкнув объятия. Потому что прощаться было почти физически больно, а остаться я не могла.

Мое сердце звало меня.

Нойс, Германия, 2017